

Лука Вассиса

Одна для всех

ПОПАДАНКА

— Король Имре только с войны вернулся. Соседнее королевство прихватил.

— А я ему зачем?

— Известно зачем. Владениям его Величества наследник нужен. — терпеливо объясняла фрейлина.

— Ясно, — Маша откинулась на спинку сидения. Теперь каждая кочка отдавалась не только в пятую точку, но и в спину.

— Вернее, нет, не ясно. Почему именно я?

— Так ваше королевство ему в приданое за долги отходит. К тому же род у вас древний, это важно.

— Зашибись! — Маша приуныла.

— Вдруг он злой, извращенец какой. Или толстый и старый!

— Говорят, молодой красавчик. Но характер лютый. Что ни по нём, голову с плеч.

Попаданка. Одна для двоих
Лука Василиса

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

— Я беременна. И кажется, я умерла.

Из последних воспоминаний Маши — она в реанимации, у её кровати суетятся медики. Девушка заглядывает им через плечо и видит себя... А потом бац! Темнота.

И вот она сидит в карете.

Маша с удивлением рассматривала всё вокруг. Изнутри всё обито лиловым бархатом. Сама она одета в ворох розовых складок, выглядывающих из под них нижних юбок. Бордовые, цвета крови шёлковые туфельки. Фиолетовые ленты на пышных рукавах, вырез каре. О! Грудь! Какая шикарная. Машка могла упереться в неё подбородком, так высоко её задрал фасон платья.

— Наверно, я еду в рай. — оптимистично предположила Маша,

— Хорошо бы определиться где я, кто я и куда, собственно, реально еду.

Девушка выглянула в оконце в лаковой дверце кареты. Дверь поддалась, открылась и Маша чуть не вылетела.

На грохот хлопнувшей двери карета остановилась. Девушка от неожиданности забилась, спряталась в угол.

Дверца кареты открылась, за ней в реверансе застыла девушка:

— Чего изволите, Ваша Светлость?

Маша соображала во что она вляпалась. Уставилась на девушку: светлые волосы аккуратно собраны под скромной шапочкой. Лицо по-детски наивное. Глаза цвета серого неба, с голубизной. Смотрят внимательно, сосредоточенно. Такие добрые, красивые. Маша не представляла, какого чудесного друга ей подсутили небеса. Скоро у неё будет возможность в этом убедиться.

— Как дела? — это всё, что Маше пришло в голову ответить. Девушка по ту сторону кареты молчала. Не дождавшись чего-то внятного от "Светлости", спросила:

— Моя госпожа, хотите пить, есть, погулять?

— Ты кто?

— Эльза. Я ваша первая фрейлина

— А где вторая?

— Так я единственная, — девушка от растерянности открыла рот.

— Куда мы едем?

Девушка несмело ткнула рукой куда-то туда.

— Так куда, Эльза?

— На свадьбу. На вашу свадьбу, — фрейлина предвосхитила следующий вопрос.

— Офигеть. Серьёзно? Вопрос Маши смутил фрейлину, она даже попятилась.

— Вот что, Эльза. Садись ко мне и расскажи всё толком. А то я проснулась и ничего не помню.

Маша поняла одно, что в рай она не поедет. До неё стало доходить, что это не сон. Значит, она попаданка. Так, кажется это называется, когда проваливаешься во временной портал, попадаешь хрен знает куда, а главное, хрен знает зачем.

Служанка, или как её там, поправила на Маше платье, промокнула ей лоб, напоила водой из графинчика и удобно уселась напротив "её Светлости".

Карета тронулась, чем внесла дискомфорт в Машины ощущения. "Эх, люди, а мы на трамвай злимся, сиденья нам не те!" — Маша чертыхалась про себя, " Не сживали ваши зады на деревянных скамьях, скачущих по бездорожью..."

Эльза что-то говорила, махала руками, Маша вдруг перебила её:

— А где моя свита?

— Какая свита?

— Ну, раз я Принцесса, на свадьбу еду, где подруги невесты, ну эти, фрейлины. Багаж, кареты, кони?

— Ваша Светлость, вероятно вы так крепко спали! У вас нет других фрейлин, карет, коней. С вами только я и кучер Тилль.

— Я нищенка?

— У вас не богатое королевство. А ваша мать выдаёт вас замуж за богатого короля.

— Как это выдаёт? Я его и не видела. Или видела? — Маша вопросительно взглянула на Эльзу.

— Король Имре только с войны вернулся. Соседнее королевство прихватил.

— А я ему зачем?

— Известно зачем. Владениям его Величества наследник нужен. — терпеливо объясняла фрейлина.

— Ясно, — Маша откинулась на спинку сидения. Теперь каждая кочка отдавалась не только в пятую точку, но и в спину.

— Вернее, нет, не ясно. Почему именно я?

— Так ваше королевство ему в приданое за долги отходит. К тому же род у вас древний, это важно.

— Зашибись! — Маша приуныла,

— Вдруг он злой, извращенец какой. Или толстый и старый!

— Говорят, молодой красавчик. Но характер лютый. Что ни по нём, голову с плеч.

" Ничего себе", — призадумалась невеста, " получается, мамаша меня за долги отдаёт. Красотка!"

— Кстати, а где она?

— Кто?

— Моя мать.

— Неделей раньше уехала.

Маша озадаченно смотрела в окно. Интересное кино. Она едет в лапы к незнакомому мужику. Мир мужчин такой опасный, кто знает, что ожидать от незнакомца.

Она оторвала взгляд от окна, спросила:

— Эльза, как меня зовут?

У фрейлены округлились глаза.

— Беатрис де Болуартье. Вы совсем ничего не помните?

Маша помнила всё. С самой первой минуты того утра. Из той жизни.

НАШЕ ВРЕМЯ.

Маша хлопала рукой по прикроватной тумбочке. Не открывая глаз, пыталась нащупать телефон и отключить будильник.

Ей так хотелось сохранить, удержать послевкусие от бушевавшей стасти жаркого полнолуния. Её не отпускала расслабленная нежность, приятная усталость. Будильник, подлый друг рассвета, противно пикал, она нечаянно смахнула его, он грохнулся и

продолжал настырно пикать всё громче.

Ей пришлось подняться. Наклонившись за ним, почувствовала, что в глазах потемнело и всё куда-то поплыло. Тошнота подкатила внезапно, Маша еле успела добежать до ванны.

Её выворачивало наизнанку. Запах готовящейся яичницы, просачиваясь из кухни, добавил прыти желудочным спазмам. Умывшись, Маша вяло добрела до кровати, с удовольствием свалившись лицом в подушку, зажмурилась, пытаясь вернуться в негу ускользящей ночи. Через минуту девушка выпрямилась. Всё прошло, ничего не напоминало о прелести ночного свидания, зато стучало в голове резвым пробуждением.

В спальню вошёл Иван. Маша показалась ему бледной, растрёпанной.

— Мышка, что случилось? Приснился страшный сон, да?

— Нет, — она почти рывкнула, сама того не ожидая.

Он присел перед ней, заглянул в глаза.

"Боже, какой он красивый. Накинута рубашка обнажала нехилый торс, короткие шорты, татуха из тугова витка скрученного кельтского узора широким браслетом через предплечье. Крепкая шея. Смуглая кожа, ровный нос, брови вразлёт. Губы...о! Эти коварные губы, твёрдые, чётко очерченные, с лёгким подъёмом у самых уголков. Глаза зелёные, нахальные. Самые любимые. Обычно смешливые, сейчас смотрели на неё с заботой и нежностью.

Он поднялся, потоптался, внимательно посмотрел на лохматую фурию, поцеловал и вышел.

"Я беременна. Наверное" — сказала Маша вслух сама себе, сидя на кровати и болтая ногами. "Я беременна?" — теперь она сама себя переспросила. Конечно, это не было неожиданностью для девушки под тридцать, коей являлась Маша. Да и факт еженочных горячих возлежаний в объятиях страстного мужчины давно обещал именно такого результата. Ну как то не так она себе всё это представляла.

Маша задумалась. А что, собственно, её тревожит? Квартира у неё своя, Иван подарил. Скоро свадьба и по этим комнатам она будет рассекать с гордым ником "жена", а не то что вот это всё "любовница", "сожительница". Он хозяин офигенной фирмы с обалденными перспективами. Денег у него тьма. Маменька его расстаралась. Правда Машу она не переносит, (ну так, между нами, Маша платила ей взаимностью). Скоро свадьба. Может, маменька его успокоится, когда узнает, что будет лялечка.

— Так, стоп! Что-то я размечталась. А беременна ли я на самом деле? Надо сделать тест. — Маша разговаривала сама с собой.

Иван снова заглянул в спальню:

— Эй, красивая, злобная мышка, иди завтракать!

Она буркнула что-то нечленораздельное. Он, терпеливый и спокойный как Му-Му, нежный, как Единорог с детской футболки, поцеловав свою Машку-растормашку, молча ушёл на работу.

Маша наконец-то выбралась из постели и не спеша отправилась в путешествие по кухне. А куда спешить, всё равно опоздала и придётся наврать начальству, оправдываясь.

Увидев тарелку с беконом и яйцами еле сдержала позыв тошноты. Схватила бутылку минералки из холодильника, отзавтракала водичкой и пошла собираться. Она всё оттягивала момент подтверждения своей догадки. Странно, она так ждала в душе этой радостной весточки и так оттягивала. Всё казалось, что надо подождать. Взяла таки тест на беременность и направилась в ванну.

Выйдя оттуда, Маша уставилась на себя в зеркало в прихожей. Бережно прикоснулась к

животу.

— Это что? Вот тут живёт кто-то совсем малюсенький?

Изображение из зеркала несколько удивлённо смотрело на неё в ответ, помалкивало.

Она предвзято оглядела себя. Вердикт, как обычно, был не в пользу отражения. Зеркалу было начихать, оно привыкло к округлостям и выпуклостям вечно недовольной своей фигурой хозяйки.

Маша бесцельно слонялась по комнате, прикидывая, как она раздастся вширь и поперёк. Пыталась почувствовать нечто особенное, такое, чтоб выступили слёзы.

"Наверно, я рехнулась от радости. Раз ничего не чувствую. Зато, у меня есть ощутимый плюс — я не буду работать. Буду спать до обеда. Минус — я не буду работать, разосплюсь и разожрусь как корова. Нерадостная радость получается.

Правда один самый-самый большой плюс это радость для Ивана. Он давно просит её оставить работу. Или поменять контору. Но нет, Маша у нас звезда гордая на всю голову! Работать будет там, куда взяли без блата."

Будущая мама решила по дороге придумать, как обрадовать будущего папашку такой новостью, а заодно оценить его реакцию.

Девушка бережно уложила полосочку теста в конвертик, предварительно перевязав тонкой синей ленточкой, (другой не нашлось). Покрутила конверт в руках, привыкая к важности события. Аккуратно спрятала его в сумочку, пытаясь не замять уголки и отправилась на работу.

День тянулся и тянулся. Маша несколько раз порывалась позвонить Ленке, спросить совета. Останавливала себя, не сумев до конца решить, что делать со свалившейся на неё новостью. Это всё ещё было её тайной и она не придумала, ставить ли мир в известность. Девушка рассеяно возилась с бумагами в своём бухгалтерском бюро.

Пилимкнул телефон. Сообщение со скрытого номера. Зацепила краем глаза текст, через секунду отложила всё и перечитала ещё раз.

" Зайди к Ивану в семь. Узнаешь много интересного".

Провал во времени

К ночи разыгралась непогода. Одинокaя карета, поскрипывая, продираясь по расползающейся колее, подъехала к царскому домику на ночлег.

Ничем не примечательный серый дом с угольно-чёрной крышей вытянулся вдоль полосы леса. Расцарапанное ветром небо пряталось в сизые тучи. Срывающийся мелкий дождь пригоршнями кидал капли в окно кареты.

Кучер, молодой, крепкий красавчик разложил ковром солому перед Машей. Не успела девушка выбраться из тесной тарантайки, как свирепый ветер дёрнул её за волосы. Бросил в лицо пряди рассыпавшихся волос. Маша прыгая, на носочках добралась до крыльца.

В сенях запах прелого зерна перемешался с чем-то кислым. Вдоль стен стояли мешки, кадки. В дальнем углу девушка заметила ребёнка лет пяти, сидящего на полу, обхватившего колени руками. Мальчик спрятал лицо в коленях, повернулся спиной к вошедшим. Даже в сумеречном свете, она заметила, что на нём одежда с чужого плеча, а из набухшего от влаги ворота торчит худенькая шея.

Перед Машей распахнули дверь в гостинную. Жарко полыхал камин, отсветы яркими ключьями гуляли по низким балкам потолка бревенчатой избы. В дверном проёме виднелась маленькая спальня — кровать, стол, свеча. Было тепло, уютно.

На ужин подали мясо, вино.

— Эльза, спроси у хозяина, что там за ребёнок

— Какой ребёнок, Ваша Светлость?

— В сенях.

Фрейлина обратилась к хозяину на незнакомом языке, тот отвечал обрывисто, зло.

— Что он говорит? Мне не нравится его тон.

Эльза перевела. Тот сразу елейным голосочком что-то проскулил, растёкся в поклонах и исчез.

— Говорит, бродяжка. Каких много. Мальчишка говорит, что ждёт мать. Она должна здесь появиться.

— Распорядись, Эльза. Пусть накормят. — Маша успокоилась. Раз есть мать, можно не волноваться.

Позже она ушла в спальню, плотно притворив за собой дверь. Комната была тесной, в ней пахло травами, чем-то очень специфическим. Каким-то неистребимым запахом. Такой обычно сохраняется у бабушек на кухнях.

Снаружи разбушевалась непогода. Девушка присела за стол, напротив закрытого ставнями окна. На столе постепенно таяла свеча, немного чадила. Из-за соседней двери слышны были негромкие голоса. Эльза отдавала служкам распоряжение на завтра.

Внезапно ставни сорвались с петли, распахнулись. Порыв влажного ветра снёс пламя свечи. Дохнуло холодом, наступила темнота.

Точно так, как в тот самый день, когда её прошлая жизнь раскололась на двое, провалилась в чёрную глубину после СМС.

НАШЕ ВРЕМЯ.

"Зайди к Ивану в семь. Узнаешь много интересного". Она перечитывала и перечитывала, даже телефон перевернула, посмотреть на чехол, вдруг это чужой. Маша не

верила, что всё кончилось. Не зная толком в чём дело, интуитивно поняла, что прозвенел звоночек начала конца.

То счастье, равновесие, которым она дорожила, закончилось вот только что, сию секунду.

Машка была очень ревнива, не скрывала этого, да такое и скрыть невозможно.

Чувство ревности, жуткое, всепожирающее, глубоко спрятанное, вырвалось наружу, налетело на неё скорым поездом, сшибло, раздавило. Перехватило горло, стало нечем дышать.

Она судорожно схватила телефон, тыкала пальчиком, пыталась выцепить откуда прилетела новость. Посмотрела на часы. Четыре, а надо в семь. Поехать сейчас? Дождаться семи?

Её как водой окатило. Измена!

Сейчас, перед свадьбой. Она ещё и беременна. Как тривиально... Почему в самый счастливый день её жизни случилась эта беда!

Маша еле досидела до пяти. Не выдержала, сорвалась с места и рванула к нему на работу.

Шикарный офис, охрана, всё как должно быть там, где крутится много, очень много денег. Маша уже бывала в его кабинете. Окна в пол, дорогая мебель из американского ореха. Огромный стол розового дерева в переговорной. Металл, стекло. Всё такое дорогое, наверное, очень дорогое.

Маше не было до этого дела. Она в этом мало понимала. Попадая в такие пространства робела. Чувствовала себя не в своей тарелке. Иван выдал ей спецпропуск, она могла войти в любую минуту. Но никогда этим не воспользовалась раньше, тем более не сделает и сегодня.

А почему? Маша спрашивала саму себя. Может, я вся такая порядочная, без приглашения в грязь не ныряю! А может, потому что трушу и чую одним местом, что он там не один?

Чтоб не выглядеть нелепо, интуитивно пытаюсь предотвратить ситуацию, позвонила с дежурного телефона по добавочному Игнату. Его бессменный секретарь. И чё я раньше ему не позвонила?

Трубку взял точно не Игнат.

— Здравствуйте, меня зовут Люся. Я временный секретарь Ивана Алексеевича. Чем я могу быть вам полезна? — вышколенный голос незнакомой женщины огорошил Машу. Вот голос бабы она точно не была готова услышать! Тут же подумала: "Дура. Он же как раз с Люськой, наверное. Говорят, все с секретаршами мутят".

Рапорт Люси вернул её в реальность.

— Это я, — голос сел, Маша прокашлялась:

— Люся, это Маша. Позовите Ивана, мне срочно.

— Здравствуйте, Мария. Иван Алексеевич на встрече. Сейчас нет возможности пригласить его к телефону. Как только Иван Алексеевич освободиться, я сообщу о Вас, Мария. Оставьте после сигнала Ваш номер телефона. Ожидайте.

Маша вышла из здания. Её отпустило. Стоило так нервничать. Он же вчера предупредил её, что сегодня у него что-то архиважное. Девушка села в машину, огляделась. И вправду, всю парковку заполнили представительские машины. Сидели водители, читали, дремали ожидая своих бонз. Машку распирала гордость — вот какой у неё мужик, вот сколько серьёзных людей работают вместе с ним.

Время шло. Люди выходили, машины разъезжались, Ивана не было видно. Маша уговаривала себя, что подозрения напрасны. Умная девочка не повелась бы на провокацию. "А ведь это провокация, верно?" — спрашивала она сама себя. На что игры мозга равнодушно пожимали плечами "Кто знает?".

Ерунда всё это, решила девушка, пытаясь заглушить нарастающие комом подозрения. Возьму-ка я нашу счастливую телеграмму из будущего, пойду и обрадую новоявленного папу!

Она посмотрела на часы.

Восемнадцать пятьдесят. Стоянка опустела. Несколько машин разноцветными точками были разбросаны по периметру. Ивана всё не было.

Однако. А не пора ли ей подняться. Маша медленно, как будто оттягивая момент, на ватных ногах отправилась в здание.

Тем временем Иван вошёл в кабинет бесконечно уставшим и выжатым. Тандер он выиграл, но каких трудов это стоило! Усевшись в кресло, аккуратно уложил драгоценную папку в сейф. В кабинет без стука неожиданно вошла Люся. Что-то в ней было странное. Иван не узнавал её. Она работала недавно, он толком не успел присмотреться к ней, да особо и не приглядывался. Так, обычная, ничего особенного.

Она подошла и неожиданно села перед ним на стол, одним движением закинув ноги на подлокотники кресла, широко расставив ноги. Откинувшись немного назад, тряхнула головой, ловко сорвав зажим и распустив волосы. Он, растерявшийся от неожиданности сидел неподвижно, созерцая роскошное чудо бесстыжей женщины. Ажурная резинка чулков там, где задралась юбка, чёрная глубина под ней, жар исходящий от её тела...

Он размышлял как прогнать её. Что бы он сейчас не сказал, её ничто не остановит, она всё обратит во флирт. Оставалось ее перевернуть вместе со столом. Или без стола.

Иван крепко взял её за щиколотки, пытаясь опустить ноги.

Она резко выпрямилась, ухватила его за плечи, приблизив лицо:

— Поиграем?

Внезапно дверь распахнулась.

НАШЕ ВРЕМЯ

Маше так хотелось положить конец своим мучительным сомнениям! Поднимаясь в лифте она то мысленно торопила его, то мечтала, чтоб лифт застрял и всё решилось бы само собой, без неё.

Она всё размышляла, что лучше? Знать и потерять любимого навсегда, или не знать и вечно сомневаться..

Маша вошла в кабинет. Нет, скорее вбежала. Остановилась на пороге. Замерла.

Иван увидел на её растерянном личике потемневшие озёра глаз. Маша, бледная, стояла и смотрела хлопая ресницами, ловя воздух ртом.

Люська проворно соскочила со стола, отвернулась к окну. Раскинув локти делала вид, что застёгивает пуговицы на шёлковой блузке.

От неожиданности Иван тоже вскочил, суетливо стал смахивать несуществующий сор со стола, переставляя предметы.

— Маша, я тебе сейчас всё объясню! — Иван обескуражено переводил взгляд с одной женщины на другую.

— Ты ей скажи, — Люся делано-доверительно наклонилась к Ивану, громким шёпотом продолжила:

— что это не то, что она подумала!

Люська, стильная, утончённая прошла мимо Маши. Улыбка коварной, беспощадной змеёй ползала по её губам.

— Смени парфюм, Машенька. Ванюша сказал, ему твой надоел! — негромко, почти ласково присоветовала Люська несчастной девушке,

— Маша, позвони мне, вместе подберём чтонибудь..

Спокойно удалилась, постукивая пятнадцати сантиметровой хищной шпилькой.

Маша вышла из оцепенения. Подняла вывалившийся из рук конвертик, бросилась прочь.

Иван вернулся в кресло. В голове ни одной мысли. Что это было? Он так устал. Думать не хотелось. Решив, что во всём чуть позже разберётся, собрался домой. Вообще то он ни в чём не виноват, стало быть и разбираться не в чем. Иван даже злился на Машу. Не дала ему возможности объяснить, что это и вправду не то, что она подумала.

А эту новенькую дуру, как её там...Люсю, да, кажется, так её зовут завтра же уволит.

Судорожно давя на кнопку лифта, Маша хотела только одного: бежать. Она в шоке уставилась на своё отражение в зеркале тесной кабинки. Серо-зелёное лицо, тёмные провалы глаз. Девушка сползла по стенке, села на пол, обхватила голову руками.

Ещё утром она была любимая девушка Маша, будущая мать, а теперь просто беременная шалава. А кто ещё? Или как это по другому называется. В их посёлке вернувшимся из города брюхатым красоткам давно придумали название.

Лифт любезно распахнул двери, предложив покинуть место, где, как выяснилось, Маше были не рады.

Бегом добравшись до машины, вжав педаль в пол, с прокрутами колёс по мокрому асфальту, девушка втискивалась в извечную пробку вечернего города.

Смеркалось, тучи плотно захлопнули небеса, разразившись дождём.

Маша лавировала между машинами, пытаясь прорваться как можно быстрее. Куда

торопилась? Сама не знала. Надо было что-то делать. Вот она и делала: рвалась прочь из этой грязи.

В голове осознание случившегося гвоздями заколачивало дверь в её будущее. Жизнь раскололась на "было" и зияющую пропасть неизвестности "что теперь будет".

Мысли скакали, мешались в голове, у неё перехватывало дыхание, слёзы катились сами по себе. Машка выла в голос.

"Интересно, как там у них всё было? Как у нас?" — её передернуло, оторопь пробежала по всему телу, — "А может и мне перетрахаться, пусть почувствует, каково это. Фу, мерзость. А, главное, как это отменит то, что уже случилось".

Стоп! Маша включила логику. Теперь же надо где-то жить. Забрать вещи из его квартиры. Ничего, что он купил ей эту квартиру в подарок. Пусть подавится ею. Пусть Люське передарит. Тупая, какая же она, Маша, тупая! Сколько раз слышала такие истории. Ну да, конечно, с ней же не могло такого случиться...

Вот куда теперь."

Маша решила на первое время в гостиницу. Сначала шмотки заберёт.

Притормозив у подъезда, выскочила, не стала ждать лифта. Перепрыгивая через ступеньки, нащупала ключ. Не разуваясь, влетела в комнату, пробежалась глазами: с чего начать. Скользнула по развороченной постели — это ее, Машкина, фишка не заправлять кровать. Тёплую, взъерошеную горячими счастливыми простынями, как бы удерживая волшебство страстной ночи в ворохе складок.

В висках стучало, слёзы высохли. Её потряхивало, было страшно. Девушка торопилась, как воровка пыталась исчезнуть из квартиры до появления хозяина.

Маша схватила сумку. Нет, мала. Открыла зеркальный шкаф-купе, на глаза попалась палатка в чехле. Самое то. Высыпала из чехла всё на пол. Грохот, лязг падающих палок её не смутил. Стала запикивать свои тряпки в чехол как придётся. Многовато выходит... не влезает. Вытащила всё назад. Решила взять необходимое. Открыла ящик с бельём.

С самого знакомства с Иваном её немного напрягало, что от него не воняет, как от её бывшего, а пахнет тонким парфюмом, шампунем и дезиком. Запахи тонкие, еле уловимые. Ей это одновременно и нравилось и не нравилось. Она начинала комплексовать, приносиваться к себе.

Как бы она не намывалась, когда он в порыве страсти опускался языком к перекрёстку её ног, замирала от ужаса. Напрягалась до помертвения, боясь, что там пахнет. Вырывалась, дёргалась. Чувствовала, что ведёт себя как дура, но ничего не могла с собой поделать.

Зато только с ним, с пижоном, поняла, что бежевый лифчик и чёрные трусы не имеют права на совместное существование.

Всё её бельё теперь лежало по коробкам, оно было не просто дорогое, а драгоценное. Он баловал Машу, ему нравилось делать такие баснословно дорогие подарки, он не скупился. Эти коробки полетели в мешок первыми. Скидывала туда всё подряд, вместе с вешалками. Вещи цеплялись друг за друга, комкались, торчали. Она взбесилась, вывалила снова всё на пол, разрыдалась. Сидела на полу, раскачивалась и рычала.

Снова вскочила. Сдирала одежду с вешалок, бросала насыпом: носки, обувь, косметику. На глаза попалась шуба. Маша кинулась на неё, вымещая злость. — На, получай! — Она топтала её, таскала за рукав, наконец отшвырнула в угол. Вспомнила про документы, сунула их в сумочку. Что ещё? Да, зубную щётку. Примчалась в ванну и остановилась.

На полочке лежала упаковка от теста. Маша устала на неё, ноги стали ватными.

Размазав рукавом по лицу слёзы, вернулась в комнату, схватила сумочку, достала конверт. Открыла, ещё раз взглянула на полоску, которую романтично перевязала синей ленточкой. Притащила из прихожей блокнотик для записок, выдрала листик, написала "Спасибо тебе за наше несостоявшееся будущее.

От нас двоих"

Вложила записку в тот же конвертик, оставила его на столе.

Стремительно вышла из квартиры, послав к чертям все шмотки, захватив с собой только сумочку.

Она снова бежала прочь, вниз по ступеням. Боялась встретить Ивана. Сама не знала почему, но боялась.

На улице дождь. Руки дрожали, не слушались. Педаль в пол. Понеслась, не разбирая дороги. Монотонный мелкий дождик плакал вместе с ней, стекал грустными ручейками по стеклу, размывая темноту плохо освещённых улиц.

Обычно ей нравилось ехать по ночному городу. Тёплый свет фонарей освещал дорогу домой, в тепло, в уют. К нему.

Но не сейчас!

Сегодня всё против неё. Даже подлые фонари отражаются в мокром асфальте, как в зеркале, слепят.

"Ну и дура! Размечталась!" — она кусала губы, глотала злые слёзы. Эх, собирались на выходных с мамой по свадебным салонам пройтись. Конечно, она знала, что Иван оплатит любое платье, но обязательно сам посмотрит на товар. Она доверяла ему, её не смущали бредни типа тех, что жених не должен видеть платья. Она отлично знала, что вкусом не дотягивает до его уровня и запороть многомиллионную свадьбу глупостью неверного выбора не собиралась.

Но мама запричитала, скромно попросилась походить с дочкой по богатым салонам, насладиться сервисом расторопных продавцов. Ей хотелось почувствовать атмосферу праздника, увидеть, как дочка примеряет разные фасоны.

"Моя бедная мамочка", — Машкино сердечко снова сжалось.

"Как же тебе не повезло с дочкой", — Маша чуть не проехала на красный. Еле успела затормозить, — "Такая вся, здравствуй, мама. Вот и я, приехала из столицы, как все неудачницы, брюхатая и не замужем".

Злые слёзы высохли, Маша решила, что отомстит. Никуда она не вернётся. Ни к маме, ни к нему. Квартиру снимет, работа есть. А беременность, ну что ж. Не сложилось.

Она решила достать тест, смять его, надеясь, что это придаст решимости и хоть как-то облегчит ужас, в котором она находилась сейчас, сию минуту.

У неё вылетело из головы, что конверт остался у него дома, на прикроватном столике.

Она рылась в сумочке, придерживая руль одной рукой. Пальцы обо что-то кололись, да где же он. Маша дёрнула сумку, не могла найти конверт. Шипела сквозь зубы "ненавижу", злилась ещё больше.

Удар. Темнота...

Маша оказалась в странном коридоре без стен. Плыла по нему, не касаясь пола, потолка, но чувствовала его границы. По её ощущениям коридор был круглый, как тоннель. Казалось, что она внутри широкой невидимой трубы, не видно ничего, кроме серого цвета в сером пространстве. Не больно. Не страшно.

В конце тоннеля по мере приближения она стала различать чей-то контур. Через

секунду она оказалось возле большого серо-жёлтого камня. Высокого, треугольного. Возле него стоял старик. В странных одеждах, длиннобородый, он неспешно листал толстенную книгу. Страницы переворачивал долго, медленно. Ни разу не взглянул на Машу. Затем ровным, спокойным голосом произнёс:

— Тебе ещё рано.

Пространство перед Машей схлопнулось.

Она откуда-то сверху, из густой темноты, далеко внизу увидела мост над чёрной водой. Тусклые фонари освещали копошащуюся кучу. Неясно, что там происходит.

Приблизившись, она рассмотрела искорёженную машину, сдувшиеся сопля подушек безопасности, смятую балюстраду. Посреди дороги стояла скорая. Поодаль пожарная и полицейская машины. На земле лежали носилки, над ними сустились медики.

Неведомая сила отбросила Машу назад, в чёрную синеву ночного неба. Уплывая в глубину она успела сообразить, что железное месиво— это её машина, а несчастное изломанное тело— это она сама.

НАШЕ ВРЕМЯ

Иван, немного посидев и приняв ситуацию как событие неприятное, но поправимое, закрыл кабинет и отправился домой.

Скорым шагом преодолев расстояние до машины, успел чертыхнуться насобирав холодных дождинок за шиворот. Расположившись в салоне, вспомнил, что не ел с утра. Маша готовить не умела от слова совсем. Сегодня на совместный ужин рассчитывать не приходилось. "Значит, еду в ресторан", решил Иван.

У них с Машей это был первый серьёзный конфликт. По мелочи что-то вспыхивало, он даже не помнил что именно. Истерики баб для него не были в диковинку. Он к ним относился никак. Как только дама начинала орать, визжать, просто выставлял её за дверь. Физически. Брал в охапку и выносил вон. Терпеть не мог орущих баб.

Маша, его Машенька, она другая.

Он бы не сразу нашёлся с ответом на вопрос, что он нашёл в этой девушке. В ней не было ничего особенного. Обычная, такие толпами ходят на улице.

Далеко не худышка. Пышная грудь, крутые бёдра, тонкая талия. Круглое личико, ровная кожа и потрясающие серо-зелёные глаза. Глубокие, иногда смешливые, чаще доверчивые и милые.

Он не вспоминал о ней в течении всего дня, просто знал, что она существует и вечером они будут вместе. Ну как можно описать чувство к очаровательному котёнку?

Иван не любил толпу, избегал общения с посторонними. Приехал в дорогой китайский ресторан, здесь он меньше всего ожидал встретить знакомых. Обслуживание было на высоте, конфиденциальность клиента ценилась превыше всего. В ресторане занял отдельную кабину, заказал рыбу. Смотрел в окно на смазанные дождём блики фонарей ночного города. Сидел и ни о чём не думал.

Его догнала усталость, напряжение дня потихоньку давало себя знать.

С этим невнятным вечерним происшествием он даже не успел порадоваться своей долгожданной победе. Всё! Он победитель! Его труды за тендер оказались не напрасны.

На этой чудесной ноте закончив ужин, решил, что пора домой. Мириться с Машкой. Все женщины такие дурочки! Напридумают себе всякой ерунды. Потом ты же и мириться едешь! Иван в отличном расположении духа свернул под арку сталинки, по привычке глянул на свои окна. Странно, не светятся. Обычно, если он задерживался, Маша читала или спала, но свет обязательно горел. Маша говорила: мой огонёк в ночи для тебя, любимый.

"Началось" — с досадой подумал Иван, " ну и где наша Маша..."

Открыл дверь. Вошёл. Щёлкнул выключателем.

Он глазам своим не верил. Перед ним зияли пустотой вывернутые наизнанку шкафы, зачем-то вынутая и разбросанная по частям палатка. Смятые коробки, раскиданные вешалки, сапоги. В углу сидела обиженная драгоценная шуба, видно ей здорово досталось, когда бушевала разъяренная девушка.

Ему вдруг стало смешно. Он представил, как Маша в злости швыряла тряпки. Вдруг улыбка потухла на его лице. До него постепенно стало доходить, что девушка не громила квартиру, а собирала вещи, чтоб уйти из неё. Ну да. Вот мешок, наполовину забитый всякой мишурой...

— Нет, нет. Не так радикально, мышка-Машка. Ну поссорились, так помиримся. Люську выгоним, шмотки выкинем, новую шубу купим. — Иван говорил сам с собой, пытаюсь определить, где он будет спать и собственно, куда делась Мария.

Заметил жёлтый конвертик на столе. Он как-то по особенному выделялся во всём хаосе. Неведомая сила тянула Ивана заглянуть внутрь, однако он медлил, сам не зная почему.

Открыл. Прочитал.

Вот! Вот то самое чувство, когда бабочки в животе, когда хочется обнять весь мир! Он будет отцом. В смысле папой. Папкой.

Телефон. Где телефон... Маша наверняка у Лены, сейчас заберёт их обеих и в ресторан к Максимычу! Он, Иван, отец!

Схватив телефон, вспомнил, что тот всё ещё на беззвучном, с самого совещания. Удивился — двенадцать пропущенных. О, два незнакомых, остальные от Ленки. Ну, он же так и думал, что Маша у неё.

Иван набрал номер. На том конце трубку схватили немедленно. Он даже не успел ничего сказать.

— Ваня? — каким-то странным голосом спросила Лена.

— Да, — радостные нотки застряли у Ивана в горле.

— Маша разбилась. — Ленка говорила что-то, он слышал её, но ничего не понимал.

— Хорошо? — переспросила его она.

— Не понял, — Ваня с удивлением оглядел комнату, только сейчас сообразив, что Маша с ребёнком собиралась уйти от него, бросив даже квартиру, купленную ей в подарок.

Она всё восприняла всерьёз.

— Лена, что с Машей?

— В Склифе. Жива. Меня не пустили. Я к тёте Даше еду.

— Куда?

— К маме Маши. Сказали, Маша может не дожить. Просили родителям сообщить. — Ленка плакала тихонько, протяжно.

— Я в больнице Вас буду ждать.

Иван не помнил, как доехал, как искал, как пытался прорваться, чтоб увидеть её.

Его успокаивали, обещали, что обязательно пустят. Потом. Сейчас ему надо подождать. Врачи делают всё, что могут. Девушка в крайне тяжёлом состоянии.

Светало. Он ходил взад-вперёд, провожал глазами безучастно двигающиеся фигуры в белом. С надеждой искал в их лица проблеск на радостную новость. Но нет...

Иван стоял, оперевшись головой о стену. Время остановилось. Жизнь в таких случаях сразу делится на "было" и "сейчас". Иван не представлял, что делать, как жить когда ты завис в этом "сейчас" и "было" теперь не имеет никакого значения.

Пилимкнул телефон. Время почти 9 утра. Охренеть, кто бы мог подумать, звонила Люська.

— Тебе лучше сдохнуть, — Иван говорил, чеканя каждую букву, вложив ярую ненависть в каждый звук своего голоса.

— Да подождите вы, — на том конце были готовы к такой реакции,

— Вы должны знать, что сделала я это по приказу вашей матери. Она шантажом заставила меня спровоцировать Марию на ревность. Я не призналась бы, не узнай, что с вашей девушкой случилась беда.

Прощайте.

Телефон замолк, Иван уставился на него, не в силах решить, а что теперь? Как с этим жить дальше?

НАШЕ ВРЕМЯ

Слово "мать" отдалось болью в сердце Ивана.

Она не любила его, ни разу не приласкала, не похвалила. Если приносил из школы пятёрку — надо было шестёрку. А если четвёрку, могла избить, приходила в ярость, обзывала недоноском, копией своего папаши.

Родители развелись давным — давно. До развода отец всячески проявлял внимание к сынишке, возился с ним. Потом, уже после развода, Ваня долго жил у бабушки вместе с батей, пока мать строила бизнес. Здоровенный, добрый мужик был его папка, душевный. Целыми днями они пропадали на рыбалке, торчали у реки.

Бабушка вскоре умерла. Мать экономически окрепла. Ивана забрала к себе. Завела няньку. Отец вскоре женился. Новая жена сторонилась его сына от первой жены, своего ребёнка к сводному брату не подпускала. Вскоре выяснилось, что мать Ивана угрожала женщине, обещала кучу неприятностей, если не перестанет общаться с её сыном и пускать к себе в дом. Женщина потребовала у мужа встречаться с сыном где угодно, но не в их доме.

Иван перестал туда ездить, с отцом созванивались редко. Теперь толком друг о друге ничего и не знали.

Не испугаться натиска мамы Ивана было трудно. Холёная, жестокая, озлобленная и при очень хороших деньгах. Уж как эти деньги сбились к ней в кучу, то тайна девяностых. Об этом и думать не хотелось. Но то, что она из тех лет выбралась настоящей акулой, так это точно.

Распоясавшись в своей вольнице, мать до сих пор распускала руки. Могла в рукопашную схватиться на дороге с обидчиком. Дралась с домработницами, поварихами, гувернёрами и учителями Ивана.

Нередко без причины прогоняла его друзей из их дома, орала, что они Ивану не пара. Люди не задерживались, она умудрялась достать всех.

Однако бизнесом руководила умело, дельно.

Иван имел смежную с маменькой фирму. Был также удачлив, хитёр, расторопен. Матери не уступал ни в чём, они рвали выгоду друг у друга.

Мира в их отношения это не добавило. Личные встречи были редкими, жёсткими. Все согласования проводились через юристов или третьих лиц.

Однако, его мать исподволь интересовалась его личной жизнью, пытаясь найти ему невесту побогаче. Всюду расставила своих шпионов и соглядатаев за Иваном. Взбесилась, когда узнала, что его выбор пал на деревенщину. Толстую, обычную, самую затрапезную, коих толпами надо возвращать в их деревни. К коровам, на фермы! Его мать скрежетала зубами, пыталась загнобить девушку при их первой встрече.

Однако, девушка девушке рознь и маменька получила сдачу в тот раз. На том моменте симпатия к невесте сына умерла не родившись. Зато ненависть к Маше расцвела пышным цветом.

Однако, при такой матери Иван вырос замечательным парнем. Умным, щедрым и совестливым, что касалось людей, ему приятных, но не имело отношения к бизнесу и деловой хватке.

Иван отсчитывая секунды ожидания в больничном коридоре, увидел приближающуюся

мать. "У неё, блин, дар появляться, стоит о ней подумать!" Мужчина отвернулся от неё, не меняя позы. В нём закипала ярость: всё случилось из-за неё, из-за матери!

Она шла, властно рассекая пространство коридора, звонко стуча каблуками, совершенно не уважая место в котором находилась. Брючный чёрный костюм безукоризненно сидел на её худой фигуре. Развевающиеся полы накинутаго халата угрожающими крыльями неслись за ней.

Хрящеватый нос, тонкие губы, сощуренные глаза. Гладко зачёсанные волосы, тёмный маникюр — она коршуном подлетела к сыну:

— Почему ты не на работе. Люди ждут.

— Мне Люся всё рассказала. — разговор между ними продолжился в обычной манере.

— Ноги раздвинула, показала ещё и рассказала? — мать бровью не повела.

— Маша умирает.

— В Африке дети пачками мрут. Зарыдай. — мать говорила цинично, вбивая гвоздями злые слова в накалившийся воздух.

— Маша и мой ребёнок умирают — Иван всё ещё надеялся увидеть в ней отблеск человеческого сострадания.

— Так эта дрянь, хабалка жирная ещё и беременная!

— Моя мать чудовище.

— А ты тряпка, слизняк. Копия своего папаши. Иди, вытри сопли и бегом на работу. На тебе лица нет.

— Моё лицо со мной. А твоё сейчас исчезнет. Он подошёл к ней вплотную:

— Добром прошу: пошла отсюда.

— Да куда там, как страшно! — она немного качнулась вперёд.

Как будто кто-то толкнул в спину. Огляделась— никого. Показалось? Как такое может показаться... Развернулась на каблуках и ушла.

Он смотрел ей вслед, сцепив руки за спиной. В нём зародились подозрения, он задумался. Позвонила Лена, сказала, что привезла маму Маши. Иван спустился.

Тётю Дашу, Машкину маму он видел несколько раз. Сам приезжал к ней в гости знакомиться. Ему тогда попытались местные гопники испортить настроение. Она сама однажды приезжала к Маше в гости. Женщина радовалась за дочку, боялась поверить в её счастье, Ивана стеснялась, робела перед ним.

Иван вышел навстречу. Ленка, зарёванная, помогала тёте Даше вылезти из своей угашеной тарантайки. Иван обнял тётю Дашу, она разрыдалась в голос. Он прижимал к себе содрогающегося от горя человека, его собственное сердце тоже разрывалось.

Поднялись на этаж, тёте Даше дали халат, бахилы, проводили к Маше. Она на цыпочках приблизилась к дочери. Мать подошла к кровати своего ребёнка, перевитого трубками, лежащего в тишине плачущих приборов, неслышно передвигающихся медиков, окаменела. Стояла бы так вечно. Через время её вежливо вывели из палаты, она шла на ватных ногах, не сопротивлялась.

Иван подхватил её под руку, повернулся к девушке:

— Лена, вы сейчас куда? К Маше на квартиру? — спросил и осёкся. Туда нельзя, там погром.

— Нет, Вань. Я к себе тётю Дашу повезу.

— Добро. Я тут пока распоряджусь. Лен, ты вот что. Оставь нас на пару минут.

К Ивану вернулось самообладание. Он мыслил чётко, ясно. Приобняв обмякшую

несчастную женщину, привёл её в холл. Там было много народу. Все, кто находился в помещении, нагруженные печальной ношей своих переживаний, с надеждой смотрели на каждого медика, появляющегося из коридора.

Ленка стояла поодаль. Тётя Даша пыталась держаться, закрывала рот платком, стеснялась плакать, безудержные слезы катились по щекам.

— Тётя Даша, вы сейчас с Леной поедете. Я тут буду, Машу не оставлю. — он помолчал. Потом спросил:

— Вы молиться умеете?

Женщина закивала головой, пожала плечами, еле выговорила прерывающимся шёпотом:

— Как все.

— Помолитесь за моего сына. У нас с Машей маленький будет.

Женщина вскинула глаза на Ивана. Добрые, мудрые глаза матери, бабушки. Вдруг она упала головой на грудь Ивана, забилась в истерике, закрывая рот платком, давилась всхлипами.

Люди вокруг сочувственно смотрели, кто-то тоже плакал.

— Мою жену и моего малыша хоронить не надо. Мы же выдюжем, да, бабушка? — Иван обнял её, закрыл глаза и на секунду ему показалось, что он видит Машу...

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

К обеду Маша мечтала об одном: уже приехать куданибудь.

Ей хотелось кофе. Хотелось снять с себя эти пошлые тряпки в рюшах, расшнуровать мазурку из шнурков на спине. Она устала от нескончаемой тряски, вымоталась от тревоги, от ожидания встречи с мужчиной, которого никогда не видела и который теперь будет её полновластным хозяином.

— А вот и город! — воскликнула Эльза.

Издалека город выглядел совсем даже ничего. Маша разглядывала городскую стену и высоченный замок за ней. В свете слепящего солнца стена казалась белым бастионом. Вокруг всего замка синее кольцо заполненного водой рва.

Перекидной здоровенный бревенчатый мост на цепях служил платной ковровой дорожкой в город. Мощные ворота, широко открытые, почерневшие от времени хищно оскалились зубцами задвижек навстречу въезжавшим.

Стражники выглядели суперски. Щетина на поллица, ясные, умные глаза под сведёнными бровями. Чудной шлем, закрывающий голову вместе с ушами. На бедре меч, с другой стороны круглый щит. Крутой рельеф бицепсов просто магнитил на себе взгляд.

У Маши захватило дух. Крепкие ребята в стальных латах бесцеремонно расчистили дорогу подъезжающей карете её Светлости, вытурив всех с моста.

Впрочем, это были единственные почести, оказанные знатной гостье. Что немало раздосадовало Машу.

— Ни цветов, ни флагов. В книжках по другому пишут, — Маша выглянула в оконце,

— Эльза, нам будто бы тут не рады...

Эльза помалкивала.

"Встречают по одежке", невесело подумала Маша,

По сути, так оно и было. Бедный кортеж из единственной лошади не произвёл впечатления даже на бродячих собак. Из прохожих вообще никто не понял, что едет царственная особа.

Вид города изнутри разочаровал Машу ещё больше. Узкие, мощёные булыжником улочки. Сточные канавы. Вонь, мухи. С визгом пронеслись мальчишки в тачке катая друг друга. Прохожие жались к стене, чтоб карета не зацепила ненароком. Претензии предъявлять потом будет некому. Не увернулся, — сам дурак.

Карета скрипела, её подбрасывало, Машу мотало из стороны в сторону. Ей порядком надоело подпрыгивать, она устала, у неё реально гудела задница от жёсткой скамейки.

Как бы она мысленно не пыталась отдалить миг прибытия в неизвестность, обрадовалась, когда подъехали ко входу в замок.

Эльза помогла Маше надеть тёмно-синий плащ, накинула глубокий капюшон. Тилль ловко подставил скамеечку-ступеньку. Маша, неаккуратно спускаясь из кареты на затёкших ногах, чуть не свалилась, наступив на собственный подол. Неумело придерживая юбки, чертыхалась про себя. Девушка всем видом пыталась принять гордый вид.

Она чувствовала, что из всех щелей за ней наблюдают. Со всех сил, не подавая виду, что трусит, Маша, подняв подбородок, вступила во владения замка.

На пороге её приветствовала герцогиня, старшая фрейлина. Критично, даже нагло

глянув на Машу, пригласила следовать за собой.

Старшая фрейлина, — сухая, стареющая, усыпанная пудрой, как рождественский кекс гордо шла впереди. От неё сквозило презрением, Маша чувствовала себя тлёт, серой молью.

Старуха шла впереди, Маша успела рассмотреть её. Седовласая некрасивая женщина, с потухшим взглядом. "Блеклая тётка, наверняка у неё мужика нет, поэтому и рожа злая" — подумала обиженная на неприветливую фрейлину Маша.

Шаги гулко раздавались под высоченными каменными сводами. Узкие витражные окна плохо пропускали свет. Было мрачно и пусто.

Старшая фрейлина остановилась перед одной из дверей. Хлопнула в ладоши, двери раскрылись и стайка девушек, подхватив Машу под руки, потянули за собой.

Маша молча облизнула внезапно пересохшие губы. Настороженно озираясь, осмотрелась. Насколько она поняла, это баня. По левой стороне парили кадки с горячей водой. Напротив блестели скользкие от мыла лавки. Маша вздрогнула от прикосновений чужих рук.

Ей неприятно было ощущать женские руки на своём теле. Молча служанки ловко и аккуратно распутывали узелки и шнуровку на одежде госты, аккуратно вынимали шпильки из причёски.

— Брысь отсюда! — Маша остановила их старания, когда они решили коснуться ее мочалками.

Тон госты не оставлял сомнений, служанки попятились. Маша быстро вымылась, оделась как смогла, перепутав все шнурки.

Растрёпанная, толкнула дверь. Там ее ждала Эльза.

— О, классно, что ты тут, — Маша следовала за верной подругой,

— Больше не оставляй меня, слышишь?

Эльза кивнула. Тихо сказала, опустив голову:

— Меня не пустили к вам.

— А ты в другой раз ори! Вдруг это угроза моей жизни. Я никому не доверяю.

Тут Маше на глаза попалась старшая фрейлина, выплывающая из коридора в красивом тёмно-голубом платье. Одета она и вправду была не чета прибывшей Принцессе. Снова Маша была втоптана в плитус своими шмотками! Ну, теперь её троллить никому не получится.

— Эй, ты! А ну иди сюда! — Маша двинулась к старшей фрейлине, у той полезли глаза на лоб, такого она не ожидала.

Новоявленная невеста придерживала плохо зашнурованную одежду, боясь её уронить. Растрёпанная, взбешённая наступала на старуху, тыкала свободной рукой в сторону Эльзы и орала на поражение:

— Только попробуй её ещё раз не пустить! Королю расскажу.

Старшая фрейлина присела в реверансе, склонив голову и постаралась быстрее убраться, проводив гостей в их покои.

Скромно убранная комната равнодушно взирала на девушек старыми портретами незнакомых лиц. Тяжёлые, мрачные шторы, коричневая шкура на полу и одна серая на стене, большой камин — всё тяжёлым монолитом выстроилось не уютными баррикадами.

Эльза хлопнула в ладоши, велела появившимся слугам растопить камин, принести багаж. Девушка хлопотала, Маше сразу стало спокойно. Она давно оценила, как искренне, с симпатией относится к ней служанка.

Старшая фрейлина пригласила Машу на ужин, заодно передала приглашение от его Величества короля Имре Доминика фон Геральд завтра к полудню прибыть на встречу.

Маша ужинала в одиночестве, в огромном зале. Длинный стол, много серебра, свечи, разноцветное стекло — всё помпезно, богато. Приносили блюда одно за другим. Вдруг Машу осенило она хлопнула в ладоши. Надо было видеть удивлённо-оскорблённое лицо выплывшей из-за занавески старшей фрейлины.

— Садитесь, тётенька, рядом и ешьте первой. Отпробуйте. Из вас столько яда брызгает, вдруг на еду попало. А то я и до свадьбы не доживу.

Молча герцогиня подозвала служанку, прислуживающую за столом. Велела ей пробовать из каждого подноса, на который указывала Принцесса.

Маша явно хулиганила, и это её забавляло.

Вечером, в своей гостинной, сидя у камина они шептались с Эльзой.

Маша очень переживала, боялась завтрашней встречи. Смотрела глазами, полными слёз на прогорающие угли камина, на тонкие арабески синего дыма, струящиеся из затухающих углей. Под седым пеплом то вспыхивали, то гасли алые пятна последних вспышек засыпающего огня.

Эльза гладила свою госпожу по волосам.

— Не грустите, Беатрис. Завтра познакомитесь с королём. Начнём готовиться к свадьбе. Все печали забудутся. Увидите, какой он красовчик. Говорят, в его гареме женщины дерутся за ночь с ним.

— Что? — У Маши пересохло во рту, — У короля есть гарем?!

Эльза похлопала глазами:

— Конечно, Ваша Светлость! Как и у всех королей.

Маша схватилась за голову. Она никак не ожидала, что ей надо не только завоевать любовь чужого, неизвестного мужика, но и участвовать в конкуренции. У нее похолодело внутри. Она вовсе не чувствовала себя сексуальной крутышкой. А тут профессионалки!

Наступила тишина. Маша собирала себя по кусочкам, её самооценка рухнула, теперь она ни в чём не была уверена.

— Эльза, а что будет, если король меня не полюбит?

— Не тревожьтесь, Беатрис.

— Эльза, ты помнишь свои прошлые жизни?

— Нет, — девушка покачала головкой.

— Я помню. А любовь? Эльза, у тебя есть любовь?

Фрейлина опустила голову, румянец залил щёки.

— Тилль? — догадалась Маша.

Эльза кивнула.

— Если хочешь, ночью можешь уходить к нему.

Эльза кинулась целовать руки, Маша выдрала их, спрятала за спину,

— Не делай так больше!

Девушки молчали.

Маша в глубокой задумчивости крутила кольцо на пальчике. Раньше она его не замечала на своей руке. Оно оттуда, из прошлой жизни, и примеряла то Маша его один раз. Когда вместе с Иваном забирали от известного ювелира свои обручальные кольца. Эта весточка из прошлой жизни горьким покрывалом накрыло Машу.

Она разрыдалась. Эльза участливо сидела рядом. Ей казалось, что это нормально

плакать перед знакомством с неизвестным женихом. Но слёзы должны быть радостными, откуда то из счастливых надежд. Но Беатрис плакала так горько! Эльза искренне жалела её. Откуда ей было знать, что Маша оплакивает своё расставание с любовью, которая всё ещё живёт в её сердце.

Маша не могла ответить сама себе как так случилось, что любимый, которому она всецело доверилась предал её?! Мужчины непонятный, жестокий народ. Иван яркий представитель— властный, жёсткий. (Описание). Его измена это его выбор. Что ж.

Но не её. Она обижена, но любовь никуда не делась. Именно сейчас Маша понимала насколько сильно она любила и любит своего мужчину.

Измена смертельно ранила её, в прямом смысле. Ведь Маша здесь. Раз это не сон может быть она умерла?

Там, в той жизни у неё была беременность, она носила ребёнка. Он и сейчас рядом с ней. Она чувствует его. Не физически, сердцем. Маша старалась сосредоточиться на ощущениях и не могла понять что чувствует. Тревога за будущее её ребёнка в этом чужом, неизвестном мире не давала сосредоточиться.

Что будет, когда узнают, что невеста уже беременна? Она в мельчайших деталях помнила, что всего день назад, в реанимационной палате ровно в 12 часов у неё остановилось сердце.

НАШЕ ВРЕМЯ

С врачом Иван встретился после обеда. Немолодой, короткостриженный человек с умными глазами внимательно слушал Ивана. Отвечал коротко, чётко по делу.

Да, состояние тяжёлое. Да, надежда есть всегда. Нет, ребёнку ничего не угрожает. Да, отдельная боксированная палата возможна. Охрана перед палатой на ваше усмотрение, за ваш счёт и на вашей ответственности..

У Ивана была куча вопросов ещё, но он понимал, что отвлекает от работы ангела, посланного на землю.

Выйдя от доктора, перезвонил на пропущенный Ленке. Пришла беда, открывая ворота. У неё сдохла машина. Не дослушав, спросил адрес, сказал, что заедет вечером.

Снова побежал на этаж к Маше. Ему казалось, чем он ближе, тем ей легче. К вечеру состояние Маши стабилизировалось. Иван поехал к Лене.

Она вышла его встретить. Тренер по гребле на байдарках, Лена — здоровенная тётка, в плечах шире Ивана, утирая лицо, распухшее от слёз, попыталась улыбнуться:

— Заходи, Ваня.

Он не был знаком с её мужем.

— Макс. — протянул руку мужик, на голову выше Ивана. Семья гигантов, отметил про себя Иван. Раньше он не обращал внимания, какая Лены высокая. Он вообще не обращал внимания на неё. Она казалась ему грубоватой, резкой. А вот поди ж. Душевный, верный человек.

В доме было тесновато, но чистенько и уютно.

Тётя Даша как воробышек сидела на краю дивана и с надеждой смотрела на Ваню. Он положил ей руку на плечо:

— Пока без изменений. Я ночью там буду. Машу не оставляю. А вы завтра приедете, проведаете. И всё будет хорошо.

Женщина закивала, отвернулась, заплакала.

— Макс, машину Лене завтра передам. А вашу мои ребята приедут, в ремонт заберут. Одобряешь?

— Да мы сами какнибудь.

— Как скажешь. — Иван не спорил.

— Вань, присядь. Поужинай. Ты же не ел ничего. А я рядышком посижу, давай? Борщика со сметанкой? Вчера наварила. — голос Лены дрогнул. Вчера — это так давно, почти из другой жизни.

— Спасибо, в другой раз.

Лена вышла проводить его.

— Заедь завтра в 12 ко мне. Машина там. Скрин паспорта пришли. На дверенность. Вот, возьми. — он протянул ей деньги. Лена не стала ломаться. Деньги взяла, кивнула: — Сочтёмся.

— Маша говорила, вы школу спортивную замутили. С моим юристом поговорите завтра. Поучаствую. У Маши ведь никого, кроме тебя. Мы теперь как семья, вроде.

— Ты как? — Лена сочувственно смотрела на Ивана. Исхудавшего, осунувшегося.

— К Маше поеду. Плохо там всё.

Он не появлялся на работе. Руководил по телефону. Подозрения, возникшие у него после посещения матери, не утихали. Посмотрел на часы. Двадцать два. Поздно. Алексеич простит. "Алло" прозвучало так быстро, как будто звонка ждали.

— Здравствуй. Подъедешь?

— Адрес?

Через полчаса мужчины сидели в плохо освещённом кафе на углу улицы.

— Не знаю, как прозвучит. Есть подозрение, что возможна угроза жизни Маши со стороны матери. День, два, её переведут в отдельную палату. Знаю, там всюду камеры. Не спокойно мне. По закону вход свободный. Мало ли, трубку сорвут, канюлю перекроют. Меня паранойя кроет.

Охрану на вход организуешь?

— Добро.

Распрощались кивком. Ивана отпустило. Алексеичу доверял как себе. Иван вернулся в больницу. Вторая бессонная ночь давала о себе знать. Он устроился в кресле. Оттуда был виден коридор, ведущий к Маше.

Казалось он не сводил с него глаз, однако он спал. Ему снилась бабушка. Будто качает она его, маленького, в колыбельке. Напевает, гладит по голове. Говорит:

— Ничего, Ванюшка. Ты же мужик, сдюжишь.

Ты, внучик, соловья купи, клетку хорошую сделай и соловья этого Маше принеси. Тебе не разрешат, а ты принеси. Скажи, так надо.

Закончилась тревожная ночь. К утру сказали, что состояние Маши тяжёлое, но стабильное.

Иван приехал домой, в разгромленную квартиру. Принял наскоро душ, привёл себя в порядок, заправился кофе.

Проведал Машу, в палату его ещё не пускали.

Игнат, его личный секретарь доложил, что все распоряжения Ивана выполнил. Доверенность на "Камри" для Елены готова, эвакуатор её машину в ремонт доставил.

Лена, растерянно озираясь в роскошном помещении несмело присела в противоположном конце стола.

— Лен, ну ты чего, иди сюда, — Иван пересадил её поближе:

— как ты?

Не успела она ответить, на пороге без стука возникла его мать. Чеканя шпилькой каждый шаг, подошла к Ивану, швырнула папку:

— Бегать за тобой?

На самом деле она дала команду сообщить ей, когда сын появится в кабинете. Войдя и увидев нечто несуразное, в дешёвом дождевике, с копной плохо окрашенных волос, сразу поняла, что это из окружения Маши.

Спросила утверждающе, нагло:

— А это кто? Товарка
твоей бывшей?

Иван не успел открыть рот, Лена ответила сразу, догадавшись кто это:

— Зря вы побрились. С усами вам лучше было.

Мать Ивана поперхнулась от неожиданного отпора, еле прошипела:

— Что?!

— Ой, ой, давайте не будем ссориться. Давайте, я сразу вам нос сломаю! — Лена

поднялась во весь свой богатырский рост, отпихнув массивный тул. Тот с грохотом пролетел метра два.

Мать неожиданно сдала позиции, выскочив, по дороге выкрикнув:

— Быдло!

— Я тоже так подумала, — Лена присела на стул, который Иван поставил на место.

Позвонив кому-то сказал:

— Чем скорее, тем лучше.

Он догадывался, что, возможно, еще раньше мать (а может и не только она), поставила тут жучки. Там, где крутятся деньги, много денег, это дело обычное. Поэтому деловые распоряжения отдавал письменно. Или вот так, как сейчас, понятно только тому, кому они предназначены.

Передал Лене ключи от машины, доверенность. Проводил её к юристу. Приехал в больницу. Ему разрешили пройти к Маше. Вообще, если пациент без сознания, к нему посторонних не пускают. Только родственников, членов семьи. А Ивану вдруг разрешили, хоть он и никто.

Умный, серьёзный, бесстрашный мужчина вдруг растерялся. Он так этого ждал, мечтал, и вот...

Иван осторожно ступал, боясь шорохом нарушить строгость пространства. Кровати в два ряда образовывали широкий проход. Каждая из них была отдельным, островным государством, бережно храня чью-то висящую на волоске жизнь.

Воздух наполнен напряжённым, неумолкающим зуммом медицинских приборов. Бесшумно скользящие медики с непроницаемыми лицами, чёткими, выверенными движениями и цепким взглядом. Станный свет окутывал всё помещение. Его нельзя было назвать ярким, однако он проникал всюду, в каждую щелку, как вода.

Иван приблизился к Маше. Её кровать крайняя, у стены. Она, такая маленькая в бесконечном витке опутавших её трубочек. Заострившийся носик. Глаза провалились. Очень бледная. Казалось, бледными стали даже волосы, брови.

Он осторожно дотронулся до её руки. Она показалась ему холодной. Иван поискал глазами кого-нибудь. Наверное, ей холодно. У него перехватило дыхание. Им, ей и ребёнку холодно. Они укрыты простынкой, как тут не замёрзнуть. Его зацепила эта спасительная мысль, позволяющая не думать больше ни о чём.

Чуть-чуть наклонившись к её лицу, тихонько позвал:

— Эй, Машка-мышка, вставай! Чего тут лежишь, пошли играть, мы все без тебя скучаем...

Иван достал коробочку из кармана. Вынул кольцо. Они вместе заказывали бриллиантовую дорожку на обручальные кольца.

Надел Маше на палец её колечко.

Поймал себя на том, что шепчет вслух. Пытался сказать ласковые, тёплые слова, но они куда-то делись, он просто стоял, просто смотрел.

Его попросили выйти.

Иван отправился в офис, на пару часов, потом снова приедет.

Вдруг вспомнил свой сон.

Вызвал Игната. Велел узнать про соловья. Где можно купить у проверенного заводчика. С гарантией. И с полной инструкцией. И с этим, как его, с кормом! Или чего они там едят. Если мух — наловить, купить.

Игнат бровью не повёл. Он сам был стреляной птицей. Для Ивана Алексеевича не то что соловья, звезду с неба доставит.

У Ивана улучшилось настроение. Откуда-то прилетела надежда, он воодушевился и стал ждать завтра.

Заедет по дороге, купит самое роскошное, самое тонкое и самое тёплое одеяло. Для неё и для сыночка. А может и не сыночка, а дочки. Если завтра они будут живы...

Издёрганный ожиданием беды, уставший, измученный он уставился в окно и завыл. Так страшно, так печально, что содрогнулись даже звёзды, которые раньше им так завидовали...

Он прыгнул в машину. Похудевший, осунувшийся. Перед глазамиплыли круги. Он давно не спал, иногда чувствовал, что проваливается в темноту, брал себя в руки, встряхивался.

Решил не ждать завтра, а захватить и купить одеяло прямо сейчас. Он ехал по вечернему городу и мечтал, что купит своему мальчишке. А ещё, когда тот подрастёт, сынок выберет себе плакат с супер героем. Вот как у него самого сначала Ван Дамм висел. Потом Шварценеггер. Надо же было быть на кого то похожим.

Машино сердце остановилось ровно в двенадцать часов.

До этого она успела обнаружить самоё себя в странном помещении. Сообразила, что это больница. Белые стены, потолки. Она лежит на огромной, занятой кровати, напичканной всякими штуковинами. Ну, прям кроватный хаммер в крутейшем тюнинге.

Маша сползла с нее, оглядела себя. Вся в трубках, в шлангах, как муха, запутавшаяся в паутине. "Прикид, конечно симпатичный, если бы не вопрос — что я здесь делаю..." — девушка двинулась между рядами таких же кроватей, чувствуя босыми ногами ледяной холод пола. С ужасом вглядывалась в неподвижные лица людей. Спят, или умерли?

— "Я разбилась, да, точно. — вспомнила Маша и подумала: — А почему мне не больно? Что-то мне тут не нравится, холодно, тихо. Может здесь меня ждёт кров и уют, но попробуем выбраться отсюда".

Она попыталась открыть дверь. Та не поддавалась, зато рука прошла сквозь неё, как через туман. Потом изображения стали появляться перед ней кадрами. Как будто кто то не спросив её поставил фильм на перемотку.

Вот стоит Иван. Разговаривает с тёткой в черных брюках. Батюшки, да это же его мать, Зинаида Петровна. Маша решила их испугать, неожиданно выскочила перед ними:

— О чём судачите, бояре? Пошто рожи Ваши такие смурные, граждане Изменщик и Змеина Петровна?

У Маши всё клокотало от обиды. Она видела перед собой женщину, у которой не нашлось для Маши ни одного доброго слова при жизни, да и сейчас тоже. Почему? Маша не уродка, порядочная девчонка, с высшим образованием. Не барби, конечно, обычная, нормальная девушка.

"Вы, между прочим, тоже не статуя Венеры" мысленно обратилась девушка к матери Ивана.

Маша смотрела на неё и диву давалась. Откуда в человеке может быть столько злобы. Женщина даже со спины была злая, не то что с лица. Портретом такой тётеньки впору дьявола отгонять!

Худая, вечно перекошенные, крепко сцепленные губы. Прищуренные глаза. Казалось, был бы у неё автомат, всех бы перестреляла. Маша помахала у неё рукой перед глазами:

— Остановитесь, тётя. Чего вы докопались до собственного сына. Меня уже нету, успокойтесь.

Впрочем, Маша знала, что мать доставала Ивана придирами всегда, задолго до Машиного появления. Тут до девушки долетели обрывки злых слов Зинаиды Петровны про детей в Африке.

— Остановитесь оба, что вы такое говорите, вы же родные люди! — Маша кричала им в лицо.

Они не обращали на неё внимание. Не подозревали о её присутствии. Маша слышала, что Ваня называл мать чудовищем, та отвечала враждебно, обозвала её, Машу, хабалкой.

— Ах, так! Получите, тётенька, от хабалки. — Маша разбежалась и толкнула её со всей силы в спину!

Следующим кадром она увидела Лену.

— Лена, привет!

Маша вытерла слёзы с лица подруги. Та не почувствовала.

Маша давно убедилась, что мужчина это самое необходимое, ценное в жизни девушки. Но без подруги, без Лены, Машин мир лишился бы целого измерения.

Девушки познакомились, когда вместе снимали комнату у старушки. Ленка на спортивном училась в МГФСО, а Маша в МИТУ на бухгалтерском.

Девушки во всём были противоположностями. Маша скромная, чуть по-сельски пришибленная. Из Лены пёрла сила богатырская, она в лесу могла бы зашибить волка корзинкой с грибами.

Маша подумала, что удивительная у них была дружба. Мужики нравились разные, шмотки размерами не совпадали и обменяться ими не было возможности, чтоб форснуть чем-то свеженьким на курсе.

Машке нравилось почитать, а Ленка где-то наперевес с веслом по речкам тусила.

Маша вспомнила, как один раз они вместе тащили через весь город её чемодан, когда у него ручка оторвалась. Они тогда с квартиры на квартиру переезжали, всё на себе перетаскивали.

А ещё был случай (Маша улыбнулась про себя), девчонки атаковали трамвай, нагруженные неподъемными сумарями.

Приехали на электричке, гружёные провиантом, решили сэкономить на такси. Ленка запихнулась, а Маша не успела, трамвай уехал. И как потом Лена вышла на следующей остановке и назад пёрла эти сумари. Деньги то вместе с ней уехали, у Маши на проезд не осталось!

Да, молодые были, задорные и бестолковые. Встречали друг друга с пригородной электричке, помогали баллоны с огурцами тащить. Нафига им эти огурцы были, тяжесть такая! Лучше бы картошку везли, её хоть разбить было невозможно.

Маша помнила всё. Смотрела на подругу, говорила ей слова благодарности. За всё-за всё.

Зареванная подруга не видела Машу, глядела в другую сторону. Чтоб перехватить её взгляд, девушка тоже туда повернулась и увидела свою маму. Та плакала, Иван говорил ей что-то.

Маша обошла их.

Смотрела на Ивана. Он так по-доброму что то говорил.

— Вань, спасибо тебе, что маму поддержал. Хорошо, что она не знает, какой ты изменщик. Хорошо, что не знает, что это из-за тебя со мной такое.

Впрочем, наверно во мне злость говорит. Может, я не права. За руль я сама села. Это был мой выбор. У тебя другая женщина, это твой выбор.

Маша закрыла лицо руками.

— Люди дорогие, простите меня. Сколько боли я вам всем принесла. Если бы всё вернуть назад, ах, если бы...

Она оглядела всё помещение. Сколько людей, все такие печальные.

Маша внимательно посмотрела в лицо любимого мужчины, встретила с ним глазами.

В следующее мгновение вихрь подхватил девушку, поднял к самому потолку и понёс в палату, туда, откуда она только что победно сбежала.

Маша заметила, что люди в белом суетятся над её кроватью, она заглянула им через плечо и увидела себя. Маша провалилась в темноту.

Её сердце остановилось на две минуты. На две бесконечно долгие минуты. Иван рвался

к ней, рычал, чувствовал себя бессильным...

Сердечко бедной девушки удалось запустить. Она снова жила.

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Куча молодых вельмож, всюду сопровождала своего короля Имре Доминика фон Гераль.

Краем глаза Имре наблюдал за каждым из них, за их скучающими лицами, тайными жестами. От него ничего не ускользало, копилось в памяти и в нужный момент хлестко выстреливало. Боялись своего Короля подданные не по детски.

Король направился в купальню. Бассейн из жёлтого мрамора сверкал золотыми бликами.

Имре погрузился в воду и перед ним в воде начали танцевать поразительной красоты девушки. Танец, на который он всегда смотрел без устали. Лёгкий, плавный, с выгибающимися контурами пышных бёдер, стянутых прозрачными тканями.

Упругие груди, облепленные мокрым шёлком, абрис нежных выпуклостей внизу живота, мерцающий бисер в углублениях складок ...

Роскошь игры света и теней.

Танец медленно сводил с ума, запускал желание, требовал глубоко вдохнуть аромата движущихся полунагих тел. Сдаться в плен наслаждению. Жар расплывался по позвоночнику, собирался мурашками на груди, на бедрах. Всё туже стягивало кольцо напряжения, он с трудом переводил дыхание от неземных прикосновений купальщиц.

Помешал расслаблению внезапно появившийся кардинал Мин. Сняв шёлковые тапки, подхватив длинную рубаху, смешно прыгая на цыпочках, он подобрался к бассейну.

Наблюдая за вождением прикасающихся тел купальщиц к Имре по-стариковски лыбился, сморщив нос.

Кардинал наклонился к самому уху властителя, собираясь обрадовать новостью. Лучше бы он в это утро не просыпался. Он оторвал мужчину от наслаждения!

Имре в ярости схватил Мина за шею, втянул в воду, удерживая кардинала под водой. Ещё минута, и он бы утопил его. Вытянув его из воды, трясая за шиворот, в бешенстве прорычал ему в лицо:

— Тебе политические интриги весь мозг съели?

— Спешу сообщить, прибыла Принцесса. Желаете увидеть её завтра, мой сир?

Мин, вежливо пытаясь дышать через раз, стоял в бассейне, моргая мокрыми ресницами, боясь утратить воду со свисающей бородёнки. Хитрый, опасный интриган отлично знал, на что способен король в ярости. Вот и стоял покорной жертвой, боясь спровоцировать своего господина. Мин сам не понимал, как ему в голову пришло появиться в ненужный момент. Ну, что ж, бывает...

Имре с сожалением бросил взгляд на остывший танец. Стряхнул с себя ласкающую диву, поднялся из воды и подошёл к столику с вином.

Потрясающе сложенный, подтянутый, крепкий шатен держал серебряный кубок с вином. Молоденький паж осторожно промокнул его кожу, аккуратно надел кожаные сандалии, ловко накинул халат на своего господина.

Из бассейна пришлёпал Мин, стараясь быть незаметнее воздуха.

— С утра хочу увидеть архитектора. Пришлещь.

Мин поклонился, умудряясь подобострастно кивать и одновременно делать заметки,

вырвав из рук служки перо и бумагу.

Имре не хотел жениться, не хотел участвовать во всей этой свадебной возне.

Его утомили эти дурацкие переборы с невестами, игры с условностями. В женитьбе не видел ничего кроме политики. Но он всюду был победителем и ему не было надобности заключать союз, жертвуя своей холостяцкой свободой.

Однако королевский совет чайной ложечкой доедал его терпение, на все лады убеждая, что королевству нужен наследник.

Мин соблазнял его возможностью расширить владения. Каким-то образом ему, подлому лису, удалось задавить долгами старую Гертруду, мамашу невесты. "Интересно, сколько он себе прибрал, мой ненадёжный друг и надёжный вор. Придёт время, узнаю, всё верну сполна", размышлял

Имре, наслаждаясь вином.

Глядя поверх кубка на плешивую, мокрую голову склонившегося Мина, спросил:

— Что, хороша девушка?

— Не видел, Ваше Величество. Старшая фрейлина доложила, что девушку осмотрели. Молодая. Здоровая. Будет отличной матерью для Вашего наследника.

— Ты лучше скажи. Что егеря? Готовы?

Имре двинулся в спальню, стая вельмож двинулась за ним.

— Что господа, завтра на охоту? Чтоб были все! — король охватил взглядом подобострастные лица. Он видел, что они трусят, но точно знал, что придут все.

Охота на вепря самая страшная. Много охотников погибли в схватке с грозным зверем. Однако, послушаться короля было ещё страшнее.

Молодой, неудержимый в желаниях король обожал охоту. Это будоражило, заводило Имре. Он не мог усидеть на месте. Даже на обходе своих владений, находил возможность сразиться.

Например, когда он совершал обход восточных границ городской стены. Там ров, до краёв заполненный водой, кишел крокодилами. Всё, что падало в воду, будь то трупы бродяг, животных или отходы — всё ими принималось за обед.

Сегодня, разозлённый визитом Мина, оторвавшим его от женщин, Имре в бешенстве искал, на чём бы сорваться. Пустив коня во весь опор, не сдерживая его мощи, мчался, подставляя лицо ветру.

Имре бесился, подлетел ко рву. Нагребал полные руки камней из корзины, услужливо подаваемой служкой и швырял в крокодилов. Ему доставляло удовольствие сидя в седле точным броском бульжника засадить в бугорки глаз крокодила, представив на его месте Мина. Глаза рептилий торчали над бурыми поленьями их тел, скрытых трясинной и мгновенно скрывались под водой, получив гостинец от Короля. Какой восторг видеть, как от неожиданности вздымается тяжёлый хвост могучего животного в мириадах брызг. Сделав мощную волну крокодил с поразительной скоростью растворяется в воде. Есть! Победа!

Ещё Имре нравилось охотиться на змей. В высокой влажной траве вдоль воды они клубились тучами. Сегодня им тоже досталось.

Конь хрипел, пятился, боялся подойти ближе. Имре натягивал поводья, коршуном нависал над гадюками и точным броском копья снова одерживал победу.

С каждым ударом его сердце наполнялось восторгом, радостью.

Разгорячённый, счастливый он, наконец, успокоился. Вернулся в замок.

В спальне его ждал подарок — новая рогатина. Имре гладил отполированное дерево,

оружие удобно лежало в руке. Заостренные концы опасно поблескивали.

Имре сделал несколько выпадов, чуть не насадив на острие Мина, неаккуратно выскочившего из за шторы.

— Вы не изволили назвать время встречи с их Светлостью, Принцессой. — Мин снова согнулся пополам в поклоне.

— В двенадцать. — Имре сделал знак, чтоб его оставили одного.

Он отдавал распоряжения настолько внушительно, что хотелось их выполнить сию секунду.

Слышать короля все привыкли буквально, поэтому немедленно исчезли.

На следующий день утро выдалось хмурым, холодным.

Это не испортило настроение охотнику. Он бодро вскочил. Его одели, побрили, он нетерпеливо высвободился из заботливых рук.

Встретился с архитектором. Тот, увешанный ворохом карт дожидался его в кабинете.

И даже сейчас, слушая зодчего, мыслями король был весь в охоте. Его возбуждал близкий запах дичи, крови. Он готов был прямо сейчас броситься в водоворот любимого увлечения. Азарт, предвкушение накрывали его с головой.

Уже который день смутное беспокойство нет-нет, да прорывалось сквозь щели сознания. Ему чудился заговор. Зацепиться было не за что, но... Что-то этакое подавало ему знаки, мысли ломались на кусочки, не складывались. Имре отгонял от себя всякие неясные размышления, вновь погружаясь в ожидание погони, боя, сражения с диким вепрем. Один на один!

Наконец, чтоб завершить всё как можно скорее с церемонией знакомства, отправился в зал. Знакомиться со своей невестой.

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ..

Маша была полностью готова ко встрече с женихом ещё с рассвета. Она сильно нервничала. То и дело у неё пробегал холодок по спине. Каждую минуту ей хотелось развеяться от страха.

Она понимала, что жалко выглядит в этих розовых кружевах, но другого наряда не было. Маша всё ходила, бродила, мерила свою комнату шагами. Наконец, её пригласили.

Девушка шла по довольно мрачному коридору. Светлое пятно каменной лестницы, на которую падал свет откуда то сверху, вероятно, был финишной прямой.

Факелоносец остановился, отступил, пригласив тем самым Машу вперёд.

Девушка немного замешкалась, когда услышала своё имя. Вернее, имя той, кем она стала ни с того, ни с сего. Принцессой.

Маша вошла в зал. Сердце сорвалось вскачь. Она боялась поднять голову. Краем глаза видела придворных, одетых в изысканные одежды. Мужчины звякали шпагами, женщины блистали драгоценностями.

— Её Светлость Принцесса Беатрис! — голос Мина разорвал пространство в тишине замершего зала. В присутствии Короля никто не дышал.

Сам по себе Имре был красив настолько, что любовались им не только женщины, но и мужчины, тайно завидуя его стати. Стоило ему задержать взгляд на лице женщины чуть дольше, скользя всё ниже, к шее, груди... он заставлял, вынуждал женщину краснеть. Страсть, рвущаяся из каждой клетки его тела, брала в плен любую. Он, нависая, заглядывал в лицо, его дьявольская, искусительная улыбка притягивала внимание к его губам — плотным, горячим. Приёмы у Короля превращались в батл, где сражались за одну единственную каплю его внимания.

Все ожидали прибытия его невесты. Всем было любопытно и завидно

В зал врывалось облако розового тюля. Неверно подобранные юбки обнажали узкие щиколотки в шёлковых туфельках. Корсет под грудью стянут новомодной шнуровкой. Великолепный абрис округлых плечей, высокая грудь.

Он взглянул ей в лицо: простовато на его взгляд. Круглое, бледное. Не старая, не уродина — уже хорошо.

Цинично рассуждая, Имре приветственно шагнул навстречу.

Девушка подняла глаза, уставившись на него вскрикнула:

— Иван?

Она побледнела, качнулась. Фрейлина подхватила её.

— Что с ней? — Имре чуть склонил голову к Мину:

— Не блаженная?

— От счастья, Ваше Величество, всё от счастья. Девушка не справилась с волнением от вашей красоты, — лебезил Мин, глазами делая знаки старшей фрейлине.

Имре карёжило от подхалимажа Мина, вот так и дал бы ему в морду. Но этот лис был нужен ему. В подлых головах роятся подлые планы и за ними глаз да глаз, а в королевских делах без подлости никуда. Как же без собственного соглядатая.

К тому времени Маша взяла себя в руки, во все глаза смотрела на Имре. "Вероятно, это игра, спектакль" — девушка растерянно смотрела в холодные, отстранённые глаза

любимого, теряясь в догадках. Тот мужчина, что стоял перед ней, это был её Иван. Или его копия? Не может быть.

— Как вы себя чувствуете после длительного путешествия? — задав вежливый вопрос, Имре начинал скучать, мысленно нетерпеливо ожидая когда всё закончится.

— Спасибо, хорошо, — только Маша хотела извиниться за неловкость, как в спину ей зашипела старшая фрейлина: "Реверанс, сделайте реверанс".

"Да щас", подумала Маша, стоя истуканом.

Имре смотрел на это создание в розовом с любопытством. В ней всё было странно. непривычно. Она какая-то не такая. Не умеет подобрать юбки, не сделала реверанс. А он, между прочим, любил посмотреть сверху на чувственную роскошь, выпирающую из лифа. Тем более её лиф ему очень даже понравился.

Странный взгляд девушки его магнитил.

— Не хотите ли составить мне компанию на днях? Прогулка в сад принесёт много впечатлений.

Маша исподлобья смотрела на него: " Прикальываешься?"

— Разве могут быть впечатления больше тех, которыми вы меня уже наградили? — Маша сощурила глаза, намекая на Люську.

Имре чувствовал подвох в ее словах, невнятное раздражения начинало закипать в нём, эта куча в розовом подбешивала его. Раздался шёпот:

— Поклонитесь, поблагодарите Короля! — старшая фрейлина незаметно дёрнула Машу за рукав.

— Я тебе щас руку сломаю! — Маша повернулась и глянула так, что фрейлина попятилась.

Это развеселило Имре. Ему вдруг захотелось позже поговорить с этой странной невестой. На секунду он даже забыл об охоте. Глаза блеснули, но его лице не дрогнул ни единый мускул.

— Благодарю Вас, сир. С радостью! — Маша отвернулась от Короля (или от Ивана? она уже ничего не понимала). Добавила про себя "ну, козлина в короне, держись. Я тебе всё выскажу, артист! Изменщик!". Не дожидаясь чего там надо было по протоколу, Маша повернулась к царственной особе спиной и вышла, уводя за собой обомлевшую от неслыханной дерзости стаю фрейлин.

Девушка предположила, что Иван придерживается роли в игре, о которой он ей потом расскажет.

— Что это было, Мин? — в голосе короля звякнул металл:

— Где ты её нашёл?!

— Как бурьян росла, да, да, Вы правы, сир. Зато чертовски выгодная партия, одна родословная чего стоит, статус. А статус Вам, мой король, сейчас ох как нужен. Не силой же единой врагам нос утирать. Опять же землями Ваше королевство приумножится.

Зато Принцесса симпотичная, круглозадая, здоровая. Будет отличной матерью наследнику.

А если что, так родит и подальше с глаз её свезём. В деревню, на лужок. С глаз долой.

Лис пел свою льстивую песню. Казалось он приготовил ответы на все вопросы.

Даже на те, которые мог задать только сам себе.

На вопросы о том, какую судьбу он готовит этому королевству. В котором он сейчас слуга.

Пока ещё слуга...

Провал во времени

Пока девушка шла скорым шагом, почти бежала к себе, она никак не могла унять дрожь во всём теле.

Маша примчалась на свою половину, велев Эльзе запереть дверь перед носом досужих сопровождающих. Старшая фрейлина по-хозяйски проследовала за Машей, оттолкнув Эльзу.

— Ведёте себя неподобающе. Я обязана научить вас правилам следования протоколу. И образумьте свою деревенщину, — она выразительно посмотрела на Эльзу.

— Сначала выучи моё правило. Пока я не спросила, рот не открывай! — Маша сняла туфлю и швырнула в старшую фрейлину. Та взвизгнула и скрылась за дверью. На порге обернулась и зло прошипела: "С таким поведением Вас запрут в монастырь. Другие девушки ведут себя иначе".

"Что со мной такое? Себя не узнаю. Я такая смелая, решительная. Не знаю, что это, но пока мне всё нравится", подумала Маша, уселась на кровать и стала болтать ногами.

Эльза стояла рядом со своей госпожой и тряслась как осиновый лист.

— Ты чего?

— Ваша Светлость, вы нажили врага, — горячо шептала ей девушка на ухо, — помните, всюду отверстия в стенах для подсматривания и уши для прослушивания... А ещё, у вас теперь нет второй туфли — Эльза прятала улыбку в уголках губ.

— Эх, джинсы бы, да кроссы сейчас.

Фрейлина непонимающе хлопала глазами.

— Эльза, помнишь, старшая фрейлина что-то про монастырь брякнула. О чём это она?

Девушка опустила голову и тихо сказала:

— Так поступают с невестами, которые не понравились королю или его королевскому совету.

— Да говори толком. Как поступают?

— Отправляют в монастырь. И бедная девушка остаётся там до конца жизни. Никогда его не покидает.

— Да ты что! Серьёзно? — Маша похолодела.

Получается, её судьба зависит от старшей фрейлины в том числе.

"А ещё от того, с кем я сегодня познакомилась, — Маша говорила сама с собой. Когда она подняла голову и увидела Ивана, в смысле Короля, она чуть не потеряла дар речи.

Ошарашено разглядывала стоящего перед собой любимого человека. Только это был как будто не он, а его голограмма.

Что происходит, это такое кино? Иван играет роль, о которой ей не говорит? Это точно он! И голос его, расслабленный, с хрипотцой. Правда, её как ледяной водой окатило, когда она встретилась с ним глазами. Взгляд его был чужой, незнакомый. Взгляд леопарда — презрение и холод!

Теперь ещё история про монастырь. Пипец!"

К ночи Маша не могла найти себе места. Камин давно прогорел, свеча коптила тускло, неровно роняя скудные отсветы на мраморный пол. Было неуютно, холодно.

Маша всё возвращалась и возвращалась мысленно к встрече с Иваном.

Уж лучше был бы чужой мужик в женихах чем этот позёр.

Почему он так повёл себя?

Маша перебирала все моменты, звуки голоса Ивана или Имре. Да кто это на самом деле был перед ней?

Она смотрела в небо. Безучастные звёзды мерцали, не зная, какими горькими слезами провожает их далёкий блеск стоящая у окна бедная девушка.

"Что же ты делаешь со мной, Иван? — мысленно спрашивала Маша, отсылая вопрос в никуда. Это точно в твоём характере: ты замыкаешься, когда сам накосячишь. Меня же молчанием наказываешь за свою вину.

Может быть и сегодня это только поза? За что? Или ты и вправду не узнал меня.

Откуда столько презрения ко мне? Или, может, Люська лучше?"

Маша сердилась, мешала в кучу злые слова. Через минуту тихо плакала, мысленно просила: "Милый мой, любовь моя, верни меня в свою душу. Посмотри на меня. Я с твоим малышом под сердцем стою здесь, как вкопанная. От страха, от обиды не могу вздохнуть. Почему твоё сердце молчит. Иван, услышь меня!"

Она бессильно опустилась на пол. Слезы высохли. Или закончились? Маша задремала. Очнулась, вздрогнула от того, что кто-то коснулся её.

Свеча догорела. Лунный свет бродил тенями по комнате. Нет, нет, ей не показалось, кто то держал её за руку, вот только кто.

— Ваня? — в надежде она подскочила, заметалась по комнате, пыталась заглянуть за дверь — в коридоре темно, никого.

Маша опустилась на стул. Косматые тучи чёрными воронами заглядывали в окна, проглатывая жёлтый свет луны и снова выплёвывая его в черные небеса.

На руке что-то блеснуло. Маша повернула руку. Кольцо. Колечко обручальное! То, что они с Ваней покупали к свадьбе. Снова нашлось. А она уж думала потеряла его где то там, в дороге. Откуда оно?

Маша прижала руку к груди, раскачивалась из стороны в сторону, шептала:

— Не оставляй меня, любимый мой. Не оставляй меня одну...

Эльза на рассвете обнаружила свою Беатрис под окном, свернувшуюся калачиком. Постель была не тронута. Свеча догорела, расползлась растёкшимся пятном.

— Бэтси, вы все глазки выплакали, — она гладила по волосам свою королеву.

Маша проснулась, стряхнула с себя глубокий морок, в котором забылась.

Эльза умыла её. Расчёсывала, собирая волосы в тугий узел. Маша безучастно смотрела в окно. Она чувствовала, что подустала за эти дни. Вот бы чашечку кофе сейчас.

— Ваша Светлость, посмотрите, какая вы красотка! — Эльза бабочкой порхала рядом, — Не печальтесь. Вы переживаете, что король не ласков с вами? Да что с них, с мужчин, взять. Не бьёт и ладно. Мужчины они строгие, опасные, не сердите их и всё будет хорошо. Привыкнете к его Величеству, лаской своей согреете, маленький появится, что ещё нужно?

"Знала бы ты Эльза, — Маша обхватила голову руками, сердце билось тревожной птичкой, — Я ведь беременна. Маленький уже есть, он скоро действительно появиться. И нам с ним нужны объятия его папы."

Фрейлина закончила с причёской, расправила складки на платье Маши, подала начищенные туфельки.

Сделала реверанс, добавила:

— У вас ещё будут встречи. Вот вернётся их Величество через два дня, и вы увидите.

Маша сидела неподвижно. Она не в силах была шевельнуться. Что ей принесёт новая встреча с Королём?

На глазах выступили слёзы.

— Дорогая Беатрис, нельзя так кручиниться. С лица сойдёт румянец. Свежесть потеряете. Чем вам помочь? Вы такая хохотушка были, а теперь совсем духом пали.

Эльза помолчала, на цыпочках подошла к двери, выглянула, посмотрела не подслушивает ли кто.

Шёпотом спросила у Маши:

— Может быть вас сглазил кто. Или порчу навёл.

Давайте сходим к ведьме. Пусть погадает.

Маша вспомнила как давным давно, (ей лет шесть было) она с бабушкой оказалась на сельской ярмарке.

Куча праздно шатающегося люда, квас в жёлтых бочках, запахи еды, гвалт, шум. Кто-то угостил хорошенькую, белокурую Машу яблоком.

Бабушка с кем-то торговалась, носила кошёлки туда-сюда к грузовичку. Деревенские оплатили его в складчину, позже шофёр повезёт всякую снедь в деревню. Разгоряченные удачными покупками, хозяйки возвратятся в деревню пешком.

Бабушка продолжала кружить по торговым рядам. Маша скучала, привалилась к забору и смотрела на маленького кудрявого карапуза.

Цыганчонок сидел в пыли и ревел, размазывая слёзы по грязным щекам. Маша подошла к нему, присела. Погладила малыша по кудрявой шапке лохматых волос, протянула яблоко.

Откуда ни возьмись, появилась цыганка в пёстрых юбках. Заглянула Маше в лицо, развернула её ладошку, похлопала по ней рукой. Сказала какую то абракадабру и, подхватив малыша, ушла.

Маша помнила каждое слово того пророчества: " Жизни две, мужика два, ребёнка три, а на поверку жизнь дели на два" Потом Маша пыталась у бабушки узнать, что такое тётя в красивых юбках ей сказала?

Бабушка раскричалась, обещала Машке уши надрать, если она ещё раз к таким "тётям" подойдёт.

Маша до сих пор не понимала, почему эти гадалки предсказания какими то кодами делают. Почему нормальным человеческим языком не объясняют.

Маше всё сидела в комнате перед камином, ей ничего не хотелось. Вдруг ей вспомнился тот, другой мальчик, которого она видела в царском домике.

— Эльза, ты не знаешь, тот пацан, что я видела по дороге, встретил свою мать?

— О! Тилль увидел его в городе и подобрал. Мальчишка умеет свистеть как соловей. Так Тилль его Соловейко назвал.

Странный сирота. Он так верит, что найдёт свою мать. Говорит, что видел её, но она его не узнала, — Эльза развела руками.

"Это чтож за матери такие бывают. Не узнать собственного ребёнка..." — душа Маши содрогнулась от жалости. Вслух прошептала:

— Золотое сердце у Тилля.

Признательно потрепала Эльзу по плечу.

Тут фрейлина заметила колечко на руке Маши.

— Ой, у вас колечко, Ваша Светлость, — девушка протянула руку, хотела дотронуться до сверкающей полоски на пальчике госпожи.

— Это моё! — Маша дёрнула руку, зло глянула на Эльзу, повторила с угрозой:

— Это моё!

Ей не хотелось обижать милую фрейлину, но как ей было объяснить, что это единственное, что осталось у Маши. Это действительно единственная её личная вещь из прошлой жизни.

— Ваше Светлость, завтра ярмарка на центральной площади. Пойдёмте посмотрите медведей! Говорят, они умеют плясать.

Неожиданно Маша уловила еле слышный шорох за стеной. Она догадалась, что их подслушивают. Как она могла об этом забыть?!

Провал во времени

Стоило Маше выйти из своей комнаты, её тут же окружила стайка фрейлин, поджидающих с самого утра.

Сегодня было тепло и девушки отправились на прогулку в королевский сад.

Лужайки— просторные, чистые, светлые, опутанные тонкой паутиной идеальных дорожек. Тенистые островки из развесистых деревьев. Тут и там разбросанные скамейки, увитые арками китайской розы. Маленькие фонтанчики весело искрились струйками на солнышке — сад был просто сказочным.

Маша рада была выйти из серого склепа. Стены негостеприимного, холодного замка ей порядком надоели. Старшая фрейлина близко к Маше не подходила, но девушка чувствовала, что та следит за ней, не спуская с глаз.

— Эльза, — фрейлина услышала Машу, мгновенно оказалась рядом,

— скажи этой напудренной мартышке, что мне холодно в гостинице, пусть включат отопление.

Эльза хлопала глазами.

Машка прыснула, сообразив, что фрейлина ничего не поняла.

— Дубль два, — Машка веселилась, наблюдая, как девушка ещё шире открыла глаза, уставившись на свою госпожу,

— Эльза, скажи старшей фрейлине, что я не довольна и буду на неё жаловаться королю.

Мне холодно! Пусть прогреют помещение и ковры постелят.

Эльза поклонилась и помчалась выполнять поручение.

О чём могут судачить сучающие женщины во дворце? Конечно о ней, о своей будущей королеве. Это стало отличным поводом объединиться разрозненным группкам фрейлин в одну общую.

Теперь в воздухе над ними висела одна общая сплетня.

Стоило Маше повернуться к ним, они замолкали, приседали в реверансе, прятали глаза.

Стоило отвернуться, начинали шушукаться.

До Маши стали долетать обрывки фраз:

— Ах, не повезло нашему государю...

— Принцесса стояла вчера, как дура...

— Вот если б я была на её месте, Король был бы очарован моим воспитанием...

— Наш Король так красив...

— Да, да, она вообще никакая...

— Ходит, как колченогая...

— Интересно будет посмотреть на это позорище в их первый танец...

Маша повернулась на последней фразе, выхватила глазами говорившую. Девушка в светло-фиолетовом платье залилась румянцем, закрыла рот и сто процентов, хотела проглотить язык, но поздно.

— Иди-ка сюда, овца! — Маша не собиралась церемониться.

"Овца" несмело приблизилась к Маше на шаг.

— Ты не увидишь моего танца. Сообщу Мину о твоём неуважении к выбору Короля. Твой язык вместе с тобой будет плавать с крокодилами во рву.

Девушка пыталась что-то сказать.

Маша опередила её;

— От себя добавлю: прячься, мля..!

Разнопёстрый клубок гадюк-подружек тут же отделился от виновницы. Горе-беда заразны!

Фиолетовое пятно оказалось в одиночестве. От страха девушка помертвела, упала на колени, стала молить о пощаде. Маша молча смотрела на этот отчаянный вариант раскаяния. Чтоб другим неповадно было, твёрдо, жёстко сказала "Нет!"

Пошла вперёд, сделав жест остальным следовать за ней. Маша решила, что будет сражаться за себя. За уважение со стороны фрейлин, да всех вокруг, за шанс разбудить чувства любимого.

Девушка повернулась к стайке крадущихся за ней фрейлин. Они смотрели на неё во все глаза, онемев, кажется, навсегда.

— Ну, вот что, глупые гусыни. Я не только хорошо вижу, но и отлично слышу. Одно слово не по мне — выдеру вам все патлы из под париков. Лично расцарапаю рожи ваши свинячьи.

Маша оглянулась, ища глазами Эльзу. Трусишка фрейлина стояла в сторонке и как всегда, тряслась. Маша показала на неё рукой:

— Только троньте, кукушки, мою подругу хоть одним словом. Пипец вам будет.

Будущая королева хлопнула в ладоши:

— А теперь, прямо сейчас каждая из вас говорит мне комплимент и славит своего Короля! Кто первая замолкнет, пожалеет.

Девушки затараторили.

— По очереди! — Маша наблюдала за фонтанирующим лизоблюдством. Поделом!

Скоро ей надоело.

— Отвратительно! Плохо. Да вы безмозглые ослицы. А голоса — фу, слушать противно!

Чтоб на завтра каждая написала мне стихи. Оду!

А теперь вон отсюда.

Старшая фрейлина медлила, не сообразив, надо ли ей уйти со всеми. Или отстаивать свою значимость, выделяясь от всех фрейлин.

— А Вы, милая, оглохли, или старость берёт своё? — Маша была злопамятная. Теперь она решила, что будет мотать нервы старшей фрейлине по поводу и без.

Маша провожала взглядом улепётывающую стаю сорок, успев оставить одну из них.

— А ты, голубушка, останься. — Маша сменила тон на вкрадчивый, лживо-добрый.

— Научи меня делать реверанс так же изящно, как делаешь сама.

Маша довольно быстро переняла нехитрую науку.

— Дорогая, ты большая молодец. Я похвалю тебя перед Королём. — Маша потрепала девушку по щеке. Лицо фрейлины порозовело от радости.

Маша продолжила:

— Ты нравишься мне, я расскажу тебе тайну, о которой не знают другие. И ты помалкивай. Так вот: среди вас есть одна, которая регулярно докладывает мне всё, о чём вы говорите. Поэтому следи за своим языком.

Маша отпустила девушку, удовлетворённо глядя ей в след. Благодаря этой сплетне, фрейлины поприкусывают языки. Они должны запомнить, что с Принцессой (то есть с ней), можно договориться и найти общий язык, если откусить свой!

Полянка опустела. Маша отправилась в свои покои. По дороге к себе увидела стоящего кардинала. Он, как всегда, выглядывал из-за угла, готовый исчезнуть в никуда или появиться ниоткуда.

Мин наблюдал всю картину со стороны с открытым ртом. Он не мог отыскать старшую фрейлину и вот попал на урок воспитания.

Маша поравнялась с ним, бросила через плечо:

— Распустил ты их, чувак!

Довольная, сбросила туфли и босыми ногами с удовольствием пошла по траве. Она наслаждалась, касаясь пальчиками шёлка травы, наступая на её хрупкие гранёные полосочки, на забытые солнышком капельки росы в её мшистой глубине.

Машу догнал Мин.

— Ваша Светлость, вас ждут к обеду в восточном зале.

Маша, надев на лицо самую очаровательную улыбку, снисходительно посмотрела в хитрое лицо Мина:

— С удовольствием, мой друг! Надеюсь, вы составите мне компанию?

Мин обалдел от внезапного предложения. Уж что-что, а становиться ей другом он не собирался. Однако, готов был вступить в игру на предложенных условиях.

Молча поклонившись, жестом пригласил девушку следовать к обеду.

Машу встретила старшая фрейлина. Пригласила сесть на специально отведённое место. Важно добавила:

— Вы можете обращаться ко мне Эстэр.

— Сойдёт и миледи, — парировала Маша, — И, кстати, тётя, вы в каждом своём обращении ко мне обязаны сказать "Ваша Светлость."

Старшая фрейлина расположилась напротив, недовольно сжав губы.

Маша отметила про себя, что Мина нет.

Начали подавать еду. Такой вычурной красоты во всём, Маша и представить себе не могла. Изящная посуда, тонкое стекло, золото подсвечников, серебро приборов, тончайший лён салфеток!

Маша немного оробела. В прошлый раз она ела одна, видела, как, какими приборами служка брала еду. Признаться, это всегда было её слабой стороной — возня с вилками, ложками. Она стеснялась есть в дорогих ресторанах, куда Иван тащил её каждый вечер. Старалась сначала посмотреть как едят другие. Если сомневалась, отказывалась от блюда. Предпочитала места для еды попроще, где не нужно было чваниться.

— Ваша Светлость, надеюсь, вы умеете пользоваться приборами? — противный голос старшей фрейлины вывел её из задумчивости. "Ну, держись", подумала Маша, а вслух сказала:

— Надеюсь вы вымыли руки, а то что-то они выглядят не свежими.

Эстэр опустила глаза, пропустив колкость, ответила:

— Не сомневайтесь.

— Ваша Светлость — жёстко добавила Машка, закипая.

— Не сомневайтесь, Ваша Светлость, — исправилась фрейлина.

Перед Машей поставили тарелку. Девушку осенило. Она специально не притрагивалась к еде.

— Ваша Светлость, вам не нравится еда? — не пряча насмешки спросила Эстэр, надеясь зацепить, унижить Принцессу. Предположив, что девушка не ест, не зная как приступить как

мозаике из разнокалиберных столовых приборов.

Эстер ужасно хотела отомстить Принцессе за слова на полянке.

Зря. Машу злить никому не рекомендовалось.

— Кто-то должен попробовать это из моей тарелки, вдруг здесь яд: — Маша отодвинула посуду от себя.

Эстер замешкалась с ответом, сегодня она сама сидит за столом и негоже сажать рядом слугу, которая будет что-то пробовать:

— Ваша Светлость, пригласите вашу личную фрейлину.

— Ты ещё коня моего позови и кучера, чтоб отравить нас всех одним махом! —

Маша встала, швырнула салфетку, направилась к выходу:

— Всенепременно сообщу Королю, что никто не стал пробовать мою еду! — сложила руки рупором и громко крикнула:

— Еда Принцессы отравлена!

Эстер поперхнулась. Маша вышла, подхватила поджидавшую за дверями Эльзу, оставив за дверями кашляющую старшую фрейлину.

Девушки торопливо шли в свои покои, не заметив Мина, притаившегося в нише стены.

Войдя к себе, Маша отметила, что жалобу про то, что ей холодно слышали. Полы застлали медвежьими шкурами, полыхал камин. В комнате стало жарко, уютно. Девушка повеселела.

Вечером расположившись у прогорающего камина, плеснула вина из серебряного графина.

Странно, здесь негде было добыть воду, все пили слабенькое кислое вино. Маша вообще не любила алкоголь. Вот прям от слова совсем. Воды не было, а пить хотелось. Пришлось договариваться с собственными принципами.

Наблюдая, как переливаются в бликах огня кроваво-красные грани бокала, искала глазами Эльзу.

Та расположилась возле каминной полки, перед ней стояла чернильница. Эльза бормоча, что-то писала.

— Что делаешь? — Маша с любопытством заглянула ей через плечо.

— Пишу оду, — Эльза от старания высунула кончик языка.

Маша выхватила у неё листок, там всё было написано непонятными буквами.

— Не сердитесь, Ваша Светлость. Я не сильна в латыни — Эльза виновато опустила голову.

Маша молча въезжала в эту новость. Её служанка пишет оду на латыни, а она, Маша, свысока смотрела на неё, типа деревня средневековая! А сама-то... Учила английский в школе как все, сдавала зачёты в институте,

итог: ни сказать, ни спросить на английском не умела. Знаний ноль.

Сделав вид, что всё прочла, сообщила служанке:

— Этого достаточно, красиво получилось. Всё, Эльза, оставь меня, я спать хочу.

Фрейлина проворно разобрала постель, взбила подушки и ушла. Маша бросила листок в камин. Неаккуратно бросила... Скоро она об этом пожалеет...

НАШЕ ВРЕМЯ

Маша вспомнила, как познакомилась с Иваном.

Она, провинциальная девушка, переехав в Москву, очень хотела купить машину.

Прям мечтала ещё с детского сада о своей тачке. В посёлок, ("деревня", как она сама его называла), на лето привозили внуков к бабушкам. В доме напротив появлялся круглощёкий Юрка.

Замечательный, щедрый пацанёнок. Вместе с ним прибывал вагон сказрчных чудес: самокат, велик и педальная машинка. Так как прибывшие игрушки катали всю детскую братву с утра до ночи, к середине лета от них оставались только воспоминания.

Правда, машина жила дольше всех и Маше по принципу соседства была отдана в безграничное пользование.

Вот это ощущение радости рассекать на четырёхколёсном друге, подставляя лицо ветру, Маша лелеяла с тех самых пор.

Вкалывая на работе и всех возможных подработках, она собрала деньги и купила её, свою "Бусинку".

Красная, маленькая КИА стала ей верным железным другом. Вернее подругой. Как только Маша села в салон, сразу почувствовала, что влюбилась в свою чудную машинку!

Это удивительное чувство Оно появляется в момент достижения своей мечты. Необыкновенная гордость за саму себя, счастье приобретения, восторг от своего собственного могущества. Маша единственная в роду, кто купил себе машину. Сам!

Все тётки, дядьки покупали четырёхколёсный хлам в складчину, что-то продавали, где-то занимали. А Маша купила сама. Радости её не было предела.

Конечно, первым делом девушка поехала к маме поделиться радостью и утереть нос досужим бабкам.

Мама Машкина, тётя Даша ходила вокруг машины, гладила её по железным бокам, тихо приговаривая: " Береги мою доченьку".

Тут же по хозяйски, подбоченившись, прикидывала, чего в багажник напихать, Маше-то в городе пригодиться! Теперь-то не на себе везти. Не то, что раньше по электричкам.

Машку переполняло чувство гордости. Сама! Она заработала и купила машину! Ей хотелось кричать об этом, чтоб все офонарели от зависти.

Девушка ранним утром, нагрузившись маминым провиантом, возвращалась из деревни в город на съёмную квартиру.

"Бусинка", весело поблёскивая намытыми боками, аккуратно свернула на трассу, распрощавшись с грунтовкой.

Откуда появилась чёрная бэха? Маша обратила на машину внимание, когда её дорогуший зад стал мешать Машиному движению.

Водитель бэхи выписывал кренделя, равнялся с Машей, делал непристойные знаки, двигался параллельно, прижимал к обочине.

Обгонял, рыскал перед ней, снова прижимался сбоку и строил ей рожи. Стоило его обогнать, он оказывался рядом, орал гадости в открытое окно, оттуда неслась музыка.

Он обогнал её очередной раз и резко тормознул.

Лязг, треск — обе машины встали. Время для Маши остановилось. Она ткнулась

головой в стекло, ударила грудью о руль.

Дальше казалось, всё плывёт в тумане. Маша видела, как из бэхи выскочил здоровенный амбал в белой майке и бейсболке. Подскочив к Маше пытался вытащить её из машины, махал руками, поливал матом, бил по машине кулаками, ногами.

Маша в ужасе наблюдая за беснующимся парнем. Даже не представляла что теперь будет. Мысли прыгали, сердце колотилось. Грудь и голова болели.

Маленькая красная "Бусинка" стойко держала оборону, крепко сцепила двери, не давала в обиду свою хозяйку.

Мимо проезжали любопытные водители, с интересом наблюдая за разворачивающейся драмой.

Неожиданно наступила тишина, когда проезжающий мимо "Бентли" остановился. Оттуда вышел мужик в костюме, стал говорить с белым. Белый дёргался, махал руками, костюм слушал. Подошёл к Маше, улыбнулся, приветственно помахал рукой.

Кто это? Маша видела его в первый раз.

Подъехали полицейские, костюм подошёл вместе с ними к Маше. Она опустила стекло с ужасом глядя на мужчин.

— Документы, — козырнул мужик в форме.

Маша скорее передала папку с документами и скорее подняла стекло.

Спряталась. Сидела не шевелясь, не понимая, что делать дальше. Её догоняло понимание, что то, что случилось разруливается само-собой. Вот этим незнакомым мужчиной в костюме.

Минут через пятнадцать костюм подошёл к ней.

— Маша, привет. Давай-ка закрывай машину и пересаживайся ко мне.

"Откуда он знает, как меня зовут... А, посмотрел в документах" — догадалась Машка.

— Нет, я не поеду с вами.

— Это почему?

— Я не езжу с незнакомыми мужчинами.

— Вот и правильно. Меня Иван зовут. Познакомились. Идём, Мария, я тороплюсь.

Маша вышла на деревянных ногах.

— Закрывай машину, возьми всё из салона. Ты в таком состоянии не можешь ехать.

Маша села сзади. В таких машинах она ещё не бывала. Он уверенно расположился за рулём. Наконец, ей удалось рассмотреть его.

Спокойный, уверенный. Густой ёжик волос. Крепкая шея, ввинченная в бугры перекачивающихся мышц, на спине. Пиджак застёгнутый на одну пуговку позволил рассмотреть ослепительную рубашку.

Манжеты белой каймой упирались в золотой браслет часов. Квадратный, мощный подбородок гладко выбрит. Губы плотные, жёсткие, с поднятые уголками вверх. Зубы неестественной белизны — новомодные виниры?

Глаза, его особенные серо-зелёные глаза. Блеск в них — подобие отблеска на острие ножа. Яркие, холодные. Взгляд непродолжительный, пронизательный.

Машка снова перевела взгляд на его подбородок. Вот заиклилась на нём, дался ей этот красивый подбородок!

Вспомнила, что её бывший был с бородой. Носился с этой бородой как курица с яйцом. Ежеминутно расчёсывал её, чем-то мазал. Все гигиенические пристрастия бородой начинались, ею же и заканчивались.

От бывшего вечно воняло. Маша силком его заставляла мыться. А от парня за рулём пахло чистотой и свежестью.

Иван повернулся к ней с переднего сидения:

— Давай ключи, диктуй номер телефона. Мои ребята разберутся. Говори куда ехать.

Маша назвала адрес.

Мягко, неслышно машина рассекала пространство, Машу тошнило, голова болела всё сильнее. От пережитого страха, наверное.

Прибыли по адресу, Иван осмотрел улицу. Офисные здания, безлюдный проспект.

— Ты тут живёшь? — он удивлённо повернулся к ней.

— Я тут работаю.

— Сегодня воскресенье, — он скользнул взглядом по её одежде,

— Ты на работу?

Маша пожалала плечами:

— Я отсюда сама доеду. На метро.

Он тронулся с места.

— Вот что, Маша. А я и в воскресенье работаю. Мы сейчас всё решим, на метро в другой раз покатаешься.

Он протянул ей пачку влажных салфеток:

— Вытри глазки, Маша, не плачь.

Она достала зеркальце. Караул. Страшная как сова с бодуна. Чёрные круги от размазанной туши, зарёванные глаза, красный припухший нос. Хороша!

Маша осмотрела себя.

Застиранная розовая трикотажная майка, джинсы, упоротые кроссы. Она же из деревни ехала, чего наряжаться.

Позорище! Машка корила себя на чём свет стоит.

В эту самую минуту девушка дала себе обещание, что сегодня был последний раз в жизни, когда она свою "деревню" возит с собой.

Машина петляла по незнакомым улицам, девушка не бывала в этой части города раньше. Остановились напротив царства из стекла и металла.

— Посиди здесь. Я распоряджусь, тебя доставят домой. Он вышел из машины, сделал шаг, вернулся, заглянул к ней в салон:

— Маша, с тобой всё хорошо? Ничего не болит? Может, к врачу?

— Нет, — голос предательски застрял в горле,

— Нет, спасибо.

Она смотрела вслед удаляющемуся красавчику.

Обалденный. Машка с тоской смотрела на удаляющегося спасителя, скрывшегося за стеклянными дверями.

Вскоре дверь с её стороны открылась. Перед ней стоял мужчина лет тридцати пяти, тоже в костюме, весь как с картинки. Очки в золотой оправе, аккуратные часы. Маша обратила внимание на его обувь. Обалдеть, как будто только что из магазина. И она, блин, в своих растопках. Позорище! Дура!

— Здравствуйте, Мария. Меня зовут Игнат. Я отвезу вас домой. Идёмте за мной.

Маша пересела в спортивную тойоту.

Ехала по Москве, замечала как много красивых витрин, праздно шатающихся людей. Сколько баннеров с премьерками. Почему она раньше этого не видела?

Зачем ей большой город, если вся её жизнь это короткие перебежки между домом и работой.

Оказывается, в этом же городе живут вот такие Ивановы, Игнатовы. С дорогими машинами, часами, напердолёнными башмаками.

А ещё живут Маши, у которых кроме как перехватить пиццу в кафешке, ни на что другое время не хватает.

Да, наверное надо было ей вцепиться в стекло лбом, чтоб, наконец, обернуться на себя лично.

Оказавшись дома, Маша бродила по чистенькой комнате в затрапезных обоях.

Оглядела проваленный диван, цветы в разнокалиберных горшках на подоконнике. Чужие идиотские занавески. Да... Она сегодня ставит точку в своей тупости.

Маша вдруг поняла, что никогда не ставила перед собой целей. Единственно, что её мотивировало, это заработать деньги. Вечная беготня по кругу: работа, дом, работа. Накопила на машину, теперь будет копить на ипотеку. С бывшим буквально накануне рассталась. Ну как рассталась. Он занял денег и исчез. Наверное, нашёл другую машину, и там годик поспит, поест поищет работу, займёт денег и тоже исчезнет.

Бодрым шагом девушка отправилась в душ.

Обмотанная полотенцами вышла из ванны, добралась до телефона. Нашла ближайший фитнес клуб. Решила записаться с понедельника. Нет, зачем ждать, лучше на сегодня.

Маша открыла шкаф и уставилась в него. Надо выбросить всё. Однако, чтоб выбросить старое, надо купить новое. Ну ничего, справлюсь.

Маша повеселела. Сделала чашечку кофе и стала планировать своё будущее.

НАШЕ ВРЕМЯ

В тот вечер, за ночь до знакомства с Машей, у Ивана всё не задалось.

Ленка, его девушка вынесла ему весь мозг. Вообще то, она не разрешала называть себя Лена. С того самого момента, как Лена Фонвизина покушала золотой ложечкой с серебряного блюдечка в финансовых объятиях Ивана, она перезвездилась в Илону фон Виз.

Сначала Иван недоумевал. Потом ему стало всё равно. Илона, уцепившаяся за его баснословные деньги, строила планы на богатое будущее с ним, Иваном, и придумала звучное имя, чтоб всем утереть нос.

Иван, в отличии от Лены, или как она сама себя называла "Илона", не собирался связывать с ней будущее. Переходные вымпелы чужой страсти, прыгающие из одной постели в другую ему не были нужны.

Илона, красивая женщина с офигенной статью, сопровождала его всюду по первому требованию.

Упакованная им в роскошные тряпки, обеспечивающая горячий секс красотка — вот, собственно, всё, что ему было от неё нужно. И ни в коем случае от неё это не скрывал.

Однако, теперь она ему надоела. Постоянно чем-то недовольная, вечно ноющая, капризная. К тому же, она стала пить. Этого ещё не хватало. Нафиг ему не упала такая мамзель.

Рядом тучи девчат поскромнее, посвежее, повеселее.

Сегодня собиралась большая компания у Серёги, приятеля из прошлого. Сергей пригласил Ивана на днюху. У именинника было не всё хорошо в бизнесе, он сдавал позиции. Терял клиентов, много проигрывал в карты, окружил себя сбродом из богатых бездельников.

Иван приехал на день рождения. Поздравил именинника. Как и на всех тусовках нашёлся один особенный клоун, некий Гоша, который буянил весь вечер, задирался, орал...

Всё, Иван решил, что он, сюда, к Сергею больше не приедет.

Утром собрался и уехал пораньше, не дожидаясь завтрака по обычаю начинающегося в полдень, не раньше.

И надо же, на трассе Иван увидел беснующегося Гошу, прыгающего вокруг красной Kia пиканто. Иван успел заметить, что внутри неё девушка.

" Это каким же образом она на этой черепашке догнала зад его бэхи", удивился Иван. Надо девчонку выручать. Припарковав своего верного Бентли на обочине, подошёл к психопату.

— Гоша, ты чё тут исполняешь?

Гоша, в ярости, оскалившись повернулся, увидел Ивана, обрадовался и стал пояснять. Матом. В переводе значило примерно так:

плохие неумные девушки на плохих машинах мешают ездить хорошим парням.

— Гоша, ты пил, от тебя несёт, — Иван пытался заткнуть фонтан красноречия конструктивным предложением успокоится:

— Давай, брат, сядем в машину, сейчас полиция приедет.

— Да они у меня вот где! — и снова поток мата.

— Что ж ты за урод то за такой, Гоша. Давай, садись в тачку. Гибддшники прибыли. — Иван добром пытался запихнуть пьяного мужика в машину.

Вчерашняя выпивка никак не могла улечься в мозгах Гоши, он продолжал махать руками. Правда, в машину сел.

Иван заглянул в красную Киа. Там сидела насмерть перепуганная девчонка. Иван помахал ей, она не отреагировала. Вот бедняга, испугалась то как.

Прибывшие полицейские, оценили ситуацию, Иван договорился с офицером, оформил всё за Машу, сдал им заснувшего Гошу.

Видя, в каком состоянии девчонка в пиканто, понял, что ехать ей самостоятельно опасно.

Пересадил к себе в машину. Зачем-то приехали к ней на работу. Странные они, женщины, никакой логики. Спросил где живёт, она дала адрес офиса, приехали к ней на работу. В воскресенье.

Иван толком не рассмотрел её. В каких то зашморганных тряпках, обычная. Что ещё. Ну, грудь, попа на месте. Полновата на его вкус. Единственно, на что обратил внимание, так это на её бледность. Спросил, не болит ничего? Говорит нет. Нет так нет.

Приехал на работу, отдал распоряжение Игнату: девушку домой. Машину с трассы забрать. В ремонт сдать. С ГИБДД всё уладить.
— Да, вот ещё что, — добавил вслед удаляющемуся помощнику. Свяжись с Сергеем, возьми координаты Гоши. Передай Кириллычу, пусть снимет с него соточку, а то и две за разбитую пиканто.

Сто процентов, сам подставился. За это надо наказать.

Иван с головой окунулся в дела. Весь день его доставала звонками протрезвевшая Илона. То просила прощения, то обещала утопиться, короче, вела себя как дура.

Через три дня Игнат доложил:

Гоша деньги отдал, машину той девушки Киа пиканто починили. Вернуть хозяйке не представляется возможным

— Не понял, — Иван откинулся на спинку кресла,

— Это как?

— Хозяйка в больнице.

— Ничего себе. Что случилось?

— Не знаю.

— А почему ты, Игнаша, не знаешь? Ты о чём думал, когда сообщение готовил?

Игната сдуло. Сердить Ивана никому не приходило в голову. Иван — мужик властный, жёсткий, требовательный.

Иван отвлёкся от дел. Поймал себя на мысли, что тревожится за эту круглолицую девчонку. Она ещё была в чём то розовом. Фу ты, цвет какой противный.

Через десять минут примчался Игнат.

— Разрешите доложить. Девушка Мария Кошкина на скорой помощи была доставлена из фита центра в больницу на Рокоссовского. Сотрясение мозга, полученное при ударе головой о лобовое стекло. Ушиб грудной клетки. Угрозы жизни нет.

Находится в шестиместной палате, на третьем этаже.

Цветы заказал, мягкую игрушку "мишку", конфеты. Всё доставят в течении получаса. Поеду. Передам.

Игнат стоял на вытяжку.

— Вместе поедем. Что-то тут не сходится. — Иван задумчиво посмотрел в окно.

Через час водитель вёз Ивана и Игната на Рокоссовского.

Приехали в больницу, им выдали халаты. Первой в палату забежала сестричка, предупредила, что войдут посетители.

Переступив порог, Иван увидел обшарпанные стены, кровати в разноцветном белье, куча всякого хлама на тумбочках. Оконная рама, как и дверь вникуда в ужасных отслойках, в заляпанных краской мутных стёклах. Всё так убого. Иван был поражён.

Он поискал глазами Машу. Она лежала в кровати у стены, явно никого не ждала. Даже голову не повернула. На её пустой тумбочке стоял стакан с водой.

— Маша, здравствуй.

От неожиданности она подпрыгнула.

— Вы!

Он не узнавал её. От удара в лоб синяк разлился под глаза. Теперь её бледный носик торчал над лиловой лужей синяка.

— Маша, ну ты крутая. Угостишь физрастворчиком, — он кивнул на капельницу, стоящую рядом с кроватью.

Маша закрыла ладошкой рот, на глаза выступили слёзы.

— Маша, ну ты чего. Смотри, я тебе мишку принёс.

Иван отобрал игрушку у топтавшегося рядом Игната.

— Чего стоишь? Быстро организуй частную клинику. Иди договаривайся с медиками.

Игнат положил на окно цветы и конфеты, исчез.

— А что, Маша. Поедем кататься?

— Спасибо, не надо ничего. Я не болею. Скоро домой.

— О! У тебя дом есть? Это хорошо. А то я думал, ты в офисе живёшь. А муж у тебя есть?

— А вам зачем?

Девушка заартачилась, Иван не обратил на это внимание, сделав вывод, что нет никакого мужа. Да он и не собирался слушать ничьих ответов, он привык принимать решения.

Прибыла скорая из частной клиники, Машу отправили.

Вернувшись в офис, велел Игнату разобраться, почему не сработала подушка безопасности. Приготовить экспертное письмо. Иван ждал результата. Собирался засунуть изготовителю претензию в одно место.

Иван вызвал водителя, Сергей Сергееча. Мужик в возрасте, идеальный, надёжный исполнитель. Иван его очень уважал.

Ехать было недалеко, на тусовку в Лачи. Наверняка, Илона будет вылавливать его там, не хотелось бы выяснять отношения на людях. Но, дела! Ивану необходимо было встретиться там с одним нужным человеком.

Подъехали. Предупредил водителя, что будет недолго.

Поздоровавшись со всеми, увидел Илону, флиртующую с Гошей. Она заметила его, манерно помахала рукой:

— Иди к нам, милый! Мы тебя заждались. Говорят, ты спас девушку на дороге. Расскажи, мы хотим послушать про твой подвиг!

Глаза у неё подозрительно блестя.

— Ты уже выпила? — Иван холодно смотрел на неё.

— Ой, папочка! Ты не смотришь за своей девочкой. Она опять шалит.

Илонадохнула ему в лицо, кокетливо стараясь коснуться грудью.

— Илонка, ему некогда за тобой смотреть. Он за маааленькими машинками теперь гоняется. —

Гоша загоготал на весь зал.

Короткий в челюсть свалил его на пол. Гоша грохнулся весь, сразу. Как мешок с творогом. Иван сидел на нём, впечатывал ему кулак в лицо.

— Эта девочка лежит в больнице. Это тебе за неё.

Иван выпрямился, поправил костюм. Подошёл официант, подал салфетку, Иван вытер сбитые костяшки на кулаке.

Все отступили. Гоша сидел на полу, держа лицо руками. Илона как мать Тереза опустилась на колени возле него, гладила по волосам.

Иван нашёл глазами того, ради которого приехал. Они переговорили, через пять минут Иван уже спускался к машине, забыв о происшествии. Он и не представлял себе, какие ещё события ждут его после встречи с Машей.

Имре тоже не представлял, чем для него обернётся встреча с невестой. Не мог знать, что девушка из будущего, Маша, волею сбившихся настроек во временных порталах прибыла к нему сейчас. Запуталась в героях своего сердца.

Что же будет дальше...

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Отправиться к гадалке Маша с Эльзой договорились ещё вчера.

Фрейлина принесла "маски-глазки" с прорезями. Маша видела такие по телеку на венецианских карнавалах, они ещё крепятся к деревянным палочкам, как пенсне. Маска была неудобная. Подносишь к лицу, она закрывает половину обзора. Под ногами вообще ни фигура не видно. Да и зачем она? По одежде девчат сразу видно, что они с Луны на ярмарку свалились.

Сегодня, с утра отправляясь в путь, они специально шумно собирались на воскресную ярмарку. Девушки думали, что тем самым усыпят бдительность подслушивающих.

Оказавшись на городской площади, Маша охнула. И, кстати, девиц, наподобие их в нарядных платьях было полно.

Скопление людей, собак, птицы. Всё хаотично заставлено телегами, рядами корзин, бочками. Бойкие женщины, как и на всех базарах мира выкрикивали покупателей, расхваливая свой товар.

Одна из них ловко засучив рукава, руками, кряжестыми, как сучья сухого дерева, швыряла рыбу из телеги в корзину. У другой мальчишка стащил яблоко из-под локтя и помчался скрываясь между торговцами. Маленькая девочка, сдувая со лба выбившийся из чепца светлый локон, по хозяйски впихивает прорвавшихся утят в тесную клеть. Яркие краски, весёлая суতোлка. Городской и сельский люд перемешались в общем вихре. Запахи, звуки— всё в кучу.

Петляя меж торговых рядов, Эльза внимательно высматривала Тилля. Где то они должны были незаметно с ним встретиться.

Маша первая увидела его издалека.

Он тоже узнал свою Принцессу, на его лице не двинулся ни один мускул. Однако его приветливые зелёные глаза со смешинкой, в ироничном прищуре дали знак, что он следят за девушками. Волосы длинные, светлые, скорее соломенные свисали на лоб, скрывая выражение лица... Широкие плечи, руки, с кулаками-кувалдами спокойно лежали вдоль тела.

Он расслабленно сидел на куче брёвен, привалившись спиной к стене. Тилль поглаживал упирающийся в середину ладони круглый набалдашник верного друга. Аккуратный, незаменимый короткий треугольный кинжал незаметно ждал своего часа в длинном рукаве комзола. Оружие всегда было верным спутником Тилля.

Сейчас он внимательно разглядывал суетливую рыночную толпу сквозь опущенные ресницы. Казалось, парня разморило на солнышке и он дремлет.

Его шляпа лежала недалеко и хитрым образом отвлекала внимание на себя. Рядом с ней с соломинкой играл щенок. Этой хитрости Тилля научил дед — знатный вор тех времён. Кого не спроси, никто не запомнит хозяина шляпы, сидящего в засаде. Все запомнят щенка.

Увидев девушек, Тилль не спеша поднял шляпу, стряхнул с неё налипший сор и глубоко надвинул на лоб.

Тилль сразу заметил, что за девчонками увязались двое. Это были не воришки и не разбойники, которыми кишела каждая ярмарка. По всему, дозорные из замка.

Тилль подал Эльзе знак, та ускорила шаг, схватила Машу за руку, потащила за собой.

Девушки бежали, сворачивая то в одну, то в другую улочку. Тесные, полутёмные городские улицы были похожи одна на другую и уже не были похожи на те, которые окружали замок.

Вонь, нечистоты, шныряющие крысы то и дело попадались на глаза.

В суматохе погони кто-то больно схватил Принцессу за руку. Маша, пытаясь вырваться, успела встретиться глазами с нападавшим, провалиться в мутный, тёмный колодец его глаз. Оторопь пробежала по всему позвоночнику.

Внезапно Тилль рывком оторвал нападавшего от неё. От удара в грудь того снесло на полметра. Шпион Мина влетел в чью-то дверь и покатился кубарем по ступеням в тёмную пустоту проёма. Второй сзади обнажил клинок и полоснул Тилля со спины.

Парню удалось увернуться, однако лезвие успело зацепить плечо. Тилль, развернувшись, не раздумывая, пока ещё мог держать нож, чётким ударом всадил его в горло противника. Тот сразу обмяк и сполз на каменную мостовую.

Эльза дёрнула Машу, капюшон снова упал девушке до груди, закрыв всё перед глазами. Адреналин зашкаливал, от ужаса перехватило горло, девушка не могла дышать.

Маша бежала не разбирая дороги. Первобытный страх за свою жизнь гнал её вперёд.

Они петляли, Маша давно не понимала где они. Она потеряла равновесие, рухнула на колени, запутавшись в юбках.

Эльза ловко подхватила свою госпожу, девушки свернули за угол. Сердце бешено колотилось где то в горле, кровь пульсировала так, что от его ударов не было слышно ничего вокруг.

Резко остановились. Девчонки втиснулись в нишу между стенами. Эльза осторожно выглянула, сделала знак рукой: "Тихо"!

Маша не могла перевести дух, в правом боку колело, ныло левое колено. Свою маску она давно потеряла. Да и Эльза выглядела не лучше: локоны выбились, сбившееся дыхание сотрясало её плечи.

Она снова схватила Машу, потянула за собой.

Через минуту они оказались перед проёмом в глиняной стене. Эльза нащупала щель, просунула туда деньги. Дверь открылась, узкая чёрная пустота поглотила девушек.

Глаза никак не могли привыкнуть к темноте. Маше показалось, что она провалилась в нору. Едкий, спёртый запах тлеющей травы ударил в нос.

Позже Маша различила старуху. Мрачное изваяние в непроницаемой вуали сидело в дальнем углу. За её спиной дымилась плочка с прогорающими угольками. Горячий мрак бурными отсветами обволакивал неясные очертания каморки.

Маша присела, старуха протянула ей бечёвку, велела завязать четыре узелка. Забрала верёвочку назад и запалила её над пламенем свечи. Пламя хищно лизнуло стебелёк с узелками, через секунду просыпав его пеплом вокруг подсвечника.

Старуха пёрышком собрала крупинки пепла, бросила в плашку через плечо. Золотисто-красные искорки ворохом поднялись над седыми углями и растаяли, утонули во мраке.

Колдунья заговорила. Слова её впечатались в память, однако Маша ничего не поняла.

— Кто убегает, то не убежит.

— Кто дорожит, тот удержит.

— Кто ищет, уже нашёл.

— Кто спит, тот проснётся.

Колдунья остриём стилета ударила по свече. Струйка синего дыма от фитилька распалась на тонкие нити. Они свились в странный узор, Маше показалось, она видит

очертание букв. Они исчезли, Маша не успела разобрать.

Её охватило раздражение, злость. И что, ради вот этого ребуса, в котором она не поняла ни слова, чуть не умерла от страха? Человек, пусть и враг, был убит!

Какая же всё это чушь... Права была бабушка, когда велела держаться от этих тёток подальше.

Вернувшись, гордо задрав подбородок, Маша шла по коридору, гулко постукивая каблукками по каменным плитам замка. Здесь всегда было темно и сыро. Стража каменными изваяниями приросла к стенам. Факелы на стенах скупо освещали дорогу. Витражные окна равнодушно глядели в сумерки приближающейся ночи.

Маша устала, вымоталась за эти дни. Страшное путешествие по жутким улицам осталось позади, однако волнение продолжало держать за горло. Она услышала шорох, кровь застыла в её жилах.

От штормы отделилась тень и выросла перед ней. Мин. Маша выдохнула.

— Я искал вас, Ваша Светлость.

— А я искала подходящего учителя танцев, — Ловко вывернулась девушка,

— Не могу же я разочаровать его Величество неуклюжим танцем.

— Ваша Светлость, вы не можете покинуть замок без сопровождения стражников.

— Да ну? Серьёзно?

— Времена, знаете ли. — в его словах прозвучала угроза,

— Люди имеют обыкновение исчезать.

— Что же с ними происходит?

— Они исчезают бесследно, — Мину не удалось спрятать злой блеск в глазах.

"Троллить меня решил, облезлый писаришка?" подумала Маша про себя а вслух добавила:

— Поэтому берегите себя, мой друг, не ходите в одиночку гулять, — она улыбнулась, прикоснулась к его рукаву и понизив голос, доверительно сообщила:

— Вдруг потеряетесь, я буду скучать.

Маша шла к себе, сердечко её колотилось, ноги подкашивались. На самом деле ей было очень страшно. Прямо очень. Она отлично понимала, что за ней следили ищейки Мина. Точно не для того, чтоб угостить кофе.

Она взяла себя в руки. Резко остановилась. Не поворачивая головы спросила:

— Надеюсь, волнение за жизнь невесты короля не лишило вас памяти?

Мин, неслышно следовавший за ней, обошёл её сбоку, не скрывая враждебности злым прищуром уставился ей в лицо.

— Стареете, мой друг... неужели и вправду забыли? Где мой учитель по этикету?

— Завтра с утра к услугам Вашей Светлости. — Мин нагло смотрел ей в лицо.

— Забыла рассказать вам тайну. — Маша смело смотрела в глаза Мину. Тот насторожился.

— Так вот, мой друг. Я ооочень злопамятна. Ещё раз забудете мне поклониться и кто знает, что может с вами случиться. Вдруг вы тоже исчезнете. И найдут вас в лесу, в четырёх пакетах.

Это была равноценная сдача. Мин чувствовал угрозу от Маши. Да, недооценил он её. Ну, ничего. Эта зарвавшаяся выскочка даже не представляет, что он ей приготовил.

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Издранная в клочья туша кабана лежала на телеге поверх окровавленной соломы. Грозный зверь и убитым был страшен. Рядом с его рыже-бурой щетиной валялась сломанная рогатина.

Эту охоту Имре не забудет никогда. Прежде чем он одолел неистовую мощь разъярённого зверя, тот успел ранить лошадь и поднять на клыки егеря. Жуткий крик мужчины не робкого десятка и хруст ломающихся костей несчастного стоял в ушах до сих пор.

Вебрь, свирепый, как вулкан и здоровенный, как кафедральный собор выскочил на Имре сзади. Оба сошлись в последней схватке. Смертельно раненый, зверь подмял под себя охотника. Придавив всем телом, содрагался от биения затухающего сердца, толчками выдавливая кровь. Вся одежда Имре пропиталась её ржавым запахом.

Имре возвращался с охоты. Он устал от неравной схватки. Возбуждённый первобытным ужасом пронёсшейся мимо него смерти, Имре никак не мог успокоиться.

Вебрь оказался могучим противником. Имре рисковал, однако победил и был счастлив.

Странное чувство примешивалось ко всему, чем бы он не занимался. Даже сейчас, в пылу недавней атаки, он не мог забыть ту девушку, что приготовили ему в невесты. Диковатую, необычную, смелую. Она как спустившаяся с небес, такая странная. Не от мира сего.

"Хочу её увидеть!" решил молодой Король. Пришпорил коня, вихрем влетел в город, оставив позади зазевавшуюся свиту.

Лихо спешившись, бросил поводья. Снимая перчатки, широко, решительно поднялся по ступеням и, о чудо! Перед ним оказалась та, о которой он только что вспомнил.

Секунда, разделявшая их только что повисла вечностью. Он взглянул ей в глаза. Она замерла и вдруг подбежала к нему, обняла, да так горячо, так искренне, как может обнять только любящая душа.

Имре провалился в неожиданное счастье. Так искренне, с любовью, его не обнимала ни одна женщина.

Через мгновение девушка отстранилась, присела в реверансе, прошептала "простите", и убежала к себе. Чудная!

К вечеру Король передал приглашение девушке выйти в сад.

Он уже был там, в саду, когда Маша появилась перед его взором всё в том же розовом платье. "Да что же цвет такой противный у этого платья." Король разозлился, взглядом подозвал Мина. Спросил, почему его невеста выглядит как нищенка. Который день в одной и той же тряпке! Это недопустимо.

— Немедленно обеспечить гардеробом по статусу, — Имре рыкнул так, что у Мина перо из рук вывалилось. Хозяин длинных ушей, для которых это прозвучало, в ту же секунду приступил к исполнению.

— Как вы находите погоду? — Имре спросил приблизившуюся девушку. Она порозовела, опустила голову, ответила не сразу. Странно посмотрела на него. Вместо ответа задала вопрос. Имре вновь засомневался в её адекватности.

— Иван, ты мне ничего не хочешь рассказать? — она ждала ответа. Он чувствовал

растерянность, это бесило его, он понимал, что девушка говорит не с ним. Не отправить ли её туда, в тьму-таракань, откуда она прибыла. А то и в монастырь.

Имре сделал последнюю попытку продолжить общение, спросил,

— Вы нездоровы?

— Да, да, Ваше Величество, это всё дальняя дорога, солнце, — вступился за девушку Мин. Он мухой вился рядом с парой, — возможно, Принцессе надо отдохнуть.

— Сир, скажите, чтоб этот дяденька свалил, — Маша всё ещё трепетала от той нечаянной встречи. Сердечко прыгало, ей казалось, всё случилось. Он узнал её. Она подумала, что Имре не может открыться в присутствии посторонних.

Имре моргнул, Мин растворился.

— Сир, я назову слова, если они что-то значат для вас, дайте знак, — Маша с мольбой вглядывалась в непроницаемое лицо Короля, произнесла:

— Москва, Маша, Иван.

Имре безучастно смотрел ей в лицо и в его глазах не было и проблеска воспоминания о том мире, где, как Маша думала, однажды они уже были вместе.

Маша смотрела в чужие глаза и с горечью осознавала, что это не игра. Всё серьёзно. Имре не узнавал, не помнил ее.

— Простите, Ваше Величество. — Маша решила срочно вернуться в реальность. Пора было включаться в это кино. Не хватало, чтоб её сочли сумасшедшей и отправили в монастырь. Ей судьба даёт второй шанс стать его женой. Что ж, не получилось в той жизни, попробуем в этой.

— Ваше Величество, давайте забудем это недоразумение, — она присела в глубоком реверансе, как учили,

— Пожалуйста, покажите Ваш сад. Я уверена, он так же прекрасен, как и всё, что находится в вашей власти, мой повелитель.

— Разве Вы не успели осмотреть его? Мне доложили, вы провели здесь утро с фрейлинами.

— Без вас, мой Король, мир для меня не интересен, я ничего не помню с той прогулки..

— Вы скучали? — ему хотелось понять причину той вспышки нежности, что досталась ему часом раньше.

— Вам ли не знать... — Маша кусала губы, чтоб не расплакаться.

Они шли вдоль петляющей дорожки. Жестокий воин, властный повелитель, высокий, красивый атлет и она — новоявленная Принцесса с опытом попаданки из будущего.

Шли, и каждый их шаг отзывался нотой нового любовного романа.

— Ваше Величество, расскажите, как вы провели эти дни? — Маша, искренне улыбалась. Повернулась к нему лицом и шла спиной вперед,

— Я думала о вас каждую минуту.

— Неужели?

— Да! Ваше Величество, я, повторяюсь, скучала. Нехорошо оставлять влюблённую в вас девушку так надолго.

— Ну, я был на охоте. — Имре вдруг забыл все слова и не знал, о чём говорить. Его никто никогда не спрашивал про неё.

— Какой вы отважный, мой Король. Я восхищаюсь вами.

Маша остановилась и стала разыгрывать спектакль в лицах:

— Представляю, как вы мчитесь на коне, ветер бьёт вам в лицо. Вот вам навстречу

выбегает огромный страшный зверь, вы кидаете в него копьё, бац! Чудовище убито!. Машка свалилась как подкошенная в траву, изображая подбитое чудовище.

Имре не верил своим глазам. Неожиданно он расхохотался. Звонко, весело. Предложил Маше руку, помог подняться.

— Да вы прелесть, моя дорогая. Нет, нет. Охота проходит вовсе не так.

— А вепрь, он большой?

— Вы никогда не видели его?

— Нет, никогда! — Маша искренне строила из себя дуру. Конечно, она видела на картинке и по телеку эту клыкастую свинью. Но надо было завоёвывать расположение.

— В библиотеке есть изображение этого зверя. Я вам покажу.

— Когда?

Имре с удивлением смотрел на неё, в девушке было столько искренности!

— А давайте, мой Король, прямо сейчас пойдём и посмотрим! — она уже тащила его в замок, ухватив за рукав.

По дороге Маша сообразила, что не умеет читать их тексты. Надо будет как-то выпутываться.

Идя рядом с ним, она чувствовала радость, буквально дышала им, боясь потерять снова. У неё исчезла обида, в ней росло чувство, что она ответственна за них обоих.

Что он сейчас находится в некоторой опасности. Она должна быть рядом. И тогда, полюбив её снова, он вспомнит всё.

Маша интуицией женщины понимала, что уже завоевала уж если не симпатию, то по крайней мере расположение этого мужчины.

В библиотеку внесли подсвечники, факелы. Король и Принцесса сидели рядом. Она слышала его запах. Такой тонкий, еле уловимый запах чистого мужского тела. Маша наслаждалась свиданием, понимая, что заново влюбляется в эту гору мышц. Теперь её цель разбудить это чувство в нём. Разбудить и вернуться туда, где она беременна, а он, между прочим, ещё должен объяснить ей историю с Люськой!

Вспомнив о ней, Маша отстранилась. Увидела, как Имре увлечённо тычет пальцем в тусклые картинки в книге. Он замолчал и повернулся к ней. Маша зачарованно уставилась на него и прошептала одними губами:

— Сир, вы мой герой! Бесстрашный, смелый, сильный! Я восхищаюсь вами!

Она присела в глубоком реверансе, со всех сил пытаясь держать равновесие и не качаться. Он подал ей знак подняться. Предложил руку, проводил в гостинную.

В зале их ожидал весь двор.

— Ну, расскажите, как вы провели время в моё отсутствие? — Имре со своего роста с удовольствием то и дело нырял взглядом в её декольте.

— Скучала без Вас, Ваше Величество. Мне было голодно и холодно.

Старшая фрейлина хотела меня отравить, не стала пробовать мою еду. Глупые фрейлины написали мне плохие стихи, а Мин вообще гулять не пускал! —

Маша разыгрывала из себя девочку, которая нуждается в защите.

Имре перевёл взгляд на Мина.

— Всё в целях безопасности её Светлости, всё в беспокойстве о её здоровье.

Мин лебезил, бесконечно радуясь в душе этому спектаклю. Он расставил ловушки и пока всё шло именно так, как ему было надо.

— Никто и никогда больше не опечалит вас, Принцесса. Слово Короля! — Имре

встретился взглядом с Машей, сказав ей те слова, что так были нужны её сердцу. Слова, о которых скоро это сердце горько пожалеет...

Имре обвёл свиту взглядом. Народ как бритвой срезало. Мгновенно все уменьшились в два раза. Мужчины согнулись в поклоне пополам. Женщины в реверансе почти сели на пол.

Позже все проследовали на ужин. Посреди зала на вертеле жарился тот самый кабан.

Маша сидела между фрейлинами. Слуги разливали вино, разносили мясо. На столах были овощи, соленья, фрукты. Хлеб ломали руками. Стоял праздничный гул, люди славиле Короля, поздравляли его с удачной охотой.

Маша наблюдала за Имре. Уверенный, жизнерадостный мужик ел мясо руками, смеялся, слушал хвалебные тосты в свою честь. Он перехватил её взгляд. Она не опустила глаза. Задержалась чуть дольше, чем надо. В его взгляде прочитала удивление, любопытство.

Маша первая отвела взгляд, демонстрируя подчинение. Уж чего-чего, а сейчас ей меньше всего надо было раздражать его.

Ужин закончился глубоко за полночь.

Прибыв в свою комнату, Маша отпустила Эльзу. В камине жарко полыхали дрова, в подсвечниках стояли новые свечи, на столике фрукты, — всё так, как она хотела.

Маша без сил опустилась в постель. Она первый раз за все эти дни засыпала со спокойным сердцем, веря, что всё будет хорошо.

Бедная девушка. Она даже не представляла, сколько ещё придётся пережить, прежде чем это хорошо наступит.

НАШЕ ВРЕМЯ

Маша задумалась. Когда она впервые познакомилась с интригой? С настоящей, которая зацепила её, ранила?

Это случилось после первого свидания с Иваном.

На той встрече она разрешила себе осторожно поверить в возможное счастье. Сердечко заходило от радости, она стеснялась этого заполняющего её чувства. Скромно, тихонечко пропускало его в душу по молекулам.

Иван, предмет её обожания, олицетворение мечты. Картинка с журнала. Здоровый, крепкий, гора мышц. Маша, когда видела фотки с такими парнями, от смущения не смотрела на них целиком. Стоило ей опустить глаза ниже пояса, её саму торкало внизу живота. Маша считала это неприличным, а главное себя недостойной мечтать о таком сексуальном совершенстве.

На свидании это совершенство сидело напротив нее в индийском ресторане.

Какую же вкуснятину им принесли. Что не блюдо — миллион разных вкусов. Там был и ягнёнок в имбире, картошка не понять в чём. Всё присыпано, сдобрено куркумой, чили, тмином. Одна зелёная фасоль чего стоила в меду и в лимонном соусе! С тарелкой можно было проглотить! Маша была в восторге.

Конечно, она то и дело посматривала на Ивана, немного стесняясь так объедаться.

Мужчина смотрел на неё как-то по-особенному. Его спокойный, серьёзный взгляд успокаивал Машу.

Она понимала, что от неё ничего не требуется. Её просто пригласили разделить хороший вечер, вкусную еду, пообщаться. И не надо лихорадочно придумывать "что же будет позже? Вдруг меня завезут в лес и там поимеют под ближайшей ёлкой..."

Самое страшное, о чём думала Маша, это что свидание закончилось. И поедет недотрога Маша в свой холупник. Ах да, разум напомнил, что эта самая "недотрога" выкормила и выпустила в свет одного бородача, который, кстати, ей деньги должен. Надо будет его гель для бороды выбросить. Забыл, бедняга, впопыхах.

Маша улыбнулась собственным мыслям.

Свидание с Иваном закончилось. В лес её и вправду никто не повёз. И даже на ночь в её постели никто оставаться не собирался.

Утром Маша проснулась одна. Довольная, счастливая.

На сегодня было назначено новое свидание!

Машка по обыкновению сидела с ноутом в кафешке. Вай фай бесплатный, работы до фига. Тут тихо, не слышно как соседи сверху дерутся и малыш снизу орёт. Слышимость между этажами в её доме такая, хоть беги. Вот Маша и убежала.

Набрала работы побольше. Заработать хотелось, чтоб гардеробчик сменить. Теперь ей обновки ой, как нужны!

Маша не разрешала себе отвлекаться на мысли о любимом. Да, да, она влюбилась. Теперь уже точно может себе признаться.

Да что такое! Она никак не могла сосредоточиться на столбиках цифр. Маша окуналась, прямо проваливалась во впечатления о свидании.

Скорее бы всё Ленке, подружке, рассказать. У неё же теперь всё по-настоящему. Так,

что же ей сегодня надеть. Блин, блин, ну ни копейки, чтоб купить новье. А из старого что. Может, вот то зелёнькое... Маша обхватила голову руками, чуть не перевернув чашку с кофе.

Раньше она свою печаль мерила чашками, упиваясь кофе до одури. Теперь будет мерить радость.

Так, работать, работать!

"Денюшки, идите ко мне, надо купить новую шмотку", — Маша вгрызалась в прыгающие столбцы цифр на ноуте, а перед глазами мелькали картинки его лица, рук.

Она слышала бархатный тембр его голоса, вспоминала как он невзначай коснулся щекой её уха. Ощутила приятную тяжесть его пиджака на своих плечах. Как приехала домой, как тут же сложила платье в котором была в целлофан — чтоб запах его парфюма сохранить на подольше.

Маша улыбнулась своим воспоминаниям.

Пока она бродила по приятностям прошлого вечера, пальцы автоматически нащёлкали какую-то хрень. Цифры под столбцами не сошлись.

Пипец! Надо искать ошибку. Кофе остыл, Маша забыла про него. Поймала себя, что смотрит в окно на прохожих, на проезжающие машины, на залитую солнцем улицу и думала только об Иване.

Увидела толстушку на противоположном тротуаре. На ней был брючный костюм, длинный жакет нараспашку, белая кофта внутри. Невысокая шпилька. Ключ. Ес! Вот что ей надо. На фига ей очередное платье.

В брючном костюме и бедра скрыты, и фигурка вытянута. Маша обрадовалась, загорелась купить вот такой костюм. Блин, деньги нужны.

Маша вернулась к экрану. Стала искать где накосячила. А, вот. Нашла., исправила ошибку. Откинулась на спинку кресла, оторвала взгляд от экрана.

Увидела перед собой молодую женщину. Откуда она появилась, когда подседа, Маша не заметила.

Туго стянутый высокий хвост. Аккуратный английский воротничок нежно-голубого платья. Накинутый на плечи белый кашемировый френч. Её лицо... Холёное, овальное.

Казалось, оно выточено из мрамора. Безумно красивый профиль ювелирной статуэтки. Как можно описать совершенство статуи? Вот и Маша не пыталась.

— Маша? Вы Маша? — голос ласковый, нежный.

Маша кивнула. Ей стало ясно, что сработал тумблер, запустивший конец её счастью.

— А я Илона. Машенька, я к вам по делу.

У "Машеньки" сердце пропустило удар. Она ещё не понимала о чём будет идти речь, но понимала, что хорошим это для неё не закончится.

— Дело в том, что мы с Иваном готовим нашу свадьбу через три месяца. Ну, как вы успели заметить, Ваня немного самодур. Должна предупредить вас, он жестокий, ревнивый самодур.

Так вот, стоит кому либо обратить на меня внимание, просто улыбнуться, наказание следует незамедлительно.

Он заводит себе подружку-простушку. Типа вас, Машенька. И чем больше она выглядит замухрышкой, тем лучше. Иван делает всё, чтоб я увидела, на кого он меня может поменять.

Мне это давно надоело. — Илона выдержала театральную паузу. Как бы отвлеклась. Устремила невидящий взгляд в пространство. Вздохнула и продолжила:

— Я даже собиралась расстаться с Иваном. Зачем мучить себя и его... — у Илоны заблестели слёзы в глазах.

Она поставила сумочку на столик, жеманно достала пудреницу. Казалось, это вещи из алмазного фонда страны, настолько они были роскошны.

Илона неторопливо, аккуратно коснулась спонжиком носа, как бы останавливая непрошенные слёзы. Девушка молчала. Маша, потеряв дар речи, смотрела на страдальицу.

В это время мир вокруг неё замер. Как будто остановили кино, в кадре всё зависло: официант, парень с телефоном напротив, машины за окном.

Илона кашлянула.

— Но, оказывается, у судьбы другие планы. Я беременна и уверена, что ребёнку нужен отец.

Именно поэтому я здесь. Конечно, я не сообщала Ване о малыше, хочу сделать это особым сюрпризом. Ну, вы как женщина, понимаете меня. Не хочу манипулировать мужчиной, шантажируя беременностью.

Дождусь, пока он выпустит пар, насытится своей добродетельностью и приползёт с подарком. Вот, например, эти капельки, — Илона кокетливо тронула наманикюренным пальчиком блестящую серёжку на мочке уха, — стоят дороже некоторых красненьких машинок.

Как видите, он всё рассказывает мне, потешаясь над вами, бедняжками.

Илона встала, собираясь уходить. Помедлила.

— Маша, вы показались мне миленькой. Я пожалела вас. Надеюсь, вы не будете мешать счастью Ивана. Не станете сидеть у него под офисом, выясняя отношения, устраивая истерики как все предыдущие.

Она уже сделала пару шагов, обернулась, добавила:

— О! Не переживайте. Он обязательно вам что-нибудь подарит. Напоследок. Он любит чваниться.

Илона ушла. Оставленный аромат панцирем пригвоздил Машу к креслу. Девушка сидела, как громом пораженная. У неё заболело всё сразу, даже челюсть. Все клеточки её тела были отравлены открывшейся правдой.

Ну, вот и всё. Маша закрыла ноут, оставила деньги за кофе.

Побрела по залитым солнцем улицам города, которые больше не казались ей радостными.

НАШЕ ВРЕМЯ

Машу накрыло. Она сидела на поваленном диванчике в съёмной квартире. Вечерело. В комнату вползали серые сумерки. Вяло тикали ходики. Теперь им некуда было спешить. Новая история Маши закончилась, не начавшись и всё в комнате грустило вместе с ней.

Девушке ничего не хотелось. Во всём теле было пусто, холодно. Пилимкнул телефон. Высветилось сообщение "Машина у подъезда". Маша со злостью написала, вдавливая каждую букву " Я не приеду".

Отключила телефон. Время шло, Маша не двигалась. Плотная ночная темнота не спрашивая разрешения вступила в свои права.

" Может быть сделать себе чашечку кофе?" и тут же усмехнулась отвечая сама себе: " Что, снова наступила пора мерить печальку чашками?"

В дверь позвонили. Кто бы это. Может, Ленка. Ну да, кому ещё я нужна. Маша открыла дверь.

— Иван?

— Ну да. Чего в темноте сидишь?

— Принёс подарок?

Иван водил рукой по стене, искал выключатель. Маша прошла на кухню, обиденным движением включила чайник.

— Маша, что с тобой? Кто тебя обидел?

— Теперь я сделаю всё, чтоб ты меня не обидел.

— Конечно. У меня и в мыслях не было.

— Да ты что?

— Маша, говори толком. Меня бесят ваши бабьи словоблудия.

Она смотрела в чёрное окно, он тронул её за плечо:

— Да что случилось-то?

Она вырвалась из под его руки, дёрнулась, заметалась по кухне:

— Вот, вот. Илона именно так и сказала, что ты очень добрый, пока не наиграешься.

Иван выключил чайник, стал искать кофе, сахар, чашки.

— Печеньки есть какиенибудь?

— Нету! — как она могла признаться, что экономит на всём. Чтоб, во-первых похудеть, а во-вторых сэкономить на шмотку. Вдруг её понесло:

— Я, знаешь ли, экономлю. Чтоб на шмотку хватило.

— Ну, раз печенек нет, значит поедем туда, где они есть.

— Иван, присядь. — Маша опустила на стул. Иван сел напротив.

— Я благодарю тебя за всё. Да, правда, я тебе очень признательна. Мне было очень приятно твоё внимание. Честно скажу, я глупо надеялась на наш роман. Ну да. Вот такая я наивная дура. Зато говорю честно.

Он сделал движение, она остановила его.

— Ты только не останавливай меня. Понимаешь, у меня может не хватить духу договорить.

Маша беззвучно заплакала.

Слёзы никак не останавливались. Она давилась ими, пытаясь сдержать всхлипывание.

Стеснялась некрасивого красного носа. Он всегда распухал и становился красным, когда она плакала.

Иван терпеливо молчал, не сводил с неё глаз.

Она глубоко вздохнула, продолжила:

— Я понимаю, что тебе не пара.

— Как Илона тебя нашла?

— Не знаю.

— Где она до тебя добралась?

— В кафе.

— В каком кафе?

— Э... ну там. Я там кофе пью и работаю. А то соседи сверху мешают. В выходные. И снизу. — мямлила Маша.

— В каком кафе?

— А?

Иван сидел напротив неё и спокойно смотрел ей в лицо.

— Маша, возьми себя в руки. Давай съедим лягушку.

— Что?!

— Лягушка, это такая мерзость, которая на тебя свалилась. Чтоб она исчезла, её надо съесть.

— Не буду я есть никаких лягушек! — Маша улыбнулась сквозь слёзы.

— Вот и правильно! Давай скорее поедим в нормальное место и покушаем вкусную еду. Её знаешь, сколько наготовили.

Одевайся. Где твои джинсы?

— Подожди, — она перебила его, — Это ещё не всё.

Маша размышляла как продолжить,

— Я не могу сказать всего, это не моя тайна.

— Илона беременна? — Иван с весёлым прищуром смотрел ей в лицо.

От неожиданности Маша вскинула глаза, испуганно открыла рот, кивнула.

Иван заржал так, что икнулось соседям сверху. И снизу.

— Да они, Илоны всякие, кукушки сраные, целыми днями изобретают, как мужика друг у друга отбить. Вот и мне прилетело. То есть тебе.

Маша как сидела с открытым ртом, так и осталась сидеть.

— Поднимайся уже, есть охота.

— А что одевать?

— Да хоть так иди. Только у меня есть один секретик, — он наклонился к её уху,

— у меня есть тайное желание.

Маша гордо отодвинулась от Ивана. Задрала подбородок, поджала губы. Пусть даже не рассчитывает на постель.

Иван, пряча усмешку, доверительно громко прошептал:

— Выброси ту розовую майку!

У него замурчал телефон. Он взял трубку, коротко бросил: "Отбой".

— Вот, видишь. Полгорода всполошилось. Скорая, пожарная, МЧС. Все ждут команду тебя спасти, искать. Прямо спать не могут, "Куда Маша делась?"

— Одевайся уже, блин! С голоду с тобой сдохнешь.

Маша обескуражено натянула джинсы, влезла в свой любимый худи. Теперь ей было всё

равно, какие на ней шмотки. Качели эмоций раскружили мозг до головокружения, она плохо соображала.

Уже в ресторане, наблюдая, как он жадно ест, сама стала уплетать что-то вкусное.

Иван отвлекся от еды, посмотрел на Машу, подозвал официанта. Передал ему ключи от машины, купюру.

— Ну, ты меня так заморочила, я чуть не забыл. — Иван взял коробку, что принёс официант.

— На. Это тебе хороший, добротный айфон.

Маша уставилась на коробку, у неё кусок застрял в горле. Она сразу вспомнила слова Илоны "он подарит чтонибудь напоследок". Маша отодвинула от себя телефон.

Иван положил свою руку сверху на её:

— Маша, прошу тебя, не выделывайся. Что за глупость ты собираешься мне сказать?

Маша ничего не хотела сказать, у неё дрожали губы и глаза напоминали круглые зелёные пуговицы.

— Пойми, у меня есть финансовые возможности. Я их аккумулирую в полезные вещи, которые ещё больше увеличивают эти возможности.

Твой телефон э..., слов цензурных никак не подберу. Короче, плохой у тебя телефон. Это пикалка, которую придумали просто, чтоб она пикала, когда звонят. Всё! Поэтому ты таскаешь ноут. И тратишь время, которое можешь подарить мне, а не на тыканье в бесполезных программах.

Возьми айфон. Завтра пацан подъедет, поможет тебе с ним разобраться.

Поняла?

Маша кивнула. Она боялась представить сколько это стоит.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не подарок. Ты умница и достойна вещи, которая тебе необходима.

Позже, укутанная пледом на веранде, подумала, что жизнь — она штука разная. И непредсказуемая. А надежды — о них и говорить нечего. Надежды гарантий не дают.

НАШЕ ВРЕМЯ

Иван с головой ушёл в работу. Сразу несколько проектов, консультации, совещания. Всё идёт на отлично, только когда голова работает на отлично. А что для этого надо?

Правильно. Отвлекаться и развлекаться.

Его заинтересовала необычная девчонка. Маша. Хорошенькая, диковатая упрямица. Иван задумался, где он её увидел в первый раз? А, на дороге. С дебилем Гошей тачками зацепились. Тогда на дороге он внимания на неё не обратил. Просто помог в трудной ситуации. Разглядеть смог девушку только в больнице.

Заметил, как она восторгалась, увидев их с Игнатом в палате с цветами. Уж кого-кого, посетитель она явно не ждала. Не юная девочка, а сколько в ней целомудрия. На автомате коленки сдвинула, воротник на груди запахнула. Урод Гоша, у девушки лицо сплошной синяк. Иван вспомнил одинокий стакан воды на облезлой тумбочке. Никто не навещает. Значит приезжая. И мужика нет. Если бы был, хоть яблочко бы принёс, наверное.

Ивана окатило теплом, когда вспомнил, как на террасе ресторана она застенчивалась, когда он ей пиджак на плечи накинул. Как настороженно хмурила брови, прежде чем ответить. Как опрятно ела, не жеманилась. Хорошая девчонка решил он тогда. Надо с ней пообщаться.

На первом свидании с Машей он ощутил, как давно не расслаблялся. В том самом смысле, когда тебе легко дышать, говорить.

Вокруг тебя свежесть, всё просто, надёжно. Искренне.

Сегодня второе свидание. До самого вечера Иван не вспоминал о Маше, но вот и вечер. Пора. Отправил за девушкой Сергея Сергеевича. Неожиданно от помощника прилетело сообщение, что девушка к машине не вышла.

Иван написал Маше, напомнил. Внезапно девушка ответила, что не приедет. Ни с того ни с сего отключила телефон. Иван не любил всех этих непоняток.

Проанализировал, повода к отказу не было. Надо разбираться, может, случилось что-то.

Отпустил Сергея Сергеевича. Набрал Игната — адрес Маши появился на экране через секунду. Иван поехал сам.

Суматошный город доделывал свои дела. Ветер разгонял зазевавшихся прохожих по домам. Все стремились домой, в уют. Торопились распрощаться с дневной суетой.

Иван поднимался на второй этаж хрущёвки.

Не понимал, почему там вечно воняет котами. То есть почему в других домах не воняет, а в хрущовках подъезд прям пропитан этой кошачьей вонью.

Позвонил в дверь. Открыла Маша. В полной темноте. Может у неё пробки выбило почему она без света сидит?

Нашёл выключатель. Щёлкнул. Что такое? Девушка в халатике. Зареванная. Обидел кто?

Иван с участием смотрел на девушку, не понимая что с ней. Она несла какую-то чушь. Он понял одно: до неё Илона, дрянь, добралась.

Кто-то Илоне дал адрес, наводку. Кто? Тем более в кафе. Наверное, даже Игнат не отыскал то кафе в полуподвале многоэтажки, а Илона откуда о нём узнала? От Маши было ничего не добиться, мямлила что-то несуразное. Иван решил, что позже разберётся.

Девушка плакала. Да так горько. Бедняга, носик вон как покраснел. Что за народ эти

женщины. Чуть что, плачут.

Иван внимательно смотрел на Машу, пытаясь разобраться, что случилось-то, причина в чём?

Сочувственно слушал, как от обиды рвётся душа девушки.

Только решил остановить эту грустную песню, вдруг на тебе — бац! Оказывается, Машу Илонка подкосила бреднями о своей якобы беременности. Ну пипец!

Еле растормошил Машу. Вроде девушка успокоилась. Перестала плакать. Всё равно сидела рассеяная, уставшая. Перенервничала, бедняга как сложно всё у женщин. Интриги какие-то, недоговорки, многоходовые партии. То ли дело у мужиков. Обидели— дай в морду. И всё!

Свидание получилось смазанным. Блин, с этими бабами чуть с голоду не сдох.

Сегодня с утра Иван отложил все дела. Надо решить то, что мешает ему жить сейчас, сию минуту.

Поехал искать интриганку. Прибыл в один салон, в другой, заглянул к Ирке — Илоны нигде не было. Догадался. Она у Сергея.

Там, у Серёги, теперь круглосуточно зажигали все бездельники и бездельницы. Бесплатная еда, спиртное, антураж, атмосфера праздности, что ещё надо прожигателям жизни.

Приехав к комплексу, на парковке Иван увидел её мерс. Надо ключи отобрать. Илона же пьёт, ещё собьёт кого, не дай Бог.

Зашёл в гостинную. Несколько красоток сидели вокруг столика с фруктами. Илона в зелёном сарафане, вся такая славная, как игрушка фаберже, вальяжно развалилась, закинув руку на спинку дивана. В другой руке держала бокал.

Иван подошёл к ней, молча взял её за шиворот, потащил к выходу. От неожиданности, с ноги Илоны слетела туфля, бокал из рук выпал, разлетелся вдребезги. Девушка хромала, еле успевала перебирать ногами, не поспевая за Иваном. Ему было плевать.

Проходя мимо официанта, Иван скомандовал:

— Ключи от её мерса передать мне в офис.

В гостинной никто ничему не удивился. В их среде это было нормально.

Илона головой вперёд влетела в салон на заднее сидение его машины. Забилась в угол, закрыла лицо руками. (Напрасно. Он никогда не ударит женщину.) Молча, с расширенными от ужаса глазами, Илона дышала через раз. Так и поехала в одной туфле.

Подъехали к клинике. Иван только открыл её дверь, она сама выскочила и стояла по стойке смирно.

— Как Машу в кафе нашла?

— Твоя мать подсказала.

Илона пыталась одёрнуть платье. Не успела. Иван еле держал себя в руках от ярости.

Затащил её в кабинет к главному врачу. Они не были друзьями. Он и врач. Они были больше чем друзья. Иван спонсировал клинику.

— Распорядись, друг. Беременна она или нет. Чтоб без перепроверок. Иван втолкнул обескураженную Илону в кабинет, развернулся и отправился в холл.

Вид этой тупой интриганки в гостинной вывел его из себя. Она создала ему проблему.

А проблемы не должны мешать ему думать, жить, отдыхать, зарабатывать. Поэтому и решал он их до того, как они наберут силу.

Через полчаса Ивана пригласили в кабинет. Он вошёл к главврачу. Тот протянул ему

бланк с печатью.

— Женщина не беременна.

Пожал руку доктору. Вышел. Илона, босая, еле поспевала за ним. Молча, раньше него вернулась на заднее сидение.

Иван сел за руль. Сжал его так, что руль скрипнул в его кулачищах. Мужчина зажмурился, пытаясь взять себя в руки.

Приехал на вокзал. Не поворачиваясь, ясно и чётко объяснил всё что Илона теперь должна знать. Матом. Илона по другому не понимала. В переводе на цензурный это примерно значило:

Все её карты заблокированы. Илоне больше не надо появляться ему на глаза. Никогда. Нарушит приказ — пожалеет. Она знает, он сказал — он сделал.

Да, Илона точно это знала.

Иван тоже знал, что проблемы больше не существует.

Иван подъехал к вокзальным таксистам-частникам. Передал ближайшему две евросотни. Вытащил Илону из салона, швырнул к таксисту и уехал. Всё. Точка.

Верный четырёхколёсный друг легко скользил по дорогам чудесного, дорогого сердцу города. Иван ехал и знал, что всё будет хорошо.

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Утро следующего дня выдалось солнечным, ветренным.

Маша проснулась, но открывать глаза совсем не хотелось. Нега разлилась по всему телу. Чудесная пуховая перина обнимала её всю, она провалилась в неё по самые уши. Маша лежала как на облачке.

Предвкушение нового дня, новой встречи с человеком, который занимал все её мысли наполняли душу радостью, а разум печалью. Голова никак не хотела смириться, что один и тот же человек "тот да не тот". Размышления путались, воспоминания мешались с мечтами, желания с надеждами.

Встревоженное сердечко Маши грустило. Любимый с ней и не с ней. Маше хотелось определённости. Вот как раньше, просыпаться рядом, свернувшись ласковой кошечкой в его объятиях. Он обнимал её сзади, она кожей чувствовала жар его тела. Иван зарывался лицом в её волосы, мурчал смешные слова на ушко, покусывая мочку. Его руки, о эти руки! Они точно знали, что делать...

Она резко села, выпрямилась в постели.

— "Забудь!" — строго сказала сама себе, — "Как раньше так не будет. Как раз раньше была Люська, измена. Или я забыла причину, по которой оказалась здесь, в заштатном королевстве, фиг знает где."

Маша твёрдо решила строить счастливое будущее для себя и своего малыша. Здесь и сейчас. С любимым мужчиной, отцом её ребёнка. Только бы он всё вспомнил...

Приободрившись, соскочила с кровати.

Привела себя в порядок. Эльза, умничка, ловко собрала ей волосы в причёску.

За дверью ждала стайка фрейлин. Девушки шептались, переговаривались. Но стоило Эльзе открыть дверь, тут же замолкли, опустили глаза.

Фрейлины вошли, а вслед за ними внесли ворох разноцветных платьев. У Маши заблестели глаза. Она рада была сменить надоевшую розовую тряпку.

— Откуда такая прелесть?

— По распоряжению его Величества Короля, — откуда-то сзади проскрипел голос старшей фрейлины.

— Эстер, я не заметила, вы поклонились, когда отвечали, или как? — Маша спросила, не оборачиваясь. Наступила тишина, фрейлины расступились, высветив прятанную за ними Эстер. Той ничего не оставалось, как выполнить реверанс, проговорив:

— С почтением к вам, Ваша Светлость.

— Ой, скорее давайте примерять подарки, что мне передал мой восхитительный Король. — Маша захлопала в ладоши, радостно встряхивая и прикладывая к себе то одно, то другое платье. Наконец, для сравнения, положила их рядом.

На кровати лежал, переливаясь бисером ворох тюля, кружев и лент.

Три платья. Одно из них голубое. Нежное, мягкое, всё в прозрачных складках тюля. Украшенное синими незабудками с малюсенькими жёлтыми бусинками в центре. Их изящные лепестки были выполнены из чего-то лёгкого. Они шевелились от малейшего дуновения.

Второе тёмно-зелёное, в блестящих чешуйках, как шкура змеи. Прошито чёрными

бусинами по всем швам. Мрачное какое-то.

Маша ткнула пальцем в платье, посмотрела на старшую фрейлину, спросила:

— Ваш выбор?

— Да, Ваша Светлость. Надеюсь, вам нравится?

— Оставьте ваши глупые надежды. Конечно нет! Мне не нравятся мрачные тона.

Заменить! На два других.

Маша платила старшей фрейлине звонкой монетой за пережитое ранее унижение.

Девушка примерила белое с золотом платье. Оно превзошло все её ожидания. Маша задохнулась от восторга, замерла.

Многослойные нижние юбки пышной трапецией спадали к полу. Плотный закрытый лиф кокетливо скрывал рвущуюся наружу грудь, оголяя плечи.

Тесные, длинные, до самых пальчиков рукава делали руку изящной. В этом фасоне Маша выглядела дюймовочкой. Весь образ — просто совершенство из Диснеевского мультфильма.

Маша снова переделалась в надоевшее розовое платье. Обернулась к фрейлинам:

— Кто из вас умеет плавать?

Девушки молчали, незаметно переглядываясь.

— Я видела бассейн. Хочу плавать!

Все обескуражено помалкивали.

— Эстер, вы язык проглотили?

— Ваша Светлость, я сейчас распоржусь, — несколько озадаченно проговорила старшая фрейлина.

— Распоржаться здесь буду я. Вот мой приказ. Вы, старшая фрейлина, останетесь и проверите все до единого швы на новых платьях. Если я потом найду там иголку или ещё какую дрянь, скажу, что это вы подложили, пытаясь навести на меня порчу.

Маша обернулась к своей свите.

— Все за мной.

Фрейлины в полуобморочном состоянии стояли вдоль бассейна, в ужасе ожидая, что их заставят лезть в воду.

Маша скинула с себя всё, оставшись в белых широких панталонах на смешных завязках. Со стороны она была похожа на Карлсона. Ей было плевать.

Маша с разбега нырнула в холодную, обжигающую воду. С удовольствием резвилась в воде, крутилась дельфином, переворачивалась на спину, скрывалась под водой.

Вынырнув, увидела перепуганные лица своего отряда

— Чего стоим. Кого ждём? —

Маша вышла из бассейна,

— А, я поняла. У вас, наверное, ноги кривые. И не бритые. А то ещё и без педикюра. Ну что с вас взять...

Подроспела Эльза с простынями, аккуратно и ловко промокая кожу Принцессы, сетовала, что долго придётся сушить волосы.

— Все свободны. Идите занимайтесь своим внешним видом. Завтра все ползете в бассейн. Буду учить вас плавать. А кто не ползет, — будет учиться самостоятельно у крокодилов вдоль городской стены.

Маше было невдомёк, что Имре наблюдает за ней. Окна его кабинета выходили в купальню. Оттуда он часто смотрел, как для него танцуют купальщицы в прозрачных

одеждах. Нередко спускался к ним, разгоряченный танцем.

Сегодня ничего такого не ожидалось. Он работал с зодчими над своим проектом новой башни. Шум со стороны бассейна привлёк его внимание. Глянув в окно, он уже не мог от него оторваться.

Принцесса, с обнажённой грудью, в намокших грубых панталонах плавала так, что у него дух захватило. Сильные, плавные движения женского тела, энергия, с которой вода двигалась вдоль изгибов её обнажённой груди, бёдер. Он был очарован, восхищён ею. Казалось, вода её стихия. В Имре проснулось чувство с такой силой, которую раньше он не испытывал. Ему захотелось обладать ею немедленно.

Имре забыл о проекте. Девушки уже ушли из купальни, а он всё стоял и смотрел на золотые блики воды в обрамлении жёлтого мрамора.

Танцы купальщиц были ничто по сравнению с тем наслаждением, в которое он провалился сейчас.

Он понимал, что она, эта девушка, в которой столько необъяснимого и загадочного принадлежит ему всецело. Она влюблена в него, восхищается им.

Ему хотелось схватить её, разорвать на ней тряпки, скрывающие наслаждение. Повалить, насытиться ею допьяна.

Именно сейчас, когда он так желает её — она недоступна из-за условностей двора. Имре зарычал.

Кто-то из зодчих от страха выронил линейку, чем вывел Имре из сладких грёз. Он обернулся к замершим мастерам, виновник склонился в извиняющемся поклоне.

Имре вернулся к чертежам на столе, но они перестали интересовать его.

Его мысли переключились на Беатрис.

Имре чувствовал что-то странное, тревожное, как только начинал думать о девушке. Вернее не о ней, а о том, что вертелось в пространстве вокруг него.

Стоило ему подумать о Беатрис, как подсознание говорило, что от него ускользает нечто важное и опасное. Ворох цветных пазлов никак не складывались в картинку в его голове. Они носились в голове вихрем, мешали сосредоточиться.

Король стряхнул наваждение, велел передать приглашение Принцессе на прогулку. Он ждёт её после обеда.

Маша вернулась из купальни. Отдохнувшая, повеселевшая, с копной мокрых волос. Она решила почаще плавать. Надо будет разобраться с расписанием в бассейне, вдруг туда кто-то ходит. И застолбить. Бассейн — это всегда класс.

Машу уже поджидал учитель эстетики. Следом за ним прибыл учитель танцев. Сначала девушка целый час долбилась с ложками-вилками, повторяя все движения за старичком в съехавшем на бок паричке.

Он был такой древний и сухонький, что Маше хотелось напоить его чаем и отпустить с миром. Но через полчаса её подмывало заколоть его вилкой, до того он занудил её своими ложками-плошками.

Ещё хуже обстояло дело с танцами. Маше никак не удавалось запомнить порядок движений. Напыщенный гусь в жабо громко хлопал в ладоши у неё над ухом и счита: раз-два-три. С танцами ничего не вышло, девушке пришлось признать, что как танцорка она сплошное разочарование. Урок надо будет повторить и завтра, и послезавтра.

Вернулась к себе в покои, мельком глянула на себя в зеркало: хороша! Не просушенные волосы высохли сами по себе. На голове был полный кавардак. Как Эльза не боролась с торчащими во все стороны волосами, ничего нельзя было поделывать. Пришлось их снова намочить.

Ещё два новых платья лежали у неё на кровати. Нечто зелёное с кружевным жабо. Другое полосотает, малиновое с алым. Маша даже смотреть не стала. Неплохие, но совсем ни о чём. Во всяком случае лучше, чем её старое розовое, но сильно хуже чем белое с золотом. И, конечно, к ним не полагались туфельки. Ну вот как быть? У неё единственная малиновая пара и как её присоседить к зелёному или голубому?

Эльза развешивала новые платья за шторой. Маша в длинной льняной рубашке сидела на кровати, сушила волосы.

В дверь постучали. Вошла старшая фрейлина. Передала приглашение от его Величества на прогулку после обеда.

— Эстер!

Фрейлина присела в реверансе, показав Маше, что слушает её.

— Даже подросткам дают второй шанс исправить ошибку. Вы свой шанс упустили, хотя по возрасту давно укатились в бабушки. Платья ни о чём! Как и ваш вкус. Впрочем, я не удивлена, глядя на ваш наряд. Платье синее, туфли коричневые. Фу!

Эстер, малиновая от бешенства удалилась из покоев.

Маша соскочила с кровати, она так обрадовалась! Эту встречу с Имре она не испортит своими заморочками с выяснением кто из какого временного портала вывалился.

Маша вспомнила свой внезапный порыв. Когда Имре вернулся с охоты.

Маша болталась по замку от нечего делать. Изучала расположение дверей, лабиринтов коридора. И вдруг увидела в дверном проёме Короля. Он входил, стягивая перчатки. Их взгляды встретились. Маше показалось, что она встретила Ивана. На неё нашло что-то. Она бросилась к Имре, обняла его с таким трепетным чувством, прижалось к нему всем сердцем. Ей казалось это он. Он сейчас узнает её! Машу так переполняла радость встречи. Через минуту пришла в себя, отстранилась, убежала... Не узнал.

Девушка снова надела бело-золотое платье. Вот фигня, к платью никак не подходили

его расшитые туфельки. Придётся обувать малиновые, что поделать, не босиком же идти.

Впрочем, почему бы и нет. Маша, подхватив юбки, просто так, босиком побежала по коридору. Легко касаясь стопами холодных каменных плит пола, бесшумно скользила, весело кружилась, чувствовала себя красавицей. Глядела, как юбки и шлейф не поспевают за ней, заворачиваются вокруг ног, образуя нежную воронку из кружев.

Вдруг девушка услышала негромкий разговор из ниши в стене. Она замерла. На цыпочках подкралась чуть ближе.

Маша узнала голоса. Они принадлежали старшей фрейлине и Мину.

— Она полностью распоясалась.

— Терпите, Эстер. Вы знаете, ещё не время.

— Сколько, сколько ещё ждать?

— Не знаю. Гретта совсем плоха. Может не выдержать. Это сорвёт все планы

— Ну так делайте чтонибудь!

— Что? Я не в силах управлять временем.

— В ваших силах придумать что-нибудь...

Маша со скоростью белки метнулась назад, к себе, боясь быть застигнутой врасплох. Она услышала то, что совсем не предназначалось для её ушей.

Сердце колотилось, в горле пересохло. На ватных ногах влетела в комнату, упала в кресло. Эльза заметила, что с Беатрис что-то происходит. В волнении девушка подскочила к Принцессе.

— Бетси, что с вами?

Маша сделала знак закрыть дверь. Прижала палец к губам. Жестом попросила воды. Ёлки! Здесь не было воды, ну компота этого кислого пусть нальёт.

Машу трясло. Она понимала, что происходит что-то страшное. Однозначно, судьба открыла ей глаза на заговор. И он, скорее всего, направлен на неё. А она, Маша, тут с платьями возится. Всё побольнее ущипнуть старшую фрейлину пытается.

А эта самая фрейлина вместе с Мином смотрят на неё, как на вошь. Просто ждут случая раздавить её.

Маша держала в руках бокал, не в силах сделать глоток.

— Бетси! Бэтси, что с вами? — Эльза в волнении стояла на коленях перед Машей, обмахивая её веером.

— Эльза, где моя мать? — шёпотом спросила Маша.

— Не знаю, Ваша Светлость, — девушка удивлённо смотрела на принцессу.

— Её Гретта зовут?

— Да, — у Эльзы глаза стали круглыми на поллица.

Маша наклонилась к уху девушки и прошептала:

— Веди себя так, будто мы рассматриваем тряпки, бусы. Никто не должен нас слышать.

Девушка кивнула. достала коробку со шпильками, стала нарочито громко задавать вопросы о новых платьях.

— Эльза, — Маша говорила так тихо, как могла,

— Надо узнать, когда она приехала и куда делась. Спроси у Тилля. Пусть кучеров порасспрашивает.

— Здесь опасно задавать вопросы. За любопытство можно лишиться языка.

— Как это?

— Выжгут прутом железным и всё.

Маша замолчала. Признаться, она растерялась. Надо с чего-то начинать распутывать этот клубок.

— Эльза, я доверю тебе тайну. Сегодня я услышала, что против меня что-то замышляют. Это как-то связано с моей матерью. Будь начеку.

Эльза немного помедлила.

Повернулась, посмотрела на Машу:

— Бетси, а что вам гадалка сказала?

Маша попыталась припомнить.

— Кто-то проснётся, кто-то найдётся. А, забудь. Чушь какую-то несла.

Маша отвернулась к окну.

— Вот ты, Эльза, ищешь чтонибудь? И я не ищу. И не искала. Уж здесь точно. Тогда про что это " Кто ищет, уже нашёл". Эх, сейчас бы чашечку кофе сюда. А лучше литр. А ещё лучше домой, к своим. Маша расплакалась.

Эльза гладила её по плечу, не зная чем помочь. Наклонилась к самому ушку и горячо прошептала:

— Нет, не чушь, смею вам перечить, моя Принцесса. Надо подумать над её словами. Там точно есть подсказка.

Маша отмахнулась. Обхватила голову руками, закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на мысли что делать. Решила вспомнить, что там эта бабуся говорила, о которой Эльза напомнила.

Маша сначала никак не могла сосредоточиться. Потом издалека в памяти проступил шум ярмарки. Накрыло чувство настигающей погони. Ощущение опасности пробежало холодом по коже. Искра блеснувшего клинка в руках Тилля. Упавшее к его ногам обмякшее тело. Запах, странный удушающий дымный запах.

Ясно услышала голос старухи:

Кто убегает не убежит.

Кто дорожит, тот удержит.

Кто ищет, уже нашёл.

Кто спит, тот проснётся.

Что за ребус? Как в нём разобраться. С какого конца приступить.

Кто спит — ну, и кто это? Она сама сейчас спит?. А что! Это в какой-то мере утешает. Только долго что-то дрыхнет девушка Маша. Пора бы проснуться среди своих.

Кто дорожит, тот удержит...

Вообще не понятно. Ищет, убегает... Да ну, на фиг. Чем там бабуся надышалась, какими травками балуется, неизвестно.

Маша разозлилась. Разгадывать ребусы ей никогда не нравилась. Если видела, например, журналы с кроссвордами у мамы на столе, закатывала глаза, демонстративно передёргивала плечами.

"Что делать?" спросила сама себя. Сидела на кровати, болтала ногами, глядя невидящим взором в стену.

Откуда-то издалека снова потянула тонким запахом жжёной травы. Перед глазами возникла картина сплетающихся струй дыма от погасшей свечи. Буквы то проявлялись по одной, то складывались в узор, исчезали и появлялись вновь. Наконец встали в ряд, Маша прочитала: "Оборотни".

ПОРТАЛ

Время неумолимо приближалось к полудню, а Маша до сих пор не решила, что делать.

Перебирая все варианты, спотыкалась на каждом из них. Кто друг? Кто враг? Кто такой оборотень?

Может быть это Эльза?

— Эльза, оборотень это кто? — шёпотом спросила Маша.

От неожиданности фрейлина уронила поднос с кувшином и бокалами. Всё разлетелось, покатилося с грохотом. Бедная девушка опустилась на колени, стала собирать осколки, поясняя дрожащими губами:

— Это страшный зверь, который превратился в человека.

— Что? — Маша прыснула,

— Ну ты даёшь. Выброси из головы эту чушь. Лучше помоги мне собраться.

Маша повеселела, взяла себя в руки и решила, что обязательно попросит помощи у Короля. Кто же может защитить её, если не мужчина. Причём реально её судьба в его руках.

Надела понравившееся ей платье, осмотрела причёску (у Эльзы руки золотые, причёска получилась чудесная), отправилась в сад. Эльза шла позади неё.

По коридору замка навстречу Маше шёл Мин. Она посмотрела ему в глаза, подумала,

— А может про него говорила гадалка.

Взгляд Маши был такой пристальный и пронзительный, что Мин обернулся. Хотел удостовериться, что у него никто не стоит за спиной.

Повернувшись к Маше, он вдруг оценил её взгляд, как будто понял, что она имеет ввиду. Победоносно поднял подбородок и наглым прищуром уставился в ответ. Ровно на секунду. Тут же сморгнул и снова принял прежний подобострастный вид.

Маше хватило этой секунды. Она поняла, что мечи вынуты из ножен.

— Не оглядывайтесь, мой друг Мин. Тот, кто за вами, не видим. — поравнявшись с ним, договорила,

— это ваши грехи.

В саду все ждали её появления. Маша и вправду, была очаровательна. Свита выразила ей почтение, все кланялись, приседали, восхищённо переговаривались.

Люди расступилась, Маша оказалась в центре. Она себя чувствовала красавицей. Правда, Король не обратил на неё внимания. Он вообще ни на кого не обращал внимания.

Ей отлично было видно, чем он был занят, почему мир перестал для него существовать.

Перед взором его Величества "распаковывали" очередной презент.

Так как некоторые подарки на свадьбу прибывали раньше самих гостей, то и радовались им по мере поступления.

Сегодня таким подарком оказался табун арабских скакунов. Вся вельможная мужская знать высыпала вслед за своим Королём любоваться зрелищем. Женщины остались в тени беседок, увитых китайской розой. В отличии от Маши, дамы равнодушно наблюдали за стадом, заполнившим лужайку. Маша не могла оторвать глаз от бесподобных животных.

Встретив подарок, Имре был сам не свой от радости, глаза его горели.

Перед ним строем вышагивали кони, он ткнул рукой в одного из них. Нетерпеливо ждал, пока оседлают вороного красавца с иссиня-чёрной гривой. Влетев в седло, он нёсся

навстречу ветру, слившись с мощью скакуна. Казалось, мышцы обоих мерились силами: немислимо дорогой арабский конь и царственная особа с победоносной статью.

Запыхавшийся, разгорячённый, Король сделав круг, подлетел к свите. "Он в седле, это так классно..." — подумала Маша, — "Вот бы с ним покататься", — сообразив, что сказала это вслух, девушка смутилась.

Разгорячённый, весёлый, Имре соскочил с коня, заглянул ей в глаза, схватил за руку и потянул за собой. Маша еле поспевала за ним, ощущая лёгкость во всём теле, радость. Казалось, крылья несут её вслед за ним.

Король и Принцесса оказались у высокого сарая с большими бревенчатым забором. Ворота со скрежетом разъехались, из глубины сарая вышел слон! Огромный, тёмно-серый, с буро-розовыми проплешинами. Настоящий, живой слон! Исполин не спеша, плавно раскачиваясь, послушно шёл за своим поводырём, смуглокожим мальчиком.

Через спину слона было переброшено красное полотнище с золотым рисунком, углом спускающееся на квадратный лоб. С угла свисала жёлтая кисть из бахромы, она двигалась в такт движениям серой глыбы.

Маша задохнулась от восторга. Она запрыгала, захлопала в ладоши. Девушка мечтала побывать в зоопарке, а тут зоопарк сам пришёл к ней! Забыв обо всех приличиях, Маша схватила Имре за руку, трясла его и пищала.

Король был очарован её искренней радостью.

Шоколадного цвета мальчик в белой чалме и набедренной повязке подвёл зверя к королевской паре. Мальчик поклонился и о! Чудо! Слон опустился на одно колено, согнул хобот.

Имре первым поднялся ему на шею. Разместился в специальном седле и встретил Машу наверху. Девушка удобно расположилась спереди, Имре за нею. Слон медленно тронулся, аккуратно неся свою ношу.

Маша спиной чувствовала жар от сидящего в сантиметре за ней Имре. Она слышала его запах, чувствовала его напряжённое дыхание. Лицо мужчины почти нависало над ней, оно было так близко! Ей казалось, он специально касается её волос. Маша еле держалась, чтоб не упасть в его объятия, её накрывало воспоминаниями о той, былой нежности.

Маша уже ничего не видела перед собой, чувствовала, ещё минута, и она потеряет сознание от накатившего желания обнять, от невозможности сдержать свои чувства.

Он коснулся бархатом голоса её уха:

— Приходи ко мне сегодня.

Маша вздрогнула, отстранилась, холодно сказала:

— Как вы могли так подумать обо мне.

Она готова была вырвать себе язык, но не готова предать своё чувство приличия. Она же воспитанная девушка. К тому же, Маша любила того Ивана, который остался там, за горизонтом памяти. А этот был он, но всё же не он... О! Как сложно...

Машка снова кинулась исправлять ситуацию:

— Ваше Величество, разве можно мне мечтать оказаться в вашей постели до свадьбы?

— Короли не спрашивают, а оказывают милость.

— Будущие королевы в милости не нуждаются! — твёрдо заявила Маша, радуясь, что так вывернулась и не радуясь, что снова дерзит.

Он сидел молча. Она опять пыталась сообразить, как своим отказом не взбесить его. Слон качнулся, Маша нечаянно привалилась к Имре спиной.

Прикосновение электрическим разрядом пробежало по телу девушки. Вспышка горячей нежности на мгновение затопила её. Повернувшись вполборота, смущённо прошептала:

— Простите. Если бы вы знали, Ваше Величество, как я горю желанием оказаться в ваших объятиях. Однако, оковы приличия сдерживают меня. Желание влюблённой девушки ничто, честь будущей королевы — всё!

— Что ты со мной делаешь, женщина!

— То же, что и вы со мной, сир. — Маша постаралась отстраниться,

— Как может обычная девушка рассчитывать на чувства персоны столь великой, и недостижимой.

— Вы необычная девушка.

— Ах, это только слова мужчины, привыкшего к лёгким победам.

— Вы моя невеста.

Маша знала об этом, но сейчас её как громом поразило. Она уже и забыла, зачем здесь на самом деле. Вся эта возня с окружением, Мин, Эстер поселили в ней страх, неуверенность.

— Мне дают понять, что Ваше Величество ещё не приняло окончательное решение. День свадьбы не назначен и невеста Вами не выбрана.

Конечно, Маша хитрила. Но разговаривать с Ирме нормальным языком она боялась. Он итак с сомнением к ней относится после её приставаний с "Иваном".

— Смею Вас уверить, невесту я выбрал. И завтра в честь оглашения моей воли будет грандиозный пир. Я на ужине назову её имя. Приходите, Вам будет интересно.

Больше оба не проронили ни слова. Маша нервничала. Ей показалось, что Король отстранился от неё. Она прямо кожей чувствовала, что он потерял к ней интерес.

Оказавшись на поляне, где вся свита была не в праве присесть в их отсутствие, Король кивком распрощался с девушкой.

Маша упала духом. С другой стороны, а что она должна была сделать? Сказать "Спасибо, как скажете. Прямо сегодня приду, завалюсь к Вам на кровать. Кстати, простыни у Вас тёплые?". Что потом? На утро оказаться с клеймом доступной женщины, едущей по направлению "обратно, в Полтаву?". Кто знает, какие тут царят нормы морали.

Разноцветная стайка фрейлин окружила её. Девушки наперебой делали ей комплименты, поправляли складки одежды, выбившийся локон. Маша нашла глазами Эльзу, дала понять, что отправляется отдыхать.

Запершись в комнате с Эльзой, перевела дух. Проходя мимо зеркала посмотрела на своё грустное лицо, пожалала плечами. Она не знала, чего ждать от завтрашнего вечера.

Может быть, королевой будет не она. Кто знает. С ней кроме Эльзы никто толком не разговаривает. Может, здесь кастинг невест, она, правда других не видела. Но и утверждать, что единственная в номинации тоже опрометчиво.

У нее не выходили из головы слова старшей фрейлины: "Другие девушки ведут себя иначе".

Другие, это какие?

Наконец, Маша перестала гнобить и накручивать сама себя. С чего вдруг решила, что у неё есть конкуренция? Сама себе напридумывала, сама себе расстроилась. В этом вся Маша.

Ну, чего уж там. Завтра не за горами. Скоро всё узнаем.

Маша спросила Эльзу про новости. Фрейлина ответила, что новостей нет. Это плохой знак.

Следующим вечером многое должно решиться. Маша решила во что бы то ни стало разузнать про "мать". И заодно узнает имя невесты.

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Не успела Маша вымотать себе все нервы самокопанием, как пришла старшая фрейлина. За ней следовали посыльные. Один нёс благоухающий, великолепный букет алых роз. Другой сгибался под тяжестью огромной серебряной вазы, наполненной водой. Эстер передала приглашение Маше от Короля составить ему компанию завтра утром. На прогулке по озеру. Старшая фрейлина хотела добавить что-то ещё, но поймав Машин взгляд, передумала.

Качели Машиного настроения взлетели вверх, она радостно ходила туда-сюда.

Ах, как трудно говорить с Имре, за каждым своим словом надо следить. У Маши сердечко то тархтело, то замирало. Зато теперь в ней крепло радостное чувство, что он выберет её невестой! Что он тоже влюблён. И уже после надо будет подумать, как сохранить свою тайну про беременность.

Так, так, в чём же ей завтра идти? Ну, выбор не большой. Белое платье на ней прекрасно сидит, в нём и пойдёт.

Не успела Эстер убраться, Эльза радостно захлопала в ладоши:

— Ваша Светлость, Король влюблён в вас!

— Эльза, а вдруг завтра меня скинут в воду и там сожрут крокодилы? — Маша сама недоумевала, как такое могло прийти в голову. Хотя, здесь такие нравы, что может случиться всякое.

— Что вы такое говорите, моя дорогая Беатрис! — Эльза расправляла розы, вдыхая их аромат.

Маша думала, что это всё так неожиданно: Принцесса, Король, свадьба... Впрочем, неожиданно было всё, в том числе само воплощение.

Маша начала смеяться ни с того, ни с сего. Просто закатилась хохотом. Вероятно, это была истерика.

Эльза тревожно смотрела на нее, просто не зная, что делать.

Маша представила всю глупость поиска оборотня. Ведь оборотнем была она сама! Ну да! Раньше была Маша, теперь королева с ником Беатрис.

Стоп! Смех оборвался так же внезапно, как и наступил. А может, она сошла с ума и это всё её галлюцинация? Девушка ущипнула себя — больно. Помахала рукой перед Эльзой, та попятилась. Да нет, все живые, настоящие.

— Ваша Светлость, можно я пойду? — Эльза стояла у двери, — Я обещала Соловейкс сказку рассказать.

— Ты рассказываешь мальчугану сказки?

— Не успеваю. Прихожу, он уже спит.

— Ну иди, иди, конечно.

Маша залезла под одеяла, зарылась в подушки. В комнате ярко полыхал камин. Густой аромат цветов расплывался по спальне. Свечи горели ровными золотыми треугольничками, весело потрескивали, как бы переговариваясь друг с другом.

Маша задумалась, сползла с высоченной кровати, стала ходить по комнате.

Собственно, чего она так радуется предстоящей свадьбе? Причём, неизвестно, состоится ли она. Сперва надо стать невестой официально.

Допустим, стала. И сразу во весь рост навстречу летит вопрос, который не объехать: постель. Свадьба это полное право Короля пригласить её в постель.

Маша согласна на это, только в случае, если он вспомнит её, Машу Кошкину. Приехавшую из села в Москву девчонку, что по уши влюбилась в Ивана.

Мозги услужливо подали реплику: — ну, а если не узнает, не вспомнит Король тебя?

Маша озябла, взобралась на кровать, подтянула одеяло к подбородку. Сосредоточенно уставилась в прогорающие угли.

У неё под сердцем подрастает малюсенький человечек, ребёнок Ивана. Она мать, защитит его во что бы то ни стало.

Всё так просто. Закрой глаза, и живи с мужем, с Имре. Соответственно, родится ребёнок сыном Короля.

Какой сложный выбор, Маша не готова платить эту цену. Она решила схитрить. До самой свадьбы будет выкручиваться как может, не доходя до его спальни.

А к моменту свадьбы, если Имре не узнает в ней Машу, бежать!

Ей как-то сразу стало легко. Ну конечно! Надо бороться и всё получится. Она забылась тяжёлым сном.

Что ей готовит завтрашний день?

На утро, бодро вскочив, решила, что справится со всеми проблемами. Обязательно справится. Приведя себя с помощью Эльзы в порядок, пришла в сад. Её ждала карета, путь пролегал вдоль идеально выстриженных клумб. Идти было недалеко, Маша с порога видела толпу нарядно одетых людей поодаль.

Но, раз прибыла карета, почему бы и не прокатиться? С помощью Эльзы Маша расположилась на тесном диванчике. Выглядела, как барби в "Детском мире."

Вся свита уже собралась вокруг так называемого озера. Это просто был большой бассейн. И на нём возвышалась лодка. Оказывается прибыл новый подарок и Королю хотелось всем похвастаться своей радостью.

Маша надеялась на свидание, а оказывается, попала на спуск "яхты" на воду.

Имре подал ей руку, она поднялась по шатким мосткам на борт "яхты". Волны не было, но лодку шатало, Маша присела.

— О чём вы думаете, глядя на воду? — Имре блестящими от задора глазами оглядывал свою игрушку.

— Нет ли здесь крокодилов.

— Ну вы же не плавать сюда пришли? Или плавать?

— У меня первый юношеский по плаванью, но с крокодилами соревноваться не буду. — ответив, Маша увидела как нахмурились брови Имре. Она кашлянула:

— Я пришла сюда, мой Король, чтоб любоваться этим потрясающим кораблём!

Имре отвернулся и, к счастью, забыл про неё. Как ребёнок всё трогал, щупал, был радостно возбужденным.

Схватил её за руку и привёл к носу лодки. Публика аплодировала. Маша помахала им рукой. Грянул шквал реально радостных рукоплесканий.

— О! Вы снискали любовь моих подданных.

— Сир, мне нужна только ваша любовь.

Маша застыла в глубоком реверансе. Она научилась не только держать равновесие в этом хитром поклоне, но и мастерски врать, а также льстить.

— Заслужить любовь Короля непросто. — Имре огромный, сильный, невероятно

эффектный красавчик нависал над Машей.

— Я сделаю всё, что от меня зависит, мой Король, чтоб добиться её. — пролепетала Маша, добавив про себя " И чтоб ты вспомнил меня! Иначе шансов у нет быть вместе"

— Для вас это так просто. Уступите Королю.

— Я в вашей власти. Так же просто для вас взять то, что принадлежит вам безраздельно. Мою душу и тело. Но честь! Моя честь послужит вам гарантией оставаться верной до конца моих дней. Позвольте стать вашей опорой, подругой, любовью по праву.

Маша снова провалилась в реверанс, покорно опустив голову. Он коснулся её плеча, подав сигнал подняться.

Приподнял её лицо за подбородок и внимательно посмотрел в глаза. Маше показалось, в них что-то мелькнуло.

Маша, замерев всем телом, спросила:

— Вам не кажется, что мы уже встречались?

— Нет, женщина, я не встречал вас прежде. — голос Короля стал холодным, неласковым. Он отделился от Маши и не поворачиваясь, стал спускаться с борта, не подав ей руки. Не поворачиваясь холодно отчеканил:

— Не нарушайте правила моего королевства, не вздумайте вечером опоздать.

— Ваше Величество!

Он не повернулся, но слушал.

— Я вспомнила, где видела вас. Во сне! Вы так часто снились мне, я люблю и любила вас всю свою жизнь.

"Достала", воскликнул бы Иван. "Убил бы", подумал Имре.

Король кивнул и ушёл.

" Молодец, Маша! Зашибись! Заткнись ты уже со своими попытками вернуть ему память" — девушка ругала себя на чём свет стоит. Вот теперь она точно накосячила.

Вернувшись, Маша не находила себе места. Что теперь будет вечером! Она сидела на кровати, запустив руки в волосы. Раскачивалась, не то что плакала, выла!

Вечером пришла старшая фрейлина сопровождать Машу в зал на церемонию. За дверями столпились остальные фрейлины. Все были чрезвычайно богато одеты, напудрены. Их красивые причёски, подкрашенные лица, украшения — всё подчёркивало торженность события. Возбуждёно переговариваясь, она разочарованно смотрели на Машу. Она снова в белом платье. На ней нет украшений. Изящная, но скромная причёска. Не так они представляли себе невесту Короля.

Вдоль коридора от Машиной двери до самых ступеней в тронный зал всюду стояли цветы. Стража была в нарядных мундирах, зажгли немислимое число факелов.

У дверей в зал процессия остановилась. Входить было нельзя. Ожидалось специальное приглашение. А вот последует ли оно зависело от воли Короля. Он мог заявить, что невеста не подходит. И всё.

Праздник от этого бы не стал менее весёлым.

Машу потряхивало. Она слышала шум, гвалт за дверями. Играла музыка, лаяли собаки. Собаки?

— Откуда здесь собаки? — спросила Маша у старшей фрейлины.

— Его Величество любит собак. В отличии от некоторых, они всегда сопровождают Короля на праздниках.

— Вот стану я королевой и вы, Эстер, не попадёте ни на один праздник. А собаки, ладно уж, пусть будут.

Старшая фрейлина зажмурилась, и надо думать, у неё на языке много чего вертелось...

За дверями наступила тишина. Затрубили горны, Маша вздрогнула. Двери перед ней распахнулись.

Слева и справа её приветствовали гости и свита Короля. На возвышении стоял Имре и протягивал ей руку. У Маши от волнения и счастья подкосились ноги.

Она увидела всё сразу: как мириадами точек отражаются огоньки свечей и факелов на мраморном полу. Колонны, уходящие в бесконечную высоту потолочных сводов увиты гирляндами цветов.

Мужчины и женщины в роскошных одеждах, шитых золотом.

Имре, такой красивый, в голубом камзоле и тёмно синем плаще, подбитом горностаем.

Мин, торжественно, откуда ни возьмись прорезавшимся голосом объявил:

Принцесса Беатрис...невеста Короля. Свадьба состоится через семь дней!

Раздался неопикуемый гвалт рукоплесканий, трубили горны, собаки с перепугу лаяли, заводя друг друга, — зрелище похлеще наших новогодних салютов!

Имре поднял руку. Всё стихло, угомонились даже собаки. Всех пригласили к столу.

— Что за мода появляться в одних и тех же тряпках? — Король, не поворачиваясь спросил раздражённым тоном, — Вам не передали платья, украшения?

— Мне не передали туфли. Не могу же я надеть зелёное платье и малиновые башмачки. Украшений не приносили.

— Ну, сегодня то вы придёте? — Король недвусмысленно смотрел ей в глаза.

— Ваше Величество, у вас все дороги ведут в постель?

— Не ведут, а приводят!

Маша скромно опустила голову.

Заметила Мина, исподтишка наблюдающего за ними.

— Ваше Величество, можно мне задать вопрос?

Он со вздохом повернулся к ней, ожидая глупости не от мира сего. Казалось, лицо Короля спрашивало:

— Ну, что ещё?

— Ваше Величество. К вам съехались гости. Но среди них нет моей матери. Она выехала раньше меня на неделю. Где она?

Имре взглянул на Мина.

Тот развёл руками.

— Мать её Светлости не въезжала в город.

— Тем не менее, она выехала две недели назад.

— Сию минуту вышлю дозор вдоль всех дорог. Узнают. Найдут. Доложат.

Мин исчез.

— Давайте поедим. Я голоден.

Имре умудрялся оборвать беседу так внезапно, что Маша терялась в догадках: всё хорошо, или надо начинать волноваться. С другой стороны, она сама подавала реплики, за которые можно прибить. Чего, спрашивается, опять с вопросами полезла?

Машу проводили к столу.

Всё ломилось от закусок, горячего. Много птицы, мяса. Горы фруктов удивляли своим разнообразием.

Что Машу просто бесило, (и к этому ей никак не удавалось привыкнуть), так это то, что люди ели вдвоём, троём из одной тарелки. Таковы были правила, никто не мог отказаться. Иначе могли заподозрить в злых умыслах, например в желании отравить кого то.

К счастью, к Маше в тарелку никто не лез. Зато её атаковали псы, таща со стола всё, что им нравилось.

Всё это время стоял неопиcуемый шум. В центре зала без остановки выступали артисты, клоуны.

Праздник продолжался до утра. Градус веселья повышался с каждой минутой.

Завидев приближающегося к ней певца, Маша неприятно поёжилась. Нет, нет. Только не песни. Она терпеть не могла, когда на сельских праздниках начинали петь частушки подвыпившие женщины. Кто в лес, кто по дрова, с прихлопываниями, с повизгиваниями.

К Маше подошёл шут с какой-то балалайкой и стал петь на своём языке с подмигиваниями и жеманством. Пел явно что-то скабрёзное. Гости ухахатывались, а шут скакал козлом вокруг будущей королевы.

Маша несколько раз просила его отойти. Тот никак не мог угомониться. Маша уже проходила такие уроки буллинга в школе, когда её обзывали "жирная". Поначалу она просила, умоляла не обижать её, чем только веселила нападавших. Один раз дав в морду обидчику, заткнула фонтан гадости раз и навсегда.

Теперь с любым наездом разбиралась сразу, на месте. Лично.

Девушка чётко услышала, что шут, поясничая, произнёс имя Короля. Не раздумывая она схватила поднос с мясом и со всей силы жахнула им по голове шута. Тот выронил балалайку и сел на пол. Над ним уже нависла Маша с вилкой в руке.

Тишина наступила мгновенно, как будто щёлкнули выключателем.

— Это тебе за Короля!

Она вонзила вилку ему в плечо. Бедолагу тут же подхватили под руки его друзья-

артисты и утащили.

Зал рванул аплодисментами. Все слышали, что сказала Маша и неистово выражали ей восторг и поддержку.

Маша знала, что шут это фарс, на ходу придумывая как вылезти из этой ситуации. Она выполнила реверанс, прижала обе руки к груди и сделала жест, будто она посылает своё сердце Королю.

Имре смотрел благосклонно, лишь лёгкая улыбка тронула его губы.

Маша похвалила сама себя, вернулась за стол.

Праздник шёл своим чередом. Веселье продолжалось до утра. И что немаловажно, ей не надо было уворачиваться от свидания с Королём в его спальне.

Теперь время сжалось. В семь дней.

Она и не предполагала, на самом деле ей осталось времени гораздо меньше.

НАШЕ ВРЕМЯ

Маша всегда очень старалась избегать ссор. Но удивительно, с мужчинами именно сама их и провоцировала!

Вот, например, как она первый раз поссорилась с Иваном.

С момента первого свидания Маша чувствовала, что между ней и Иваном связь Красивая, взаимная притяжённость. Она не верила, что это надолго, считала их союз ненадёжным.

В его присутствии стеснялась сама себя, своей колхозности, своей фигуры. Часто допускала промахи именно из-за своей неуверенности.

В тот день косячить начала с самого утра. Вчера, переступив порог его дворца (иначе никак не назвать хоромы, в которые она попала), Маша обомлела. Обилие чёрного мрамора, белых горизонтальных поверхностей. Кирпичные стены, жёлтые торшеры. Много металла, хрома.

У Маши был другой вкус. Ей нравилось чтоб было побольше текстиля. Чтоб всюду были ковры, тюль на окнах, море подушек.

Однако именно здесь она поняла, что такое роскошь. И это ощущение ей понравилось.

Порядком в его доме занималась клининговая контора, готовила повар, закрома набивала экономка. По случаю субботы у всех был выходной.

На утро Маша фланировала по дому в его рубашке. Думала, что выглядит очень эротично. Ей так казалось. Он, заинтригованный страстью, распахнул на ней сорочку, удивлённо уставившись на бежевый бюстгальтер и чёрные трусы.

Иван, ожидавший увидеть нагое тело, просто замер от "жалкости" белья, от "красоты" такой. Притянул её к себе, поцеловал, застегнул на ней рубашку и пошёл готовить кофе.

Маше, конечно, поняла, как крепко обломалась. Но, это было только начало. Ей досталась честь приготовить яичницу.

Позже Маша думала, лучше было им обоим умереть в то утро с голоду. Готовить она не умела от слова совсем, у неё прям был диагноз гастрономического идиотизма. В этот раз она превзошла самоё себя.

Набухала полсковородки подсолнечного масла, туда же вбила яйца. Они расползлись по холодному маслу, потом превратились в пузырящееся месиво. Конечно, сначала Маша забыла посолить, потом забыла выключить плиту, а про вытяжку вообще не вспомнила.

Когда Иван вышел из ванны в коротких шортах с полотенцем на шее, Маша, как царица ночи, сражалась с синим дымом.

— Да, готовишь ты интересно...

— Илона, конечно, готовит лучше! — вместо того, чтоб проглотить справедливое замечание, взбесилась. Её обида вытатила рога и решила пободаться с Иваном.

Он спокойно отпил кофе. Посмотрел ей в глаза и спокойно ответил:

— Да, Илона хорошо готовила. Одевайся, у нас дела.

Маша одевалась кусая губы. Она была виновата. И всё равно злилась на Ивана. И приготовила не так, и бельишко на ней "кидай гранату", ещё и в сравнении с Илоной проиграла!

Этот день Иван полностью посвятил ей. Сегодня они ехали покупать Маше новый

гардероб. Конечно, что и говорить, Маша потребовала, что покупки будет оплачивать сама. Само собой, Иван спрятав усмешку, согласился. Вставив ремарку, что добавит, если ей не хватит наличных. Это успокоило Машину гордость.

Сначала они приехали за шубой. Маша обалдела. Вот это да. Зачем ей шуба, ну "куда" она в ней? Иван объяснил, что в ней она будет каждый день наступающей зимы ходить хоть "куда".

Маша мерила вещи из меха, которых раньше даже не видела. Конечно, очень стеснялась. Думала, наверное, такие шубки надо уметь носить, а она и не знает как. Выбрали белую шубу из норки. Ах, как Маша была рада!

Потом приехали в бутик. Вошли в зал, больше напоминающий холл в гостинице. Ивана здесь знали.

— Вручаю вам мою женщину. Ни в чём ей не отказывайте. — его пароль сработал.

Две приятные, скромные девушки увели Машу в соседнюю комнату.

Оказывается, это был салон нижнего белья. Восхищение от вещей, которые она примеряла и рассматривала было ничто в сравнении с ценой. Ту сумму, что девушка припасла "на всё", как раз хватило бы на один комплект.

Потом они поехали обедать в ресторан с открытой верандой с видом на Москва-реку. От воды тянуло холодом, злой ветер порывами загибал углы скатерти, хлопал натянутым от солнца тентом.

Лето выдалось холодным, дождливым. Бывало, днём приходилось надевать лёгкий френч. Маша постоянно зябла в ресторане, почему-то испортилось настроение.

После обеда они отправились в следующий салон, где Маша решила всенепременно купить брючный костюм.

— Не торопись. Развлекайся. Я никуда не спешу. — Иван нежно коснулся губами её уха. Она обожала такой поцелуй, знала, что он означает. У неё мурашки побежали.

Продавщицы подхватили её, увлекли за собой. Она перемерила ворох вещей. Что-то откладывала, что-то убирала в сторону. А потом она увидела его. Розовый брючный костюм. Брючная тройка с удлинённым жакетом захватила её внимание целиком.

Маша была уверена, что это та шмотка, которая сделает её невероятно красивой. Счастливая, чувствуя себя кинозвездой на красной дорожке, надела костюм, подобрала волосы и вышла к Ивану, рассчитывая на комплимент.

— Сними, Маша. Никакого розового. И никаких брючных костюмов. Я куплю тебе весь магазин вместе с витриной, манекенами и тротуаром напротив. Но ничего розового и никаких брюк.

Маша обескуражено смотрела на него. Слезы брызнули из глаз. Она стянула костюм, давась слезами выскочила из салона. Села в машину и уже не сдерживаясь, сидела и рыдала.

Девушки вынесли кучу пакетов с одеждой. Поставили всё в салон, украдкой глядя на ревущую Машку.

Иван вёл машину, совершенно не реагируя на её слёзы.

Завёл машину на стоянку.

— Маша, что случилось?

Она уже не плакала, но говорить не хотела. Этот костюм единственное, что ей было надо. Почему именно ему сказано "нет"?

— Я не переносу розовый цвет. Я считаю это цвет притворства. У каждой женщины в розовой одежде печать на лбу "недоделаная". Брюки на женщине, это как мужик в юбке.

— Когда я в джинсах, это нормально?

— В джинсах ты "оно". Мы все в джинсах "оно". Как тебе объяснить. Я не хочу тебя, когда ты в джинсах.

Ты моя женщина. Я обеспечу тебя всем, что пожелаешь. Но и ты не беси меня!

— А Илона тоже не покупала, если тебе не нравилось?

— Причём тут Илона?

— Как же. Она хорошо готовит. Правильно одевается. Не долбится с цифрами в дешёвом ноуте. Так почему же ты со мной, а не с ней?!

— Я не люблю Илону.

— А я не люблю командиров! — Маша выскочила из машины и помчалась к метро.

Промозглый ветер гнал её прочь с улицы, накрапывал дождь. Она была рада спрятаться в метро от непогоды. Маша смотрела на своё отражение в чёрные окна поезда. Разговаривала сама с собой, всё больше набираясь уверенности. И вообще, ей собственных денег хватит, чтоб купить себе нормальную одежду. Например, в Ашане прекрасно можно одеться. А свою шубу пусть сам носит.

На самом деле у неё так болела душа. Она жалела о своём заскоке, о каждом слове, сказанном ему поперёк. Она сама лезла на рожон.

Шла к дому злющая и расстроенная. Свернула под арку, сразу увидела его машину. Гордо задрав подбородок прошла в подъезд не оборачиваясь.

Зашла в квартирку, хлопнув дверь. Только расположилась на диване, чтоб поплакать с удобствами, в дверь постучали. Причём ногой.

— Ну, держись! — Маша рванула дверь на себя и обомлела.

Иван стоял обвешанный пакетами, удерживая подбородком то, что собиралось свалиться с плеча. Зашёл, скинул всё в комнате. Пошёл на кухню.

— А, ёлки зелёные, я же забыл, что у тебя кофе дрянь.

Схватил её за руку и потащил за собой.

— Поехали пить нормальный кофе. И надо печенек тебе привезти.

— Оставь меня. Я никуда не поеду.

— Угомонись, Машка-Мышка.

У Маши в душе царило перемирие. Обида прошла, день закончился. Они сидели в кафе, пили кофе, смотрели на заплаканное дождём стекло.

НАШЕ ВРЕМЯ

После обеда Машка не могла усидеть на месте. Часы обнаглели, вообще не хотели шевелить стрелками. Ещё три часа, Иван приедет за ней, встретит после работы! Машу никогда в жизни не встречал мужчина с работы.

Она пыталась сосредоточиться на цифрах. В кабинет заходили, выходили сотрудники. Папки на её столе всё росли, высились. Маше задавали вопросы, она отвечала невпопад.

— Влюбилась что ли? — спросила коллега "по цеху".

— А оно тебе надо? — вяло огрызнулась Маша.

Контора-террариум. Так она называла свою работу. Стая женщин с незавидным бухгалтерским окладом соревновалась в житейском счастье. Маша не участвовала в их батлах. Была неразговорчива. Как говорили о ней за спиной "мечтала молча".

Маша снова взглянула на часы. Оставался ещё долгий час ожидания.

Мяукнул служебный телефон. Маша подняла трубку. Начальница. Чтоб её. Сейчас начнёт спихивать свою работу. Снова скандал!

Зашла. "Медуза" — так девушка обозвала про себя старую некрасивую тётку начальницу, как всегда чем-то чавкала.

С набитым ртом та сообщила, что воон ту стопку папок надо перепроверить. Ошибка есть. Сдать до завтра.

Маша оглядела стопку. Работы на полдня.

— Нет.

На миг показалось, что бублик, который дожевала "Медуза" сейчас выскочит назад посмотреть на хамку Машу.

— Что?!

— Вы глухая?

— Ты на работе, а не где-то там. Бери работу и иди работай! — начальница заговорила как Маяковский рублеными фразами.

— В слове "нет" какая буква не понятна? — Маша начала закипать, но внешне выглядела спокойно.

— Ты пожалеешь.

— Не подавитесь. Кушайте медленнее.

Маша вышла и хлопнула дверью так, что отлетела давно висевшая на соплях дверная ручка.

Маша шла, удивляясь сама себе. Первый раз дала отпор манипуляторше.

Пришла к себе в кабинет. Аккуратно убрала документы, поправила причёску. Послала воздушный поцелуй часам на стене, которые наконец дотикали до пяти.

Его "Бентли" стоял прямо перед входом в офис. Маша спустилась и задохнулась от счастья, увидев Ивана. Он вышел, у всех на виду приобнял её. Усадил, закрыл дверь.

Маша видела, как коллеги с завистью и удивлением смотрели на роскошную машину. На красавчика как с картинки, на сияющую Машу. Все обзавидовались, у Маши от приятного чувства порозовели щёки.

— Тебе надо работу поменять.

— С чего ты взял?

— Навёл справки. Рейтинга у конторы никакого. Зарплаты мизерные.

— Мне хватает.

— Дело не в том. Роста нет. Вот ты когда повышала квалификацию?

— Я и так хороший специалист.

— Ну, ладно. Давай в другой раз поговорим, товарищ хороший и очень красивый специалист.

— Маша, у тебя какие увлечения?

— А тебе зачем? — по привычке огрызнулась Маша и осеклась, — Ой, Иван, прости. Грубо получилось.

Маша помолчала, потом продолжила:

— Просто ты мне как будто тычешь, что я мало зарабатываю, потому, что дура. Ещё спроси, читаю ли я Достоевского. Сразу отвечу: нет. Терпеть не могу его тягомотину.

— Про работу спросил для друга. Он в контору умненьких бухгалтеров набирает.

А про хобби, чтоб знать куда тебя везти: в кино, на балет, или вместе крестиком вышивать будем.

— Я коней люблю.

— Значит едем на ипподром делать ставки?

Маша прыснула. Успокоилась. Классный парень рядом. Надёжный. Наверное.

— Я конным спортом увлекалась. Пятиборьем занималась.

— Ну, в кино не приглашаю. Зачем нам кино. Ты у нас сценарист. Из любого вопроса сама кино смастеришь. Хочешь, коня подарю?

Маша молчала, улыбалась и радовалась классному парню, офигенной машине и тому, что вечер только начинается.

— Знаешь что. Поедем поужинаем. Я голодный. Ты не против?

— Ой, я не одета.

— Да нет, ты вроде в трусах и в майке. — он улыбнулся.

— Я для ресторана не одета. Тебе со мной неловко будет.

Он резко припарковал машину. Помолчал. Она почувствовала тревогу. Отстранилась, не понимая, что такого сказала.

— Маша, мне всё равно во что ты одета, сколько зарабатываешь. Сейчас ты объяснила, что тебе (не мне!) неловко в этих шмотках. Захочешь, купим новые. Захочешь, найдём что-то на помойке или у бомжей отберём.

Иван смотрел на неё. В глазах прыгали смешинки.

— Маша, ты вопрос слышишь? Мы едем ужинать?

Через полчаса приехали в красивое здание. Вечер всюду завладел пространством, быстро стемнело.

Сидели за столиком в центре зала. Маша чувствовала себя именинницей. Внутри вибрировали струнки, девушка радовалась.

Они смотрели друг на друга. Они ждали этого мгновения.

Их ангелы-хранители давно обо всём договорились. Маша смущённо прятала глаза. Иван же наоборот, смотрел на неё не отрываясь. Она давно прочитала в его глазах, что ждёт её в его объятиях и случатся они вот-вот. От этого ещё больше смущалась.

Внезапно как гром грянул среди ясного неба. На столик перед Машей прилетел сначала чёрный клатч. Потом шмякнулся портсигар. Серебряный с инкрустацией. Тяжёлый как кастет. И дорогой, как яйцо Фаберже.

— Ах, сынок, сынок! Ну что же ты так позоришься. Разве можно приводить в дорогой ресторан вот это! — появившаяся ниоткуда женщина подбородком ткнула в сторону Маши.

— Маша, не знакомься. Эта нехорошая тётя моя мать. — Иван откинулся на спинку стула, равнодушно глядя на худую, стильно одетую женщину. Та бесцеремонно уселась за стол.

От неожиданности и обиды Маша потеряла дар речи. Оскорбление так больно ударило её в сердце, аж дыхание перехватило. Через секунду самообладание вернулось к ней. Маша встала, схватила свой стакан с водой и плеснула из него водой в лицо возможной свекрови:

— Это тебе за "это".

Мать Ивана охнула, официант кинулся вытирать воду вокруг неё. Женщина пыталась вскочить, кинуться следом, вцепиться девушке в волосы. Для неё это было в порядке вещей — рукопашная со всем, что движется. Но сегодня она растерялась. Сдача в лицо раньше ей не прилетала.

Иван поймал её за руку:

— Сядь, тётя из высшего общества. Не догоняй, она тебе шею свернёт. Девчонка коня за шиворот таскает.

Иван положил деньги в кармашек официанта, вышел.

Маша стояла возле машины. Плакала так горько!

— Иди сюда, чё покажу... — Иван приобнял расстроенную девчонку.

Маша размазала слёзы по щекам, села в машину.

— А у меня что есть, — он лукаво смотрел на неё,

— только это секрет.

— Как зовут твою маму?

— Пока она не извинится перед тобой, её зовут "никак".

Ни с того, ни с сего хлынул ливень. В Москве они берутся ниоткуда, эти ливни, как будто из за угла вылетают.

Добежав от машины до Машиного подъезда, оба успели вымокнуть. Тусклая лампочка в провонявшем кошатинкой подъезде, гостеприимно освещала деревянную лестницу.

Обалдеть, в Москве всё ещё сохранились такие дома.

Ввалившись в квартиру, эти двое не включая свет повернулись друг к другу. Он бросил пакет, ключи. Стал стягивать с неё мокрую одежду. С шорохом соскользнула кофта, бюстгальтер. Намокшие волосы липли к лицу.

Он обеими руками держал её личико с высыхающими каплями дождя на коже. Собирал их губами, сползал руками все ниже, всё крепче прижимая её к себе. Его губы — горячие, плотные, касались нежно. Как бы пробуя тонкий лёд её ответного чувства, всё требовательнее преодолевая её сопротивление.

Она стеснялась, давно ждала и всё же смущалась от ласки. Запустила руку в его волосы, готова была упасть, раствориться в невероятном ощущении восторга. Она таяла, как воск. Он целовал, целовал, целовал...

Иван отпустил её усилием воли, понимая, что ещё не время вот так, по случаю воспользоваться теми чувствам, которые в ней только зреют.

Щёлкнул выключателем. По хозяйски снял с вешалки серенький махровый халатик, заботливо одел в него девушку, поцеловал в маковку. Потащил за собой на кухню.

Включил чайник.

Маша смотрела на него счастливыми глазами.

— Чуть про секрет не забыл. Отгадай с трёх раз. Что там? — он дурачился, пряча пакет за спиной.

— Духи? — Маша улыбнулась.

— О! Меркантильная Машка-мышка. Стратила одну попытку.

— Ну, я не знаю.

— Я помогу. Здесь то, чего у тебя нет и не было. Ну, по крайней мере, как я тут появился, этого не видел.

Маша не догадывалась, что бы это могло быть.

— Тадам! — он вынул огромную жестяную коробку, перепоясанную фантастически красивым бантом.

— Печеньки!

Маша никогда не мечтала о таком мужчине. Она просто не знала, что они существуют.

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Маша проснулась с точным пониманием, что теперь ей будет особенно трудно выкручиваться из объятий Короля. Всё, он объявил её своей невестой. Что ей ещё надо?

Причина отнекиваться исчезла. Запасы лести иссякли. А её малыш подрастает и его надо защитить любым способом!

И самое главное, она заметила, что Имре начинает злиться из-за отказов.

Поссориться с ним ей совсем не хотелось. Тем более, она помнила, что сгущаются тучи заговора. Слова Мина "недолго осталось терпеть" она не забывала.

Маша без дела слонялась из угла в угол, не зная чем заняться. Мысли в голове метались как стая бестолковых пуделей.

Её просто бесило, что нельзя подойти к Имре и спросить про своё расписание на каждый день. Вот чем ей сейчас заняться?

Старшая фрейлина и Мин шарахались от неё. Подслушать что-то ещё ей больше не удавалось. Маша уже сомневалась, что именно она услышала, не придумала ли сама всю историю с оборотнями. Но Греты нигде не было, а это факт. Взгляд Мина, там, в коридоре, был более чем красноречив.

К счастью, провидение сжалилось над Машей. В дверь постучали.

Вошла старшая фрейлина с приглашением на завтрак к Королю.

Девушка с радостью подскочила. Вот фигня — здесь нет ни дезодоранта, ни ополаскивателя для рта. Вместо зубной щётки хвойные веточки. Ну хоть что-то. Из косметики какая-то сомнительная пудра и красный жир для губ — бе-е.

Куда деваться, под свежим ником "сельская натурэль", Маша весёлая, лёгкая и счастливая отправилась к любимому мужчине (всё ещё надеясь, что он очнётся и вспомнит её. Ведь надежда умирает последней).

Она была в чудном голубом платье и чувствовала себя очаровательной красоткой.

На завтрак, как оказалось, надо было ещё добратся.

Её ждала лёгкая карета. "Уж лучше бы пешком", девушке совсем не нравилось полчаса усаживаться на узкую жёсткую скамейку. Расправлять складки платья, а потом сползать, нащупывая ногой малюсенькую ступенечку. Причём, ещё и у всех на виду.

Зато Маша оценивающе, со знанием дела смотрела на двух прекрасных запряжённых вороных. В частном спортивном комплексе, где она занималась пятиборьем, её платой за посещение был уход за лошадьми. Маша днями пропадала там. Чистила, скребла, выгуливала лошадей.

Имре смотрел на озеро, не обернулся на звук подъехавшей кареты. Маша прокашлялась:

— Любуется своей каравеллой? — так топорно Маша ещё не льстила,

— Такой красивой лодки, как у вас, я ещё не видела.

— Это каракки. Небольшое парусное судно. Вскоре я подниму паруса и буду с неё оглядывать свои берега.

— О, Сир! Возьмите меня с собой! Я буду Вам верным товарищем.

— Сначала я завоюю эти берега.

— Вам это удастся с лёгкостью.

Имре не ответил. Он, кажется, не слышал Машу. Девушка продолжала тарачиться на

лодку с восторженным выражением лица. В душе скучая и желая, чтоб мыши прогрызли в лодке дырку. И ей не пришлось бы на ней сопровождать Короля в путешествиях.

Насмотревшись на свою деревяшку, Имре, наконец, заметил Машу.

— Ваше Величество, я хотела просить у вас прощения.

— Что случилось?

— Ваш шут. Я не должна была на празднике..

— Вы спасли ему жизнь, — Король перебил её, — я думал отрубить ему в тот вечер голову. Но вы наказали его прилюдно. Поэтому ему только выжгли язык.

Король последовал вперёд, дав понять, что разговор закончен. Маша шла за ним потрясённая.

Имре пригласил Машу к завтраку. На помосте, почти у самого озера по центру возвышался стол. Вокруг него в вазонах благоухали цветы.

Место Маши располагалось с торца. Она наблюдала за Королем, недоумевая, зачем она долбилась, запоминая правила возни с вилками-ложками, если он ел руками. Плоский хлеб служил ему тарелкой. Мясо он оборачивал тонкой лепёшкой, макал в соус цвета оконной замазки.

Маше подали баранью котлету и она прикусила язык. Вкуснота! Зря она думала, начитавшись глупых книжек, что в средние века невкусно ели. И по полям бегали монстры, у которых в меню были зазевавшиеся Принцессы. Монстров не видела, Принцессы были в полном здравии (по себе знает).

Маше предложили вино соломенного цвета в изящном бокале. Девушка была абсолютной противницей алкоголя. Но тут её никто не спрашивал. Отказываться от напитка она не рискнула.

Не успела она согласиться на компромисс с вином, Имре пригласил её за собой. Оказывается, его любимая собака принесла щенков и он шёл её проведать.

Псарня внушительных размеров располагалась в каменном амбаре. Оголтелая свора собак, разделённая загонами кублилась внутри, создавая беспорядочную суету.

— Какие собачки... — Промямлила будущая королева.

— Да, это мои любимицы. Грейхаунды — беговые гончие. Это слуги, которые не перечат хозяину и делают всё, что им приказано.

Внутри псарни было нечем дышать. Маша боялась, что её вывернет.

Пролепетав, что боится грозных собак, выбежала наружу. Глотая свежий воздух как рыба на берегу, хотела потрясти ушами. Она временно оглохла от лая.

У неё забило сердечко от счастья, когда увидела Имре, идущего к ней с улыбкой. Узнал? Что то вспомнил из будущего? Он был в прекрасном расположении духа. Уверенный, сильный, и ...щедрый.

— Вы можете выбрать любую породу и я подарю вам щенка. — довольный собой и своими прекрасными псами, Имре улыбался.

"Упаси, Боже!", подумала Мвша, надеясь, что этот дар её минует, и расстроившись, что ничего нового. Он до сих пор видит в ней только Беатрис.

Они шли по лужайке. Он повернулся к ней. Стоял так близко, она почти упиралась в него грудью. Касаясь Машиной щеки губами горячо прошептал: "Я скучал ночью и ждал тебя".

— Я не заставлю ждать вас, сир. Скоро буду вашей навеки. После свадьбы.

"Навеки". Маше собственное слово отвесило подзатыльник. "Неужели я и вправду тут

навсегда. Где реальность. Там или тут? Если там, тогда зачем я здесь?" Чтоб не сойти с ума, Маша решила, что достаточно уже дёргаться. Вот мужчина. Она в его власти. Вырваться не может. Ей надо позаботиться о будущем ребёнка. Точка.

— Не составите ли мне компанию?

— С радостью, Ваше Величество. (Если не к псам и не к крокодилам). — Маша весело смотрела в глаза Имре, добавила вслух:

— Я за вами в огонь и в воду.

— Ну, зачем же так далеко и опасно. Умеете ли вы ездить верхом?

Машка чуть не вскрикнула,

— Я!? — , но подумав, скромно добавила, — Да.

Он ждал, пока ему оседлают коня, в нетерпении похлопывая перчатками.

Маше подали рыжую арабскую кобылу.

Девушка гладила её по морде. Очаровательное животное требовательно тыкалось ей в ладошку. Выпрашивало вкусняшку. Маша протянула руку в сторону слуг:

— Дайте морковь!

Через пять минут миска моркови стояла перед ней.

Разочарованием было дамское седло на лошади. Маша уже ездила в таком. Фигня полная. Но, что поделаешь...

Усевшись поудобнее, Маша развернула плечи, гордо выпрямилась.

Ирме был очарован статью будущей королевы. Его глаза загорелись. Эта женщина удивляла его всё больше и больше.

Процессия тронулась.

Прекрасный белый жеребец, помахивая роскошным хвостом с гордостью нёс всадника впереди. Сзади шла лошадь Маши. Впереди и сзади стражники разгоняли любопытных. Народ замирал в восхищении, глядя на своего Короля.

Миновав городские ворота, пара двигалась сначала вдоль рва. Затем свернула к лесу.

Король взглянул на Машу. Улыбка чуть тронула его губы.

"Что-то он задумал" — Маша оказалась права.

Ирме пришпорил коня и тот рванул выпущенной торпедой. Маша не отставала. Балансировать в дурацком седле было сложно, но девушка не расслаблялась.

"Резвый вы сударь, как лимонад на солнце" — с некоторых пор Маша держала свои замечания при себе. Правильно делала.

Король спешил, протянул ей руку. Они бросили поводья, медленно шли, вдоль кромки леса. Стража держала их в поле зрения, близко не подходила.

Изумрудная зелень чуть поблескивала в разогревшемся солнце. Однако, трава в тени деревьев сохраняла влажность, от неё тянуло тем дивным запахом примятой муравы, услышав который однажды, помнишь всю жизнь.

Имре остановился, Маша подняла на него глаза. Он смотрел на неё так, как смотрит мужчина охваченный страстью. Именно так смотрел на неё Иван.

Он коснулся её лица руками, нежно спускаясь ладонями ниже, к шее, к затылку. Маша, касаясь его грудью, слышала, как его тело бьёт мелкая дрожь желания. Маша трепетала, боясь нарушить, спугнуть этот момент. Он водил большими пальцами рук по её скулам, нежно обхватив затылок. У неё по спине пробежали мурашки. Мир перестал существовать. Он смотрел ей в глаза, приближаясь всё ближе. Маша закрыла глаза, перед ней было лицо Ивана.

Она чувствовала его дыхание, тонкий запах его тела. Он коснулся её губ. Сначала нежно, коротко. Потом настойчиво, всё требовательнее. Всё крепче сжимая её, гасил её слабое сопротивление. Маша таяла в его руках, она чувствовала себя желанной, а потому особенно счастливой. Горячие губы ласкали её, его сильные руки обнимали её уверенно, крепко. Что-то тёплое поднималось изнутри, по телу пробежал ток, земля уходила из под ног.

Он отстранился от неё. Она не ожидала и несколько растерялась, вся ещё опьяненная его лаской. Он вёл её за собой. Мириады возмущённых мотыльков вспыхивали у них под ногами разноцветными искорками. Лошади неслышно ступали следом.

Прощаясь, Имре наклонился к ней так близко, что Маша коснулась его лица ресницами.

— Не вздумай сегодня обмануть меня. Я жду.

Она озадаченно смотрела вслед его удаляющимся шагам.

Ах, если бы эти двое знали, чем закончится этот вечер...

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Конная стража лихо расчищала дорогу на городских улицах, не заботясь о самочувствии встречных горожан.

Народ, уворачиваясь, приткно втирался в проёмы стен. Не стесняясь, вваливался в чужие двери. Со стражниками никто не спорил. Следом, на небольшом расстоянии въезжали Король и будущая королева. Позади них почтительно двигалась толпа.

Зрелище недосыгаемой праздности будоражило воображение зевак. Всем и всегда нравилось наблюдать за жизнью небожителей.

Подъехав к центральному входу, Машу ссадили с лошади. Имре спешился, передал поводья служке.

Взял Машу за руку, заметил кольцо. Стал рассматривать бриллиантовую дорожку на её пальчике.

— На тебе слишком скромное украшение. Я осыплю тебя новыми.

— О, сир! Это особенное кольцо, разрешите мне его оставить?

— Это чем же оно так особенно?

Маша с надеждой заглянула ему в глаза. Сняла кольцо и показала надпись внутри.

Король повертел вещицу в руках:

— Что там написано? Буквы мудрёные какие-то.

У Маши потухла искорка надежды. Имре не узнал кольца.

— Это буквы, которые берегут мою любовь к самому замечательному мужчине на свете.

— Как его зовут?

— В этой жизни его зовут Имре.

Маша взяла кольцо, надела его и прижала ладошку к груди. Вздохнула.

— Ты любишь его?

— Больше жизни.

— А он тебя?

Маша опустила глаза.

— Сними его. И чтоб больше я его не видел.

Маша оторопела. Такого поворота она не ожидала. Он пропустил мимо ушей всё, что она сказала.

Поодаль, с телеги, въезжающей в кухонные ворота с треском свалилась бочка и с грохотом покатила по мостовой. Конь испугался, в него как бес вселился.

Зазевавшегося служку ударом копыта снесло к ступеням. Конь брыкался, пятился, рвал поводья накинутаые на крюк в стене. Стражники тут же оттеснили Машу, заслонили собой Короля.

Конь сорвался, нарисовал странную траекторию, оббежал вокруг и понесся с противоположной стороны на Имре. Всё уместилось в доли минуты. Расстояние между неуправляемым животным и человеком сократилось.

Имре не двинулся с места. Раскинул руки на всю ширину плеч. Конь неожиданно притормозил, в воздухе изменил направление и отвернул влево.

У Маши сердце молотило как сумасшедшее. Она сильно испугалась. Конечно, она была под впечатлением от смелости Короля. Но отлично понимала, что такое полтонны

взбесившегося зверя. Однажды на спорте она видела, как хозяйка отгребла копытом в голову от любимой коняки, пытаясь её утихомирить. И сколько потом провалялась в больнице. Говорят, у неё даже речь отнялась.

— Сир, вы такой молодец. Я, честно сказать, испугалась, — срывающимся голосом пролепетала Маша. Имре молча смотрел на неё, возвышаясь своим гренадерским ростом.

Он приложил палец к её губам:

— Нет. Я не потерплю никаких отговорок.

Имре как почувствовал собирающийся клубок уловок в Машиной голове относительно вечернего свидания. Повернулся к ней спиной и скрылся на своей половине.

Маша задумчивая и невесёлая быстро шла к себе. Кожа помнила его прикосновения, наслаждалась чувственным волнением, а душа разрывалась от выбора. Стоило Маше закрыть глаза, она вспоминала его поцелуй. Манящий и требовательный одновременно. Ей по-женски льстило, что сам Король влюблён в неё.

Что же делать. Сегодня надо быть у него, он недвусмысленно требует стать его любовницей. Вряд ли он позволит ей ломаться. Не пойти нельзя, об этом нет и речи.

Он не узнаёт в ней Машу, для него она просто женщина Беатрис. А у Маши есть мужчина Иван, которому она хранит верность. Это он, только не он...

Маша представила возможную сцену своего сопротивления. Мда, не хватало ещё свидание закончить дракой и поехать в монастырь. "Точно, Маша," — сказала девушка сама себе, — "Там тебе ни мужиков, ни приставаний, зато чудесным образом появится животик. Этак месяца через два."

Девушка решила, что выпугается из ситуации по ходу дела.

Маша свалилась на кровать, свернулась в клубочек. Усталость догнала её. Хотелось лежать и не шевелиться. Девушка надеялась привести мысли в порядок до вечера. Происшествие с лошастью напугало её, сказывался эмоциональный перегруз.

Голос Эльзы вытряхнул её из сладкой полудрёмы.

Только сейчас будущая королева заметила Эльзу. Та скромно сидела в углу комнаты, тревожно глядя на Машу.

— Эльза, красотка, ты чего?

Девушка приложила палец к губам.

— Тебя кто-то обидел? Скажи, кто?

Эльза молча отрицательно помотала головой.

— Есть новости?

Фрейлина вплотную подошла к своей госпоже, выразительно обвела комнату глазами, прошептала "Надо выйти".

Маша задумалась. Выйти незаметно не получится.

Говорить внутри нельзя, здесь уши и глаза в каждой стене. Уйти гулять с Эльзой в сад без сопровождения, значит у них секрет. Здесь секреты выжигают так же, как умысел заговора. Это смертельно опасно для жизни Эльзы.

Надо всё сделать так, чтоб не вызвать подозрений.

Маша открыла дверь и хлопнула в ладоши. Как из под земли перед ней вырос слуга. Так и хотелось его спросить:

— Я тебя дверью не зашибла?

Девушка отправила его за старшей фрейлиной. Как только он скрылся за поворотом, скинула туфли.

В сумерках мрачного коридора на цыпочках добежала до угла и выглянула. Так и есть. Там стоял стражник, привалившись к стене.

— Ку-ку! — Маша дёрнула его за рукав. От неожиданности он выронил копьё. Возвращаясь к себе в комнату, она задалась вопросом: её охраняют или пасут? Разум ответил: "пасут".

Маша велела Эльзе сделать вид, что та не в курсе планов своей госпожи. Пусть делом займётся. Например, переберёт цветы в вазонах. Снимет засохшие листочки. Всё должно выглядеть естественно. Девушки заключили негласный договор, каждая занималась своим делом.

Прибыла старшая фрейлина. Обвела комнату глазами: служанка роется в вазонах с цветами. Принцесса кружит по комнате в развевающихся юбках.

— Как ваши дела, тётенька? — как всегда вопрос Маши вывел "тётеньку" из равновесия. Она, приседая, ответила:

— Благодарю, Ваша Светлость..

Маша оборвала её следующим вопросом:

— Как ваше настроение?

Только Эстер присела в реверансе с ответом, Маша снова спросила:

— Интересуюсь вашим здоровьем. Эстер, как вы?

Это был уже третий реверанс, старшая фрейлина начала закипать.

Только она открыла рот для ответа, Маша понизила голос, грубовато сказала:

— Да не отвечайте. Я же не искренне спрашиваю.

Щёки Эстер вспыхнули, глаза сузились. Маша улыбнулась:

— Гулять хочу. Составьте мне компанию. Нам с вами так приятно поболтать вместе.

Подайте карету, я без ума от сада его Величества.

— Благодарю за честь, Ваша Светлость. Позвольте предложить вам в сопровождение фрейлин?

— Это ещё почему?

— Выполняю распоряжение его Величества по подготовке к свадьбе.

— Снова перечите. Я запомню. Не хочу фрейлин! Они тупые. То ли дело вы. Такая потешная, когда злитесь.

— Ваша Светлость, мне лестно ваше внимание — Эстер уже скрежетала зубами от бешенства,

— А быть может ваша фрейлина сопроводит вас?

Маша сделала вид, что такая мысль не пришла бы в голову ей самой.

— Да, возможно. Только добавьте ещё десять стражников. Вдруг там волки? Я боюсь. Вот были бы вы, все волки сами бы разбежались.

Старшая фрейлина отправилась выполнять распоряжение, закатив глаза и сцепив зубы от бешенства.

Обе женщины знали, что играют в опасную игру. Каждая вела свою партию вслепую. Уж Маша точно не знала, в какую игру играет.

Оказавшись в открытой прогулочной карете Маша и Эльза уселись лицом друг к другу. За спиной Эльзы сидел кучер. Он мог слышать, но не видеть девушек. Сзади топал отряд стражников. Маша велела им перестроиться, чтоб шли по бокам, создавая шум и мешая кучеру подслушивать.

— Говори — Маша наклонилась к Эльзе. Девушка наклонилась к Маше навстречу.

— Никто не видел вашу мать. Но Тилль нашёл коня, который был запряжён в карету вашей матери. Он в дальних конюшнях. Кареты тоже нигде нет.

— Постой. В моём нищем королевстве всего два коня было?

— Ваша Светлость, вы всё забыли? У вас всего было много. Но это было арестовано.

— Почему?

— Из за вашего батюшки.

— А с этим то что?!

— Это тайна, которую никто не знает.

"Ну, да", — подумала Маша, — "как просрать целое королевство, это действительно тайна. Ну и семейка у меня. Один натворил долгов, другая ребёнка за долги продала. Пипец!"

— И ещё, — Эльза осторожно оглянулась на кучера. Тот, если и пытался подслушать, уже забодался напрягать уши. Топот стражников по бокам, фыркание лошадей, болтовня девушек про погоду, — докладывать было не о чём.

— Так вот, — продолжила фрейлина,

— На западной стороне замка во рву спускают воду.

— Это плохо? — Маша пыталась понять, зачем это делают.

— Не знаю. Тилль поэтому велел передать вам кое что.

Эльза вынула из складок юбки небольшой свёрток.

— Это небольшой итальянский кинжал. И ножны к нему. Они цепляются к щиколотке. Пусть этот нож всегда будет при вас. Будьте осторожны. Лезвие отравлено.

Девушки вернулись с прогулки. Маша сидела раздавленная. От утреннего настроения не осталось и следа. По всему видно, зреет заговор. И, возможно, не против неё, она просто пешка. Цель — Имре!

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Девушки вернулись с прогулки. Маша сразу отпустила Эльзу до утра. Сейчас она мешала ей сосредоточиться. Надо было многое обдумать.

Маша ходила по комнате, разбрасывая одежду. Впрочем, её было так мало. Платье, панталоны, да туфли. Маша натянула самое простое платье из лёгкой жёлтой тафты, даже не подозревая, что это ночной халат. Платье ей показалось прикольным, что-то наподобие присборенной со всех сторон туникой. Не для прогулок, конечно, но пока она в нём отдохнёт от этих дурацких шнуровок.

Надо подумать, как поскромнее одеться к Имре, чтоб не провоцировать его лишний раз, успеть рассказать про заговор.

Посмотрела на свою руку. С сожалением сняла колечко и положила на камин. Не стоит дразнить мужчину. Он недвусмысленно дол понять, что ревнует к кольцу.

Маша хотела плюхнуться на кровать, полежать и подумать как и что сказать.

Нечто привлекло её внимание. Она остановилась возле кровати и внимательно её осмотрела. Вроде всё нормально.

Маша чувствовала интуитивную тревогу, всё всматривалась, но ничего не видела. Тусклый свет от камина ей ничем не помогал. Она схватила подсвечник, зажгла свечу и снова подошла к кровати. Рывком откинула край одеяла.

Под ним лежала туго стянутым кольцом чёрно-зелёная змея. Её блестящая чешуя переливалась в бликах неровного пламени. Она подняла голову, из пасти стрельнул раздвоенный язык, ощупывая пространство..

Маша успела разглядеть её вытянутые зрачки в жёлтоватом подрагивании радужки. Змея зашипела.

Шипение было тихим, но настолько оглушающе страшным! Казалось, оно отражается от каменной стены и эхом многократно усиливалось в Машиной голове.

Девушка автоматически швырнула одеяло назад и отступила.

Сердце бухало в груди треснутым колоколом. У Маши от ужаса дрожали руки, ноги.

На ватных ногах она вырвалась прочь из комнаты, захлопнула дверь.

Расширенными глазами уставилась на невесть откуда появившегося слугу. Тот согнулся в поклоне, она не видела выражения его лица. Может, это он подложил змею? Может он хочет убить Машку?

Девушка плохо понимала что ей делать.

Бедняжка обречённо побежала туда, где не сомневалась в своей физической защите. Однако сильно сомневалась, что не пострадает кое-что другое.

Девушка даже не заметила, что спасая свою жизнь, забыла обуться, идёт босиком.

Вдоль покоев Имре стояли стражники. Здоровенные, сильные красавцы, все как на подбор. Маша несмело посмотрела им в лица. Безучастные, как статуи.

Маша замерла. Перед его дверью лежала свора псов. Стоило ей появиться, они встали, оскалились, обнажив клыки на свирепых мордах.

Из за двери раздался зычный окрик. Собаки смирно легли, не спуская глаз с Маши. " Кошмар какой" — думала девушка, пробираясь между ними.

Маша распахнула дверь, ворвалась в комнату и как можно скорее пыталась захлопнуть

её за собой. Ей казалось, змея вот вот догонит её.

— Ваше Величество, моя жизнь в опасности.

Имре подошёл к ней, рывком разорвал её тунику, склонившись к губам произнёс:

— Вы под защитой.

— Что это значит? — Маша имела ввиду его руки, по хозяйски гуляющие по её груди.

— Это значит, что моя спина между вашим сердцем и стрелой, летящей в него.

Он жёстким, требовательным поцелуем закрыл ей рот.

Она выдиралась, пытаясь сказать то, для чего пришла:

— Выслушайте.

Она стукнула его кулачком в железный бицепс.

— У-тю-тю. Какая злющая птичка прилетела ко мне на огонёк..

Он повернулся к ней спиной, налил вина в кубок. Маша села на краешек атаманки на подкосившихся ногах. Рассмотрела помещение, в которое ворвалась.

Комната казалось безразмерной, но внутри неё не было ни одного окна. По одной стене шли узкие бойницы шириной в руку. Цитадель, а не спальня.

Кумачовый палантин над кроватью, куча атаманок, заваленные драгоценным мехом, на полу шкуры, всё в разноцветных подушках. У центральной стены напротив кровати огромный камин. Отделанный камнем, он возвышался скалой.

Пламя, полыхавшее внутри смотрелось кипящим вулканом, внутри которого кипела огненная каша. Щипцы для дров — чёрные, закопчёные, с острыми когтями на лапах, хищно валялись неподалёку. И сами дрова представляли из себя огромные пни. Такие, наверное, полыхали сутками.

Имре встретил её в синем халате назапах, подпоясанный кроваво-красным поясом. Вся комната была заполнена возбуждённым, агрессивным воздухом.

Маша не на шутку оробела, вся её уверенность куда-то делась.

Он подошёл, она встала, попыталась остановить его, выставив вперёд руку.

Маша заметила, что стоит обнажённая, что туника слегка держится на плечах. Тут же запахла расплзшиеся половинки, сдерживая ладонью.

Она посмотрела ему в глаза. Он убрал её руку, медленно стянул остатки ткани с её тела. Жаркими ладонями касаясь её кожи, коснулся губами шеи.

— Нет! То есть да. Я люблю его. То есть тебя. То есть вас, Ваше величество.

Я пришла по делу, по очень серьёзному делу. У меня есть тайна, я хочу рассказать вам.

Он скинул халат. Стоял перед ней обнажённый, красивый, жаркий.

— А у меня нет от тебя тайн.

"О боги, у него трицепсы размером с окорок!" успела подумать Маша.

Он потянул её к себе, она упиралась, он с раздражением проговорил:

— Ты не смеешь мне перечить.

Он легко швырнул её на кровать, сжал так крепко, что она задохнулась.

— Давай заткнём рот твоему целомудрию, — хрипло прошептал, запечатывая её губы своими.

Неведомая сила сопротивления заставила взвиться её. Чувствуя, что это последний рубеж и она вот вот его лишится, высвободилась.

Маша стояла перед ним нагая, глаза горели огнём, волосы растрепались. Её вид, её тело, — он восхищённо отступил, созерцая красоту: Тициан бы помер от зависти!

— Пойдите! — Маша искала, чем бы прикрыться.

— Во дворце готовиться заговор и вы должны знать об этом.

— Что? — от удивления он сел, зашёлся смехом,

— Таких заявлений мне любовницы ещё не делали.

Имре щёлкнул пальцами. Из-за шторы выскочил паж с деревянной шкатулкой. Маша ойкнула, ища чем бы прикрыться, присела, подняла платье.

— Он всё слышал про заговор!

— Ему заранее отрезали язык, — король не обратил внимания на Машино заявление.

Имре сделал знак, паж подал ему шкатулку и удалился.

Король подошёл, выбросил снова её платье, выдрав из рук.

Развернул её лицом к зеркалу во весь пол. Она стояла нагая. От стыда её щёки горели, ей не хватало рук, чтоб скрыть наготу. Она вспомнила, что Иван тоже любил рассматривать её при свете, она устраивала истерики, пряталась под одеяло.

Имре достал из глубины ларца кольцо с изумрудами необыкновенной красоты. Тяжёлое, роскошное, оно мягкой лентой улеглось на Машиной груди, играя волшебным блеском зелёных огней.

Маша вырвалась:

— Во первых, в моей кровати была змея.

— Ха, ха, ха! Бабьи дрызги. Завтра же казнят постельничью фрейлину.

— При чём здесь она! Вы казните всех без разбору?

Имре расвирипел.

— Говори, да не заговаривайся, женщина!

Он наступал на неё, Маша пятилась, озираясь. Припёртая к стене, зажмурилась, пытаясь закрыть грудь руками.

— Ты злишь меня, — он накручивал её волосы на кулак.:

— В моей власти бросить тебя в этот камин. Не беси меня.

— Вероятно, моя мать тоже там?

Он оттолкнул её. Маша схватила тряпку — да, её изодраное платье превратилось в тряпку, пытаясь натянуть его на себя.

— Да позвольте же мне уже сказать!

— В этой комнате не говорят, здесь выполняют мои требования, если хотят дожить до завтра.

— Завтра может не наступить. Как у моей матери, наверное.

Конь здесь, а её нет. Где она, моя мать? Это раз.

Два: Я услышала обрывок фразы, что ей не прожить четыре дня. Это про что?

Его глаза потемнели. Он уже не выглядел сладострастно настроенным мачо.

— Уходи, женщина. Ты разозлила меня.

Маша подошла к двери.

— И ещё. На западной стороне спускают воду во рву. Уже, наверное, спустили. Смотрите, сир, чтоб крокодилы не устроили забастовку!

Имре хлопнул в ладоши.

Паж выскрчил, ловко надел на короля халат, подпоясал роскошным поясом.

Выбегая из его спальни, она слышала, что он отдал распоряжение вызвать Мина, ещё кого-то и палача.

Маша проскользнула мимо собак, прошла мимо охраны. Остановилась и прислушалась. Ей казалось, за ней наблюдают.

Внезапно ей накинули на голову мешок. Чьи то сильные руки схватили её и потащили.

ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ

Маша не сразу сообразила, что произошло. Ну, то, что её похитили и куда-то притащили, не оставляло сомнений. Уж как-то быстро всё закрутилось.

Она всё ещё помнила, как босые ноги скользили по холодным, каменным плитам, пока её тащили. Как неудобно было голове в колючем мешке. Ничего не было видно, зато чувствовались поворот, за ним ещё один.

Остановились.

Маша сидела на полу, привалившись спиной к стене. С её головы сорвали мешок. Поначалу было не разобрать в темноте где она.

Оглядев себя, попыталась собрать на себе рваную одежду, чтоб прикрыться. Было холодно. Маша подтянула ноги, потирала ушибленный локоть, пыталась рассмотреть предметы вокруг. Каменная коробка, задрапированная тяжёлыми гобеленами. Тусклый свет откуда-то сверху.

Услышала приближающиеся шаги. Подошли Мин и Эстер.

— Почему так долго? — шипела Эстер.

— Что поделать, она проскочила к Королю. — Мин развёл руками.

— Мы не так планировали. Я уже должна была забеременеть! — Эстер брызгала слюной. Казалось, она сейчас бросится на Мина.

— Нет времени спорить.

Маша расхохоталась:

— Ну вы и парочка!

Оба усталились на Машу в молчании. Первый очухался Мин.

— Беатрис, вы всё не так поняли. Не вы, Эстер должна была оказаться в покоях Короля. Ну, и в отличии от вас, она была готова стать матерью для наследника.

— Вы сегодня, видать скурили два кило дурман-травы, — Маше почему-то перестало быть смешно.

— Не паясничайте, Бетси.

— Ваша Светлость, — поправила его Маша.

— Что? — переспросил Мин и присел возле Маши.

— Вы забыли добавить Ваша Светлость.

— Не заморачивайтесь. — Мин потрепал её по щёчке. Маша тут же вцепилась зубами ему в запястье. Мин взвизгнул и отскочил.

— Не советую обмениваться со мной ласками, — глаза Маши угрожающе горели.

— Да вы психованная. — Мин прижал к себе укушенную руку.

— А то! — Маша не собиралась сдаваться.

Фрейлина поторопила:

— Некогда. Давайте приступим.

Они подхватили Машу с двух сторон и поставили на ноги.

Только сейчас она заметила перед собой огромное, в пол зеркало. Оно зияло колодезной чернотой, внутри него, где-то там, мутился еле заметный туман. Не успела Маша понять что это, как Эстер схватила её за руку. А потом резкий толчок в спину швырнул её внутрь отражающего пространства вместе со старшей фрейлиной.

Внезапно Маша вынырнула и оказалась там, где и стояла секунду назад. Никакого зеркала не было. Перед Машей стояла...она сама.

От неожиданности, девушка чуть не лишилась чувств. Эстер превратилась в неё, в Машу. Теперь в одной комнате их было две: она и её точная копия.

— Ну, пора. Идёмте, Эстер. Праздник начался, а вас нет.

Маша видела, как они исчезли за дверью. А она осталась.

Девушка в полной растерянности стояла посреди комнаты и озиралась.

Автоматически стала ходить по комнате, заглядывая за шторы. За одной из них был стол со стулом и очень скромная кровать с брошенными на неё шкурами. С другой стороны интересное сооружение. Приподняв крышку, Маша поняла, что это горшок. Девушка ходила как безумная по комнате из угла в угол.

Наконец она пришла в себя. Вот тебе и разгадка про оборотней, что гадалка предсказала. Неужели это не сказка? Моя копия отправилась в мою комнату, а я?

Странное недоразумение лишило её сил. Она укуталась в вонючую овечью шкуру с кровати. Её всё равно знобило. "Что теперь со мной будет? Как мне уберечь тебя, моя деточка?" — Маша прижала руки к животу и сидела не шевелясь.

Просто невероятно. Она настолько перенервничала, что под утро уснула так крепко! Проспала до позднего утра.

Её внимание привлёк шум. Он доносился с улицы, слышен был из бойницы, то есть из узкого окна в стене. Высоковато, не достать. Маша подтащила громоздкий стул. Влезла, на цыпочках выглянула в широкую щель.

Перед ней открылась площадка, на которой обычно выступал Король. Прямо под наблюдательным постом Маши располагалась свита. О, как это удобно. И видно Короля и незаметно можно подслушивать.

Сегодня был праздник: день запуска голубей женихом и невестой. Птицы должны были символически разнести весть о свадьбе всем тем, кто о ней ещё не знал.

Через минуту на площадке стоял Имре. У Маши сжалось сердце. С некоторым опозданием вышла...Эстер. То есть ЛжеБеатрис.

Именно в эту минуту на Машу накатило. Она отчётливо поняла, что потеряла защиту мужчины, на которого рассчитывала. Только завоевала его чувства и вот снова потеряла. Может он и не узнаёт её, а теперь и не сможет узнать.

Эстер в чёрно-зелёном платье с золотыми шнурками и агатовыми бусинами приблизилась к Имре и стала рядом. Король повернулся к ней и что-то сказал. Эстер опустила голову. Маша заметила, как у Ирме двигались желваки на скулах. Он что-то снова сказал Эстер. Та скорым шагом отправилась прочь.

Вся свита отлично понимала. Происходит нечто, но все стояли молча, сохраняя вежливое спокойствие.

Через время Эстер вышла вновь в розовом платье. Король сказал ей слова, которые заставили Эстер снова сникнуть. В это время к ним в золочёной малюсенькой карете, запряжённой белым пони подъехал ларец.

Имре открыл крышку. Эстер стала доставать птиц и запускать их в небо. Однако голуби не собирались взлетать. Опускались на траву, бестолково крутились возле ларца. Имре достал одну птицу, закинул её повыше.

— Вот, вот! Пусть летит, расскажет всем, какой ты лох! Не можешь отличить одну женщину от другой! — подумала Маша, заливаясь горячими слезами. Она положила голову

на руки и плакала.

Ревность, обида, бессилие — всё вместе скрутило её, мешало дышать. Болело в груди, отчаяние пульсировало в голове. Она не видела, как Имре тут же отвернулся от Эстер, решительно отправился в замок. Вся свита последовала за Королём.

Маша поняла, что всё стихло.

Снова поднялась на цыпочки, выглянула.

Эстер стояла одна на лужайке. К ней с поклоном подошёл Мин.

В это время мелькнула хорошенькая головка Эльзы.

— Эльза!

Девушка замерла, не шевелясь.

— Эльза, не поворачивайся. Это я Бетси. Я сзади, я вижу тебя. Я внутри замка. Меня похитили. Вон там это не я, это Эстер.

— Я знала, что это не вы! Как только увидела ваше колечко на камине, сразу поняла, что вас подменили.

— Эльза, спрячь кольцо. Спрячешь?

— Да, Ваша Светлость. —

Скажите что делать?

— Не выдай себя. Притворись..

Девушки не успели договорить. Мин жестом пригласил Эстер в замок. Оба хорошо играли свою роль. ЛжеБеатрис шла впереди, Мин за ней.

Через несколько минут оба вошли к Маше.

Она еле успела утащить стул на место и сесть на пол.

— Эстер, зачем вы вырядились в это платье! — не успев войти, Мин налетел на ЛжеПринцессу.

— Оно такое красивое!

— Я же сказал надеть белое. Король восхищён им.

— На белом не было жемчужин. Эльза перешивала их по распоряжению Беатрис.

(У Маши благодарно блеснули глаза. Умничка Эльза-партизанка! Маша не давала такого распоряжения).

— Но почему розовое? Имре не переносит этот цвет.

— Да отцепитесь от меня! — огрызнулась Эстер.

— Вы чуть всё не завалили. Вы, ЛжеПринцесса — старая дура!

— Можно подумать, что вы молодой.

— Мин, а вы возьмите лопату. С ней замечания быстрее доходят! — вставила Маша свои пять копеек.

Двое заговорщиков обернулись к ней.

— Мне холодно. И я хочу есть!

— Фу, какая чушь у вас в голове, Беатрис! — Эстер сморщила нос, — скоро конец вашей истории, а вы про еду.

— Угрожаешь, чучело? — Маша сделала равнодушное лицо.

— Злорадствую! Скоро моя свадьба!

— Надеюсь, твои подарки будут открывать сапёры.

— Идёмте, Эстер. — Мин и Эстер вышли.

Маша подбежала следом за ними и стала искать то место, где Мин нажал на открыватель двери. Девушка водила руками по двери, нажимала на все точки, хлопала по

ней. Нет. Дверь не поддавалась.

Через некоторое время вернулся Мин. В руках у него была корзина. Сверху неё лежал свёрнутый плащ. Маша тут же надела его на себя. Длинный, подбитый мехом, с глубоким капюшоном, он бесшумно влачился по полу. Маша тут же согрелась.

— А ведь это вы, гадкий старикашка, подложили мне змею. Больше некому.

— Ну да. А как было вас вытащить из комнаты. Опять бы спрятались там, наплевав на приказ Короля.

Идти должна была Эстер, возможно, она была бы уже беременна. А тут вы прорвались вперёд.

Мин задумчиво смотрел на Машу.

— Беатрис, я вот всё думаю. Чего вам не хватало, чего вы перед Королём выделялись?

— А если бы меня змея укусила? — вопросом на вопрос ответила Маша.

— Нет, не укусила бы. Только испугала. У неё зубы вырвали.

Маша выдержала паузу, спросила:

— Мин кто вы?

— Ну, я тот, кто покупает тайны, продаёт интриги, убивает.

— Тоже мне, итальянский мафиози. — Маша хмыкнула.

— Я колдун.

— Ну похвастайте, плешивый чародей, я то вам теперь зачем.

— Вам прям всё и скажи! — Мин кокетливо заулыбался.

— На фига мне всё. Скажите, где моя мать? И я замолвлю за вас слово перед Королём, когда откроется правда.

— Отцепитесь, Беатрис. Вы взрослая девочка, зачем вам мать.

— До тех пор пока я жива, вы не будете спать спокойно. То ли бабло вы отмываете, старый дурень?

— Да поймите вы, заносчивая дура! Ваша мать, вместо того, чтоб поддержать нас, устроила голодовку, перерезала себе вены и сейчас лежит, помирает. А вы обе должны жить, чтоб Эстер хватило энергии носить ваш физический образ.

Машу испугала такая правда.

— Что же с нами будет дальше?

— Обе в монастырь. Как только родится наследник Короля, все вон из этой жизни: вы, мамаша ваша и Король.

Мин направился к выходу.

— Пойдите прочь Беатрис.

— Или ответ, или я объявлю голодовку.

— Или ответ, или я объявлю голодовку.

— Что ещё?

— В чём мать не поддержала вас?

— Она отказалась сохранить себе жизнь и сазу поменять вас на Эстер. Ей надо было просто снять с вас материнское благословение. Тогда бы в замок въехала Эстер, вы бы в её теле нечаянно свалились к крокодилам. Эстер вышла замуж как Беатрис, а Грета жила бы счастливой тещей.

Мин вышел, а Маша снова проглядела как он открывал дверь.

Маша с сожалением подумала о судьбе той женщины, Греты. Она совершенно не знала

о ней, но прониклась глубоким уважением.

Маша посмотрела, что было в корзинке, которую принёс Мин. Мясо, вода, овощи. Девушка очень скучала без сахара. Фрукты это совсем не то. И не хватало кофе, он был незаменим. Маша страдала без кофе!

Девушка тихонько сидела в темноте, ела, глотая слёзы, не в силах справиться с навалившейся бедой.

Под бойницей противно мяукала кошка. Вдруг до Маши дошло, что это не кошка.

Она подтянула стул.

— Эльза?

— Да.

— Эльза, милая, я так рада, мне так страшно.

— И мне. Я тоже боюсь.

— Эльза, послушай... — Маша рассказала ей всё про мать. Может узнаешь что — то...

Фрейлина ушла. Маша осталась одна, наедине со своими грустными мыслями.

Маша извелась за ночь. Она то засыпала, то просыпалась и засыпала вновь. На неё напал полубредовый сон.

Она видела Ивана на месте Имре. Ревность душила её, застилала весь разум. Девушка во всех подробностях видела в кошмарном сне, как не она, а та, другая находится в спальне с Иваном. Не Маша, а другая слышит его жаркое дыхание, перебирает его волосы, чувствует его губы. В багрово-красном мареве его комнаты уплывает в небеса от чувственного наслаждения, от его восхитительных ласк. Наслаждается его телом. Тает от прикосновения его рук, они ласкают её всю настойчиво, горячо. Он любит её...

Маша от картин, услужливо нарисованных её собственными фантазиями сна, потеряла голову. Проснулась. Металась раненой пантерой по каменному склепу, рыдая от злости и безысходности..

Она то билась в дверь, то зачем-то пододвигала стул и пыталась рассмотреть что-нибудь в лунном свете на лужайке. Игры разума отправляли ей короткие смс-ки запахов, слов из памяти того, счастливого мира. Маша топила их в новых потоках слёз.

Как недавно всё было хорошо и теперь ушло. Снова жизнь разделилась на "было" и "будет".

Наплакавшись, девушка пыталась взять себя в руки. Задумалась как выпутаться из грозной ситуации.

Она бродила по комнате. Устала. Зарылась в шкуры на кровати, натянула на голову плащ, свернулась клубочком и не дышала. Ей не было холодно, её трясло от нервного напряжения. Сердце то колотилось, то пропускало удары, ревность душила её.

Она снова провалилась в сон. В кошмаре её пытались ухватить каминные щипцы для дров в комнате Имре. К ней приближались языки беснующегося пламя, выползающие из камина. Она обернулась и увидела бушующую страсть двух тел на кровати.

Маша вынырнула из ужасного сновидения и вспомнила об украшении. О колье, что подарил ей Имре. Во время превращения оно с грохотом сползло на пол, точно!

Как Маша могла забыть об этом. Оно где то тут. Девушка ползала по полу в крошечной тьме. Ощупывала пол под шторами. Удача, вот оно. Маша собрала его в ладошку, прижала к груди свою добычу.

Так, в слезах и размышлениях прошла её ночь. С первыми лучами солнца Маша сидела на полу, ожидая весточки от Эльзы. Но фрейлина так и не появилась. Маша всё ждала, уже взошло солнце, а девушки всё не было.

Откуда Маше было знать, что ЛжеБеатрис прогнала её прочь, отправив служить на кухню. Велела больше не появляться на глаза.

Теперь у ЛжеБеатрис в обслуге были все прежние фрейлины и уж старались для неё как могли. Они ведь не знали о подмене, зато отлично помнили непростой характер Принцессы.

Бывшая скромная комната Маши превратилась в будуар сумасшедшей старухи. Здесь были горы фруктов на золочёных подносах и серебряные кувшины с вином. Всё заставлено разнокалиберными вазами с цветами.

Ворон платяев, сваленных по углам — весь её скарб перекочевал в новые апартаменты. В углу сидели два музыканта и дребезжали на чём-то струнном.

Эстер с радостью командовала всеми, упиваясь новыми возможностями. Даже Мин,

осторожно постучав и получив приглашение войти обомлел на пороге. Укоризненно взглянул на Эстер и вышел, забыв, за чем пришёл.

Озадаченный и раздражённый он прибыл в склеп к Маше. Нервно ходил по каменной берлоге. Маша всё так же сидела на полу, равнодушно следила за ним глазами.

Старик всё мерил помещение шагами, не обращая на девушку внимание. Наконец остановился перед ней:

— Вопросы? Пожелания?

— Пожелания: чашечку крепкого кофе. Американо. Двойной.

А вопрос такой: почему ты не сдох, когда был маленьким? — Маша вяло следила за перемещениями Мина, раздумывая: "а не перегрызть ли ему горло, если напасть внезапно".

— Небось думаете как убить меня? — Мин, как бы прочитав Машины мысли, отвлёкся от своих рассуждений. Полностью проигнорировав её пожелания вместе с вопросом, посмотрел ей в лицо. Продолжил:

— Вот и глазки у вас опухли. Круги под глазами. Чего вы беситесь, Беатрис. Право же, вы как собака на сене: сама не "ам" и другому не дам.

Маша так устала от внутреннего душевного раздора, ей было просто лень отвечать Мину колкости.

— Беатрис, Эстер допускает ошибки. Одну за другой. Помогите мне, а я помогу вам дважды. Вы ведь умница и мне жаль, что мы не союзники.

Маша помалкивала, не понимая, куда он клонит.

— Дайте мне какуюнибудь фишечку, которая разбудит в Имре воспоминания о ваших интимных моментах.

— Пусть Эстер съест миску чернослива, догонится миской арахиса и запьёт кисшим вином. Посидит день на горшке. Глядишь, избавиться от вони.

Мин не отреагировал на злобную тираду Маши.

— Мин, мы пахнем по разному. Не замечали?

— Нет. Что вы имеете ввиду? У вас особые отвары трав? Поделитесь.

— Да нет же. От меня пахнет Принцессой, а от неё оборотнем.

Маша не успела договорить, как перед её взором всплыла картинка. Та, где она у гадалки видела слово, сплетённое из струек дыма. "Оборотни".

Маша очнулась от видения. Мин стоял очень близко, протягивая руку к её колье на шее.

— Что это у вас?

— Только тронь! — сквозь зубы прорычала Маша.

Мин сразу отступил. Он видел это колье у короля в шкатулке, среди множества других украшений. Значит, это подарок Имре.

— Дайте! — он требовательно протянул руку, указывая Маше на колье. Ему пришло в голову: это как раз то, что надо. И как раз то, что поможет сейчас ЛжеБеатрис.

— Попробуй взять. — Маша осталась сидеть на полу не меняя позы.

— Беатрис, просто отдайте. Я ударю вас в лицо. Не убью, но синяк на две недели гарантирую. Вы ведь понимаете, что ни одна женщина никогда не справится с мужчиной, даже с таким доходягой как я. Что бы вы себе сейчас не придумывали.

И то, что вам удалось выкарабкаться из-под Короля, так это потому, что он решил не применять силу.

— Вы и это видели. — Маша потухла. Стыдоба какая. До неё дошло, что он слышал её слова про заговор.

— Я отдам колье. Вы обещали услугу.

— Даже две. Говорите.

— Почему Эстер лучшая партия чем я?

— За ней мощные силы. А за вами ничего. Всё ваше мы уже забрали. За долги.

Маша отдала колье, нисколько о нём не жалея.

— Какие долги?

Мин уже направился к двери. Остановился, повернувшись вполоборота, ответил:

— Всё ваш папенька. Страсть к игре. На том и подцепили. Азартные игры это всегда долги. Часто смертельные.

— Я пить хочу. Мин, друг мой, не вздумайте волновать мой гастрит. Принесите обычной кипячёной воды. Мутит уже от ваших кислых вин.

Маша опустила голову. Как всё прозаично. Проблемы создают одни, а барахтаются в них другие. Пока Маша предавалась философии, Мин вышел и она опять проглядела как он открыл дверь.

Как только Машу похитили, опала коснулась и Эльзу тоже. Эстер велела ей больше не появляться на глаза. Девушку отправили работать на королевскую кухню.

Эльза поразилась, как много народу там работает. Все сновали, натыкались друг на друга. Настоящий муравейник.

Эльза видела кладовые, набитые снедью. Одна за другой подъезжали телеги, набитые овощами, бочками, мешками. Внутри помещений на лебёлках поднимали кипящие котлы. Из под их крышек вырывались клубы пара. Рядом, в пылающих очагах крутились чадящие вертела с огромными тушами.

Новенькой Эльзе поручили самую неприятную работу — отнести бульон в мертвецкую и накормить тяжело больную. Эльза сразу поняла, о ком идёт речь.

Но почему в мертвецкую? Никто не собирался разговаривать с девушкой. Ей вручили раскалённый котелок с варевом и отправили кормить несчастную. Обмотав тряпицами свою ношу, Эльза тёмными коридорами пробиралась к своей цели.

Толкнув дверцу, ступила в мрачное помещение с низкими топчанами. На одном из них лежал человек, укрытый овечьей шкурой. Эльза оставила котелок и осторожно приблизилась. Так и есть. Это Грета.

Эльза ласково убрала с лица полумёртвой женщины спутавшиеся волосы. женщина ни на что не реагировала.

— Я спасу вас, моя королева. — Дав самой себе обещание, Эльза терпеливо капала бульон в рот своей подопечной.

Потом поднялась, подошла к окну. От него к земле вёл трап. По нему спускали трупы. Часть из них забирали родственники. Другие вывозили за городские ворота и скидывали в ров к крокодилам.

Решение к Эльзе пришло мгновенно. Она еле дождалась вечера и отправилась к Тиллю.

Время шло, Маша всё ждала, Эльза так и не появилась.

Маша не знала, что Эльзу она больше не увидит. Никогда.

Мин торопился в будуар к ЛжеБатрис. Вбежал, вращая глазами, подавая тайные сигналы Эстер:

— Ваша Светлость, велите своим фрейлинам покинуть нас. Прошу у вас аудиенции.

Эстер вскинула брови, явно недовольная появлением Мина. Махнула рукой. Фрейлины и музыканты удалились, плотно прикрыв за собой двери.

— Эстер, что вы творите! — злобно зашипел Мин, как только они остались одни.

— Отцепитесь. Что снова не так? — Эстер, как базарная баба поставила руки в боки. Оскалилась, сузила глаза.

— Король охладел к вам. Он не ищет с вами встречи. Сегодня выгул собак, приглашена вся свита. А вам приглашения не поступало.

— Ах, какая печаль! Мне этот громила тоже не нравится. А уж псы его так лучше бы передохли.

— Да вы реальная дура! Слушайте, прекратите делать то, что не сделала бы Батрис. Чего вы тут устроили на своей половине. Фрейлины уже косо смотрят. Не узнают в вас Принцессу.

— Прикусите себе язык, вы вообще мой слуга.

— Да кто же спорит! Только я ваш слуга ровно до тех пор, пока Батрис под замком.

— О! Вот идите и сторожите её. А то ещё эта бешенная собака вырвется.

— Да, я смотрю, вас не унять. — Мин уставился в окно.

Его злило поведение Эстер. Она просто пускала под откос всё предприятие. Косячила на ровном месте. Собрался с мыслями.

— Эстер, вот, наденьте. Это кольцо Король подарил Батрис в последнюю ночь.

Наденьте, зацепитесь на этом кольце. Пожеманничайте. Скажите, что в восторге от его вкуса. Что цените подарок за внимание, которое дороже тех бриллиантов, что украшают это шикарное украшение. Скажите Королю, что ошибку той ночи вы готовы исправить. Придумайте чтонибудь.

Нельзя, чтоб он отменил свадьбу.

Мин вышел, оставив Эстер вертеться перед зеркалом. Его догнал посыльный, сообщив, что король требует его к себе. Мин напрягся, он еле выкрутился из истории с водой во рву на западном участке.

Наврал, что чистили ил и ставили новый подводный частокол.

С новым метровым подводным забором из острых пик никто не перейдёт вброд водную преграду. Крокодилы хорошо, а двойная защита лучше. Врал как мог.

Еле скрыл, что готовился подкоп под стену замка. Для будущего нападения.

Перед покоями Короля Мин набрал воздуха и вошёл.

— Мин, бездельник! Где вы ходите!

Король был в отличном расположении духа. У Мина отлегло от сердца. Он крадучись, с подобострастием подошёл ближе.

— Смотрите, что у меня есть. — Имре держал в руках изумительную миниатюру каравеллы,

— Смотрите. Лесенки, амбразуры с торчащими жерлами пушек. Паруса! Смотрите какие паруса!

Имре любовался своей игрушкой. Очередной подарок к свадьбе.

— Прямо сейчас идём запускать!

— Ээ... — проблеял Мин, — да, конечно. Прогулку с псами отложите на другой день?

— Одно другому не мешает. Идёмте.

Мин соображал, как быть. Приглашение для Принцессы так и не поступило. Проявите инициативу и напомнить про неё Мину бы и в голову не пришло.

Маша, проводив глазами Мина, осталась сидеть безучастно. Её маленькая фигурка была в одиночестве такая несчастная, покинутая. На неё навалилась апатия, ничего не хотелось.

Нет, неправда! Ей хотелось защиты. Чтоб пришёл сильный, умный мужик, взял её на ручки и спрятал ото всех. И ещё чтоб победил всех плохих.

Вот как тогда, летним вечером у Маши в деревне.

Они с Иваном приехали первый раз к её маме. Машке так хотелось похвастаться своим мужчиной, его машиной, себя показать, какая она стала важная. Так ей хотелось повыпендриваться перед местными девчонками и тётками!

Приехали, познакомились с её мамой. Иван не выделялся, ничего из себя не строил. Вёл себя как нормальный человек. Всё равно маму Машки умудрился очаровать. Да, наверное, не только её.

Маша видела завистливые взгляды, просто купалась в молчаливом внимании женщин.

Вечером зашли в магазинчик, там куча местных парней стали отпускать гадости в сторону парочки. Не в лицо, а как бы в воздух, спрашивая друг друга: а кто это к нам без спросу приехал? Гости? А мы и не ждали. И всё в том же духе.

Иван никак не реагировал, Маша напряглась. Куда бы она не повернулась, между задирками и ею стоял Иван, отгораживал её своей спиной от злой публики. Маша даже не видела лиц говорящих, но слышала и кожей чуяла беду.

Вышли к машине, уже было темно. Тронулись вдоль по неосвещённой улице, фонарей на ней отродясь не было. Только свернули за угол — на дороге стояли трое. Конечно, Маша всех их знала.

Обычные местные парни. Двух из трёх она помнила со школы. Третий был незнакомым забулдыгой.

Иван вышел из машины. У Маши в душе бушевал страх. Как же она тогда испугалась.

Удары сыпались на Ивана со всех сторон. В основном в спину. Попадало в голову. А вот прилетело в бок. По печени. Как больно!

Теперь Иван включился. Бил изо всех сил. Точно, без суеты. В голову, в грудь, ногой в пах. Двое уже корчились в темноте на обочине. Третий, подняв корягу, двинулся было на Ивана. Вдруг бросил свою палку на полпути и убежал.

Маша сидела в машине сжавшейся птичкой, трепетала. Всё произошло так быстро. У неё сердце продолжало тарыхтеть. Иван обошёл машину, открыл багажник. Достал бутылку минералки.

Умылся. Подошёл к сидящим противникам у дороги. Те сидели, раскачиваясь. Один держал рукой нос, другой никак не мог откашляться. Иван протянул им бутылку воды. Они взяли, стали умываться.

Иван вернулся к машине. Достал влажные салфетки. Вытер руки, стряхнул сор с джинсов. Сел за руль и поехал. Как ни в чём не бывало.

— Ну ты чего, Маша?

— Я первый раз драку видела.

— Да ну, брось. Какая драка, мордобой обычный.

— Чего они к нам прицепились. Что ты им сделал?

— Машенька, всё нормально. Это наше мужское здрасьте.

Наутро, выезжая назад в Москву, они проезжали мимо сельмага, где бригада вчерашних задир стояла нахохлившись. Иван остановился.

Все замолкли, настороженно глядя на приближающегося парня.

— Привет, бродяги. По пивку?

— Так рано ещё. Лизка не продаст.

— А это мы щас посмотрим. Как вы говорите зовут — Лиза?

Иван вошёл, парни с любопытством набились за ним следом.

— Здравствуйте, Лиза. — Иван улыбнулся ей. Лиза, размером с холодильник "ЗИЛ", подбоченясь одной рукой, второй отбивала красным маникюром сигнал "Бегите, парни, бегите".

Лиза подозрительно хмыкнула:

— Ну?

— Вижу, что это правда. Много слышал о вас, Лизонька. Вы самая очаровательная и грозная. Пожалуйста, займите нам пива. Три бутылки.

У Лизы полезли брови на лоб. Она собирала в рифму весь мат, который прям вертелся на языке.

— Вот деньги. Мы же знаем, что продать нельзя, а занять можно. — Иван улыбался.

От удивления Лиза забыла опустить бровки на место. Иван свернул купюру, аккуратно положил ей в кармашек:

— Это от меня личное мерси. И ещё минералочки.

— Слышь, Борька, чё это у тебя вся морда подратая? Небось, кошка расцарапала? — Лизонька сменила гнев на милость, ласково прицепилась к физиономии несчастного.

Борька, с синяком на всю скулу, миролюбиво огрызнулся:

— Кот.

Атмосфера потеплела. Мужики сгребли пиво с прилавка, вышли на улицу.

— Ну что, мужики. За знакомство? А то вы вчера прям как не родные.

— Откуда тачка такая? — Борька снова полез на рожон.

— Ворую, Боря. Ворую! — все заржали.

— Ну, бывайте. Свидимся. — Иван пожал всем руки. Вернулся к Маше. Пора было ехать.

Маша очнулась от своих грёз. Она поднялась, стала ходить по skleпу, думая и передумывая что делать! Помощи ждать неоткуда.

Из прострации её вывел звук рожка. Резкий, трубный. Маша подскочила. Скорее притащила стул. Она постоянно тягала его туда сюда, боясь, что Мин узнает о её лазейке во внешний мир.

Маша влезла на стул. Она больше услышала, чем увидела как собравшаяся свита перешёптывается, вертит головами.

Король стоял посреди лужайки, возле него трубил в рог светловолосый слуга. На звук мчались собаки. Сильные, задорные, они визжали, лаяли, носились туда-сюда.

"Сомнительное удовольствие" — подумала Маша. Впрочем, её больше удивило, что Король один. Маша на цыпочках перебиралась по стулу с одного края бойницы до другого, стараясь увидеть побольше.

Наконец, она заметила, как выплывает на лужайку ЛжеБеатрис.

"Сейчас или никогда" — стучало у Маши в висках. Она почувствовала, что больше не сможет сидеть взаперти, ожидая своей участи.

Надо бороться. Ох, как страшно, но надо! Она снова кинулась к двери. Билась, стучала, пыталась нащупать все выступы. Где то же спрятана защёлка. Должна же эта дверь как-то открываться. Ничего не получалось. Дверь не поддавалась. Маша в изнеможении ударилась лбом о стену.

Вот это да! Дверь открылась. Надо было выше и левее ударить кулачком. Ну, будем надеяться, больше не пригодится. Она выглянула в образовавшуюся щель: в коридоре никого.

Маша узнала место, где находится. Это второй поворот в её покои.

Это хорошо, охрана знает её в лицо, значит нечего бояться. Маша медленно, кутаясь в плащ, направилась к выходу на гостевую лужайку.

Проходила мимо стражников и у неё поджилки тряслись. Останавливалось сердце от страха. Стражники, узнавали в ней Принцессу. К счастью, не обращали на неё внимания.

Вот она дошла до центральных дверей. Они открыты настежь. С этого места она хорошо видела, что Имре стоит к ней вполоборота, ЛжеБеатрис чуть поодаль у него за спиной. Король ласкает, треплет за ушами прибегающих псов. Слева и справа стоит свита лицом к Королю.

Маша завязала шнурки плаща на шее, подобрала полы. Набралась духу и побежала. Со всех сил. К мужчине, от которого ждала защиты.

Дальше всё было как в замедленном кино. Она бежала и видела, как наперерез ей несётся Мин. Он машет руками и делает знаки охране. Навстречу ей бегут разрывающиеся от лая псы. У ЛжеБеатрис открылся рот и она визжит, как свинья.

Сильный рывок сзади. Машу схватили за одежду, она дёрнулась и почти повисла в воздухе.

Король повернул к ней лицо и весь подался вперёд. Растерянно оглянулся на спутницу сзади. Снова перевёл взгляд на Машу. Поднял руку. Машу выпустили, она не устояла на ногах, упала на колени.

Ей показалось, что она закричала так громко, как могла, на самом деле её губы произнесли:

— Имре!

ПОРТАЛ

Мин сумасшедшей мухой нарезал круги вокруг короля, пытаясь оттеснить его от Маши.

— Ваше Величество! Ваше Величество! Не смотрите на неё. Не встречайтесь с ней глазами. Это страшная чёрная колдунья. Мы только-только поймали её, посадили за решётку, под замок. Но что для колдуньи замки? Она вот вырвалась.

Имре, не слыша Мина подошёл к Маше, заглянул ей в глаза.

— О мой Король! — визжала ЛжеБеатрис Эстер,

— Она украла мою фигуру, моё лицо и память. Теперь она охотится за вашим королевством.

Вся свита с некоторой брезгливостью и неподдельным страхом смотрела на Машу, отступив от неё подальше. Открыв рот от удивления, высшее сословие забыло обмахиваться веерами и важничать драгоценными эфесами своих шпаг.

Обычные людишки в драгоценных кружевах и тряпках самым примитивным образом глазели на происходящее. Им было боязно и вместе с тем любопытно. Публика старалась не пропустить ни слова из развивающейся драмы.

Мин вёл себя как шизоидный псих: прыгал подбитым коршуном, размахивал руками и верещал:

— Не подходите к ней, Ваше Величество! Колдунья наслёт на вас проклятие. Она уже заколдовала нашу прекрасную Принцессу.

Маша смотрела на Имре, с надеждой вглядываясь в его лицо. Король всё ещё держал в руках маленький лаковый кораблик.

— Вам подарили маленькую каравеллу? Помните, я её спутала с вашей лодкой? — Маша пыталась напомнить о себе, защититься.

— Вот, видите, Ваше Величество! Это вы мне, наверное, рассказывали, а я и забыла. Она украла мою память. — Эстер тыкала пальцем в Машу.

— Слушай, не ори. У тебя что-то в зубах застряло, — Маша сделала вид, что присматривается к зубам Эстер:

— кажется, крысиный хвост.

Все обернулись на ЛжеБеатрис. Она тут же захлопнула рот, пытаясь нащупать языком то, что налипло на зубы. Мин продолжал орать, пытаясь втиснуться между Королём и Машей.

Краем глаза девушка видела разноцветную стаю королевской свиты. Шёлковые платья и газовые накидки женщин трепетали на ветру. Мужчины в расшитых золотом камзолах возбуждённо топтались на месте.

Тряслась от бешенства Эстер, прячась за спину Короля. Грозным строем вокруг Маши выстроилась стража. Собаки весело бегали, лаяли, не обращая внимания на всё происходящее среди людей.

Стоял гвалт, было очень шумно. Имре поморщился, чуть нахмурился.

— Имре, спасите меня, — Маша с надеждой смотрела в его глаза, но читала в них недоверие и настороженность, — вы единственный, кому я могу довериться.

— Ваше Величество, давайте отойдём от неё подальше. — Мин не терял надежды отвести короля от Маши, — У колдуньи столько возможностей навредить вам.

— Вы верите в эту чушь, сир? — спросила Маша.

— Если это чушь, почему вас двое? Кто ты?

— Я Маша! — воскликнула девушка и тут же опустила голову. От волнения она брякнула глупость.: — Я Беатрис, — тихо поправилась.

Имре снова почувствовал то состояние, когда голова немного кружилась, он пытался что-то понять, но от него ускользало что то очень важное.

Ему становилось дурно, земля как будто проваливалась под ногами. Он ненавидел это чувство, а последнее время оно достигало его всё чаще.

Король не считал возможным делиться с кем бы то ни было своими опасениями. У него зрели подозрения, что в замке идут опасные подковёрные игры. Он, Имре, пытается удержать кусочки сомнений, сложить их в целое. Ничего не выходит, ясности не наступает.

"Так это проделки колдуньи" — догадался Король. Имре тряхнул головой, зло посмотрел на Машу:

— Так это ты! Ты влезла мне в голову и мешаешь жить. Я не боюсь твоих чар. Пойди прочь, колдунья!

— Имре, это я. Беатрис. Защитите меня... — Маша прижала ладошки к груди, с мольбой, с полными глазами слёз смотрела на короля.

— Ты не настоящая! — Имре отступил на шаг.

— Она хочет занять моё место! Убейте её! — верещала Эстер

— Прощайте, мозги. Эстер рот открыла. — Машу начинало колбасить.

— Как вы сказали? Эстер? — переспросил Имре.

— Ну да. ЛжеБеатрис так и зовут. Спросите у неё куда делась старшая фрейлина, — Маша начала защищаться.

— Э...это она убила её! — Эстер снова тыкала пальцем в Машу.

— Эстер, вы такая нелогичная дура! Вам нужен личный секретарь. — Маша хотела вцепиться ей в волосы.

— Её надо сжечь! Только огнём можно разрушить чары колдовства. — Мин от натуги перешёл на фальцет. Теперь это единственное, что может спасти его лично. Уже плевать на Эстер, надо срочно избавляться от оригинала.

— Сжечь её! Сжечь! — скандировала свита, превратившись в истеричную толпу.

— А ну, угомонитесь все! — Маша старалась говорить чётко,

— Охренели совсем? С чего вы взяли, что я колдунья? Вы кто такие? Свора немых кобыл с нечищенными зубами. От вас смердит! Скоро ваши парики от вшей будут передвигаться самостоятельно. Тоже мне, судьи!

— Ты чёрная ведьма, мы знаем об этом! — кричал Мин перебегая от одной группы людей к другой.

— Ой, да перестаньте уже драть редкие волосёнки из своей плешивой бороды, Мин. Лучше расскажите Королю, куда вы дели старшую фрейлину.

— Это вы расскажите, как вы её заколдовали! — огрызнулся Мин, сверля Машу глазами.

— Ну, магия трудная штука. Это вам не на форточке кататься. Тут показать надо, как вы это сделали.

— Сжечь её! Сжечь! — толпа завелась и уже кажется, ничто не могло её остановить.

— Ваше Величество! Помнится, вы мановением руки остановили рассвирепевшего коня. Вам достаточно сказать одно слово и толпа замолкнет навсегда. Поверьте мне!

Имре не отвечал. Он смотрел ей в лицо. Взгляд был холодный, чужой.

Маша обратилась к толпе:

— Народ, я боюсь вас. Вы достали меня своим мракобесием. Боюсь орущих баб. Боюсь истеричных мужчин. Вот собаки бегают. Я их тоже боюсь. Вы это хотели услышать? Видите, я такой же человек, как и вы. И вообще, я кофе хочу.

Маша, пытаясь скрыть свой страх, уже устала раздавать люлей направо и налево, быстро вымоталась. Она была сломлена, раздавлена поведением Имре. Понимала, что бой проигран.

Она так надеялась, что стоит ей выскочить на лужайку, рассказать Имре всё. И он защитит её.

Не защитил. Не поверил.

— Ну ладно. Ведите уже меня куда-нибудь, лишь бы отсюда. Я поняла, что зря надеялась на вас, Имре. Очень жаль. — Маша ласково приложила руки к животу. Мысленно обратилась "Ничего, сынок. Всё мы с тобой решим и всё у нас будет хорошо. Мама о тебе позаботится".

К Королю подлез Мин и зашипел на ухо:

— Ваше Величество, вы медлите! Это ошибка, промедление опасно...

Имре коротким снизу, без размаха врезал Мину в челюсть. Тот влетел в толпу вельмож.

Придворные расступились. Мин сидел на земле, прижав обе руки к лицу, сквозь пальцы проступила кровь. Псы сразу окружили его. Шерсть на их загривках вздыбилась, собаки скалились, рычали, возбуждённые свежим запахом жертвы. Имре свистнул, животные мгновенно отступили.

— Прикуси язык, льстивая тварь! Иначе будешь носить его в кармане. Вздумал мне советовать? Собери мне королевский совет. Немедленно.

— Имре помолчал,

— Эту, — он показал на Машу, — в темницу. Принцессу под арест. И чтоб никто к ним не заходил.

Эльза и Тилль, как только узнали о том, что случилось с Беатрис, сразу придумали план. Надо спасти королеву и облегчить участь несчастной принцессы.

Королеву решили подменить трупом, который выкупят у гробовщика. А саму королеву спасут и вывезут из города. Только телега с трупом беспрепятственно могла выехать из города. Королева выглядела именно так, оставалось обзавестись похоронной амуницией.

Заплатят палачу, чтоб Беатрис избежала мучений. И оба покинут город.

Первым делом Тилль отправился к гробовщику.

Ничто не устанавливает между двумя людьми доверие так быстро, как стопроцентная предоплата.

Именно с этого начал переговоры Тилль с гробовщиком.

Тиллю надо было разжиться свежим беспризорным трупом, похоронной телегой и лошадью.

Гробовщик, очень заинтересованный в обмене своего скоропортящегося товара на вечное золото с радостью поддержал инициативу гостя.

В то время бесхозные трупы никого не интересовали, а уж гробовщика так меньше всех.

Зато его безмерно радовали всякого рода покупатели типа колдунов и ведьм. Им частенько требовалась часть тела или вещь покойника. А уж сегодня, так именины сердца! Покойника покупали оптом!

Вид наличных в руках Тилля уничтожил все сопутствующие вопросы, а двойная оплата содействовала скорости принятия решения.

Гробовщик одной рукой отворачивал угол мешковины, покрывающий покойника, показывал товар лицом. Другой держал кусок недоеденной курицы, размахивая ею в подтверждение правильности цены.

С лошадью вышла осечка, своей у гробовщика не было, доходягу подешевле он брал в аренду на бойне.

Завернув труп в рогожу, Тилль и Эльза еле втащили его в мертвецкую замка. Пока подкупленная стража упивалась горячительными напитками, молодые люди на грани фола успели совершить подмену.

Спрятав недвижимую королеву под ворохом сена, они вдвоём толкали телегу через королевский закупочный двор до самой каморки. Сильно рискуя, молили только об одном, чтоб никто не заглянул в лицо Эльзе. Она, надвинув капюшон, со всех сил помогала парню. Без неё Тилль бы не справился.

Лошадь пришлось купить на бойне. Кляча еле передвигала ноги, настолько была старая и дряхлая. Другую приобретать было нельзя, гробовщик пользовался только такими.

В каморке, уложили королеву на дощатый настил, заваленный тряпками.

Тилль не прекращал попыток хоть как-то помочь своей королеве, раздобыл полкурицы.

Эльза сварила бульон. Не оставляла попыток. Потихоньку поила королеву. Та была очень слаба, практически не дышала, ни на что не реагировала.

Эльза к вечеру пошла отнести плату палачу. Поцеловав на прощание Соловейку, пригладив его непослушные кудри, крепко обняла. Поправила шнурок с кольцом Беатрис на его худенькой шее.

— Соловейка, вот это колечко с шеи не снимай, хорошо?

Мальш кивнул.

— Ты сможешь выполнить мою просьбу?

Мальчик снова кивнул, терпеливо слушая.

— Завтра, в полдень на площади соберутся люди. Они хотят наказать Беатрис. Ты ведь помнишь её?

— Да, я знаю Беатрис. Это её колечко. Она дала его тебе, а ты мне. Я его спрятал вот тут. — он показал на живот. Шнурок был длинноват и вещица висела на животе.

— Молодец, всё правильно.

Завтра отдай это кольцо Беатрис. Если получится. Сможешь?

— Да, отдам. — мальчик смотрел на неё серьёзно, совсем не по детски. Эльза вздохнула, понимая какую тяжкую просьбу озвучила ребёнку. Но другого выхода не было. Она обняла его, пообещала прийти попозже и обязательно спеть ту песню, что пела ему когда он промок. Там, в царском домике, при первой встрече.

Эльза и Тилль договорились к ночи встретиться в каморке, после её возвращения от дома палача.

Если не получится, значит уже завтра по дороге, когда удастся бежать из города.

Средневековый город погружался в беспросветную ночь. Эльза, переодевшись в крестьянское платье, натянув поглубже капюшон на хорошенькое личико, отважно ступила в тёмный сумрак замирающего города.

Её сразу поглотила вязкая духота. Воздух не двигался, был пропитан тревожностью, неизвестностью и враждебностью. Впрочем так всегда было и будет там, когда вы в гостях у чужаков.

Луна пряталась в тучах, изредка выглядывала и то, лишь затем, чтоб сгустить сумерки и выкрасить в зелёное серебро зловонные лужи.

Нарастающие друг над другом строения верхних этажей заслоняли тусклый свет ночного светила и Эльза нервничала, боясь пропустить ориентир в надвигающейся темноте.

Девушка торопилась, вспоминая, что осталось два поворота налево, затем откроется вид на мост, а там уже недалеко до дома палача.

Она осторожно ставила ноги, проваливаясь ботинками во что-то мягкое, чвакающее. Скользила, балансировала, чтоб не упасть, обеими руками высоко придерживая полы одежды.

Огромные крысы по хозяйски шныряли от стены к стене, не обращая внимания на прохожих. Зато Эльза делала всё возможное, стараясь не попадаться им на глаза.

Лицо красивой, молоденькой фрейлины было слишком хорошо знакомо в определённых кругах. Ей нельзя было быть узнанной.

Откуда-то сбоку пробивался жёлтый сноп света. Харчевня. Местная гопота горланила песни на свой манер. Злые, вечно готовые бить и грабить, такие люди не гнушались ничем.

Эльза крадучись обогнула страшный проём, нечаянно зацепившись взглядом с женщиной. Она, пьяная, взлохмаченная, смотрела оттуда на неё жадными, волчьими глазами и Эльзе надо было скорее убраться.

— "И эти люди завтра будут судить мою Бетси!" — у Эльзы заняло в груди.

Ускорила шаг, почти побежала. Навстречу шёл богач, служка освещал ему дорогу факелом. Эльза прижалась к стене лицом, пытаясь слиться с нею. Проход между домами был такой узкий, как бы она не вжималась в камень, почувствовала, как чужая одежда касалась её. Пронесло, вельможа не обратил на неё внимание.

Ей нельзя было разоблачить себя. Она, маленькая, хрупкая песчинка в этом мире сейчас один на один боролась за право одного королевства вырваться из лап другого.

Эльза вышла на мост. А вот и тот самый дом, что ей нужен. Ей говорили, он должен быть красного цвета. В ночи он казался чёрным, от красного не было и следа. Ставни плотно закрыты. Ни искорки света. Пришлось действовать почти на ощупь.

Надо найти потайное место, куда кладут плату за работу палача. И ещё кое за что.

Эльза помнила: от двери в сторону моста вдоль стены надо отложить пять ладоней от угла, пять ладоней от земли. Ощупывая шершавую стену, нашла немного выступающий камень. Вынула его, он оказался тяжелее, чем она думала. Вложила три монеты в нишу, вставила камень на место.

Огляделась и опрометью бросилась бежать туда, к враждебному, злему городу, лишь бы как можно дальше от этого мрачного жилища. Дома, обручённого со смертью.

Слёзы застали её врасплох. Катились сами по себе, смывая страх, обиду за свою госпожу с юного лица девушки. Она сделала всё, что смогла, дабы облегчить несчастную судьбу своей принцессы.

Луна решительно разметала тучи и полным, ровным светом разливалась по всем уголкам как раз в тот момент, когда это уже было не столь важно..

Девушка вытерла слёзы, окрылённая чувством выполненного долга, строила планы на завтра.

Утром она в платье крестьянки выйдет за городские ворота и направится к дороге, по которой прибыла в это страшное королевство. Где-то там и встретится с Тиллем.

Светало. Эльза торопилась. Как жаль, ей уже не успеть заглянуть в каморку. Теперь надо сразу направляться к городским воротам. Она покинет город и попытается начать с Тиллем другую, новую жизнь.

Она устала и не заметила, как в переулке от стены отделилась фигура и последовала за ней. На повороте, под низким козырьком нависающего балкона её схватили за голову и сильным движением полоснули по шее чем-то острым, горячим.

Эльза не успели ни вскрикнуть, ни вдохнуть, рухнула подкошенным стебельком. Чужие, проворные равнодушные руки ощупали её грудь, карманы, складки. Не найдя чем поживиться, убийца сорвал тонкую цепочку с шеи, и растворился в темноте так же внезапно, как и появился ниоткуда.

Эльза всё не возвращалась. Тилль уложил спать Соловейку под низким, грубо сколоченным столом. Укрыл его ветошью, старыми верёвками. Так было безопаснее. Мало ли кто мог ввалиться в каморку, глядишь, в случае чего не заметят мальчика, не зашибут в драке.

Тилль всё ждал Эльзу, было далеко за полночь. Он, конечно, знал, что она умница, выберется из любой передряги, но всё же тревожился.

Надо будет доставить королеву к знахарке. Дать весточку её брату, сообщить где она. Хорошенько подумать как это сделать, оставаясь инкогнито. Ну этих королей с их тайнами, себя выдать нельзя.

Продумывал, прикидывал варианты, как вернётся в свою деревню вместе с девушкой. Сыграют свадьбу, заживут.

Уже светало. Эльза так и не появилась. Задержалась, наверное.

Ну, ничего встретятся завтра по дороге домой, расскажет.

Как много зависит от этого утра. Если он не успеет выбраться из города до полудня, в мертвецкой замка обнаружат подмену и тогда ему несдобровать. Будут искать Эльзу, она последняя кормила королеву. Её следы приведут к нему.

Тем более в день казни ворота закрывают в полдень. А сегодня именно такой день.

Тиль решил не думать о плохом.

Проведал королеву, в ней еле теплилась жизнь.

Взглянул на спящего ребёнка. Одинокий, несчастный мальчик так верил в то, что найдёт свою мать! Было в этой вере что-то мистическое.

Тилль однажды спросил его, а где она, его мама, почему он так верит, что она жива? Малыш тогда внимательно посмотрел ему в глаза и спокойно, уверенно сказал: — Потому что она уже ищет меня, только не знает, что я это я.

— Как же вы узнаете друг-друга?

— Я её узнаю. Я её уже видел.

Тилль погладил пацанёнка по кудрявой голове. Малчик лежал на боку, по детски подложив ладошки под щёку. Вздёрнутый носик, усыпанный малюсенькими веснушками, посапывал.

Тилль искренне сочувствовал ребёнку. Как сложится его жизнь, куда приведут его сиротские дорожки. Без отца человек сирота. А без матери дважды сирота. Уж что верно, то верно.

Тилль надел на мальчишку свою исподнюю рубашку, поделившись последним, что у него было. В вырезе воротника видно было колечко на кожаном ремешке. Тилль толком не понимал, что всё это значит, однако помнил, что это важная штука. Сев поудобнее, задремал, всё ещё надеясь, что вернётся Эльза.

Проснувшись с первыми лучами, не дождавшись любимой, принялся за дело. Крепкий, здоровый парень должен был замаскировать свой цветущий вид. Сделаться неузнаваемым, незаметным. Приготовил смесь из жира, пепла, сажи, втёр всё это в волосы.

Солома в телеге была слежавшаяся, гнилая и липкая. Печальный груз в ней, бывало, лежал не один день. Ждали, когда найдутся родственники. Они, как правило, находились быстро. Все знали где искать пропавшего человека.

Но бывало, что несчастный не был никому нужен и тогда городская контора платила за навесёлый труд специальному человеку.

Тилль заметил, что над незавидной подстилкой кружила туча мух. Ну чтож, сегодня это ему на руку.

Аккуратно переложил худенькое, невесомое тело королевы в телегу. Натёр кожу королевы специальными снадобьями, придав ему вид синюшного, разлагающегося тела. Раздавил на нём красные ягоды, присыпал бордовые пятна тонкой пылью черного угля.

К безжизненному лицу и кругам под глазами женщины он привык. Но ту картину, которую он смастерил при помощи снадобий, испугала его самого.

Вернулся в дом, разбудил пацана.

— Соловейка, ты помнишь, о чём тебя просила Эльза?

Мальчонка сидел с закрытыми глазами, покачивался, никак не мог проснуться. Промурчал:

— Да. Помню.

— Ты не забудь, хорошо? Надо обязательно прийти на площадь. Даже если тебе будет очень страшно.

— Я приду. Там сегодня будет моя мама.

Тилль вздохнул. Опять он за своё. Ну, да что тут сделаешь.

От вчерашней курицы ничего не осталось. Дал ему кружку горячей воды. Оставил немного хлеба, картошки.

Тилль простился с ребёнком и вышел.

Надел плащ, спрятав лицо за высоким воротником, отправился в своё самое опасное путешествие. Нарочито медленно провёл шатающуюся клячу мимо стражников у городских ворот.

Один из них велел поднять рогожу. Тилль заранее натёр её падалью изнутри. Отвернул полог. С него ссыпались опарыши, часть из них попала на лицо, волосы королевы. Взметнулся рой мух. Вонь стояла невообразимая. Стражник отпрыгнул в отвращении, замахал руками: — Пошёл! Пошёл!

Отъехав на безопасное расстояние, Тилль свернул к реке. Отмыл как мог кожу королевы. Нарвал свежей травы, сменил подстилку, подложил еловых веток.

И отправился дальше, по дороге надежды, высматривая свою Эльзу.

С утра того самого дня, до того момента, как произошло явление колдуньи, у Короля было прекрасное настроение. Он спустился в бассейн и великолепные купальщицы встретили его восхитительным танцем.

Прозрачные ткани на их мокрых телах рисовали горячие узоры. Лукавые сладострастные нимфы принесли кусочки колотого льда и будили его чувственность жгучими прикосновениями. Давно он так не расслаблялся.

Напряжение, которое он испытывал из-за Беатрис, постоянно находясь во взведённом желании, утомило его.

Как странно, когда он так желал её, добивался — она была неприступна. Просто недосягаема. А последний день не даёт прохода, лапает его, трётся, как кошка, всё пытается коснуться грудью. Вызывает отвращение своей похабной доступностью.

Что же с ней произошло? Может, она и вправду не в себе, как он и подумал о ней сначала. Она ведь странной показалась с первой встречи. Заговаривалась. Будто с кем-то другим разговаривала.

Пока не поздно, может быть он отменит свадьбу. И отправит сумасшедшую в монастырь. Правда, он дал принцессе прилюдно слово Короля быть гарантом своих чувств. Но тогда она была совсем другая! Не то, что последнее время.

Раньше Беатрис была упряма, своенравна. Но это касалось только женской чести и, по большому счёту, такая неприступность льстила Имре.

Иметь такую женщину в жёнах большая удача. Беатрис эффектная. Не сварливая, деликатная. Умничка, поговорить с ней приятно. Упругие, крепкие бёдра и грудь. Вероятно, будет прелестной любовницей. Имре тряхнул головой.

Что-то сейчас об этой женщине и вспоминать не хочется. Как подменили принцессу.

На свадьбу гости всё прибывали и прибывали. Их развлекали сказочными пирами, мужчины пропадали на охоте. Егеря сбились с ног, загоня оленей, косуль на луга. Впрочем, Королю всё это тоже нравилось и поднимало настроение.

Ему доложили, что прибыл очередной подарок.

Имре поднялся в кабинет. Увидел на столе чудесную лаковую миниатюру. Так вот он какой, новый подарок! Это был деревянный кораблик.

Изящная каравелла захватила его внимание целиком. Король крутил её в руках, рисовал её корпусом волны. Подбежал к карте и водил корпусом игрушки по синим пятнам морей и океанов. Да, его королевству давно требовался выход к морю.

Об этом Имре думал постоянно. Точно знал, что скоро отправится войной за своей мечтой.

Имре не терпелось похвастать изящной игрушкой. Куда-то подевался Мин. Имре велел слугам собрать всех вельмож в зале и отыскать Мина.

Тот прибыл через минуту весь встрепанный и восторженный. Наверное, быстро бежал.

— Где вы ходите? Смотрите, что у меня есть! — Имре хвалился каравеллой. Король заметил, что Мин какой-то потерянный, глазки бегают, отвечает невпопад. Зачем то спросил про собак. Станный он сегодня.

В зале собрались вельможи. Сдержанно переговариваясь ждали Короля. Имре сообщил им тему для размышлений: каждому из них надо поставить определённое количество людей

для постройки плотины и верфи.

Ничьего мнения он не спрашивает, зато через неделю спросит о выполнении. Ну, и конечно, продемонстрировал необыкновенно красивую вещьцу. Каравеллу. Все восхищались, приветствовали светлую идею Короля о постройке верфи. И что заметил Имре, в основном искренне.

Королевство при Имре было зажиточное, войны победными, всего было вдоволь. Поэтому обогащаться, тем более войной за чужой счёт — древнее хобби королей всех мастей и их вельмож.

Наступило время прогулки собак. На звук рожка его любимицы вывалились весёлой стаей из псарни. Имре очень любил их за неумную энергию, за преданность, за послушание.

Ему нравилось, что у собак лоснящаяся шерсть, блестящие глаза. В амбаре подрастал задорный, крепкий молодняк. Псарь отлично выполняет свою работу. Надо будет его наградить.

Неожиданно на поляну пришла Беатрис. Имре не приглашал её и был раздосадован её появлением.

— Зачем вы здесь? — он холодно посмотрел на неё.

— Вам собаки меня дороже? У нас свадьбы через три дня. — Принцесса поправляла платье, раздражая Короля всё больше.

"Ну не дура?!" успел мысленно взбесится Мин, услышав фигню, что несла ЛжеБестрис.

— Уйдите, вы мне неприятны. — король отвернулся от невесты.

Она замолкла, закусила губу, но не ушла. Спряталась за спину Короля.

Имре обратил внимание, насколько брезгливо девушка смотрит на его собак. Она не боится их, нет. Она их ненавидит. В прошлый раз Беатрис смотрела на них с любопытством, всерьёз боялась их, но ни в коем случае бы их не обидела. А сегодня, кажется, будь у неё арбалет, она бы всех перестреляла.

Только Имре хотел приказать страже отвести Принцессу в её покои, как появилась ... она. Беатрис.

В одно мгновение изменилось пространство. Его сердце сжалось. По спине пробежал холодок. Не то как при виде давно потерянного любимого друга, не то как при виде привидения.

Имре на секунду потерял ощущение реальности. Он растеряно оглянулся. Беатрис с белым лицом и круглыми глазами стояла сзади. Две одинаковые женщины стояли друг напротив друга.

По поляне бегал Мин и верещал про чёрную колдунью. Стражник схватил женщину и бросил её на колени, занеся над ней копьё. Имре подошёл к той, что появилась только что, заглянул в глаза и утонул, провалился в них.

Увидел там прогулку на конях, луг, вылетающих из под ног кузнечиков. Услышал дыхание их первого поцелуя. Вспомнил в отражении своего зеркала в спальне прелестную наготу этой женщины.

Имре отступил — она и вправду ведьма. В голове снова толчками бился туман. Что-то лезло в душу из глубин памяти, но всё было так зыбко, неясно. Имре терпеть не мог эти квесты с заморочками. Все непонятки решал одним махом. А вот с этой справиться не мог. Теперь ясно почему: колдовство!

И ведь надо же как ведьма хитра! Проникла в его королевство. Нашла его самое слабое

место — любовь. Да, теперь он может признаться, что был влюблён в ту Беатрис, пока ведьма не украла её очарование.

В темницу ведьму. И сжечь. Говорят, с огнём пропадает заклятье, пламя дочиста выжигает магическое воздействие. И тогда его Беатрис вернётся к нему той прелестной девушкой, которую он полюбил. Имре будет защищать свою любовь.

Мин совсем рехнулся, сам себя довёл до истерики. Вздумал указывать Королю. Получил в зубы на первый раз. Потом, если ещё раз забудется и полезет с указаниями, плетей отгребёт и язык в кармане носить будет.

Имре расхаживал по кабинету. Всё мерил и мерил его шагами. Никак не мог убедить себя в правильности принятия решения. Что-то останавливало его. Может быть он искал доказательства? А может быть он был очарован ведьмой и терял волю.

Один вопрос всё же не давал ему покоя. Зачем эта умная женщина (а она была чрезвычайно умна, в этом он не сомневался), вышла к нему на встречу на виду у сотни глаз. Ведь она могла бы его околдовать ночью. Заменить собою принцессу. И потом её глаза. В них была такая мольба! Стоп!

Имре ударил кулаком в стену. Да так, что на костяшках выступила кровь. Он снова попал под чары ведьмы.

Король решительно отправился в зал.

Королевский совет сидел вокруг стола в абсолютной тишине. Имре сел во главе.

Рядом стоял Мин.

— Чего трясёшься как хорёк? — Имре взглянул на Мина. У того расплылся синяк на пол лица. Разбитая губа распухла.

— Не смею говорить без вашего соизволения. — прошепелявил Мин.

— Правильно делаешь. В следующий раз получишь плетей.

Имре обратился к совету:

— Вы знаете, что сегодня произошло. Нужно ли расследование?

— Нет.

— Нужны ли кому-то доказательства?

— Нет.

— Мне нужны. — это сказал сам Имре. Они действительно были ему нужны.

— Вот, извольте. Вот. — Мин развернул ночную сорочку Беатрис, пропитанную заячьей кровью (никто же не знал, что эта кровь заячья).

— Сорочку её Светлости мы нашли в каморке колдуньи. Она использовала месячную кровь для колдовства.

Мужчины отвернулись. Мин не растерялся.

— Вот ещё. В углях её колдовского очага мы нашли куски обгоревших заклинаний. На бумаге, принадлежавшей канцелярии Короля. И на одном из них написано имя Короля.

Мин продемонстрировал обгоревший кусок бумаги с текстом. Это были стихи Эльзы, её ода для королевы. Маша тогда бросила её в камин. А та не прогорела полностью.

Дело фабриковалось быстро и просто.

Королевский совет помалкивал, судьба женщины однозначно была решена. Однако, последним словом было королевское, и чтоб услышать точное "да", Мин приготовил что-то особенное.

Выдержав театральную паузу, старый интриган продемонстрировал обоюдоострый кинжал на серебряном подносе.

Он нашёл его в комнате Маши, когда заточил её в своём подвале.

Пришёл забрать змею и сразу заметил кинжал на камине в кожаных ножнах. Радости Мина не было предела! Чужая оплошность сыграла ему на руку.

Мин со знанием дела продемонстрировал холодную сталь короткого клинка с налётом смерти. По лезвию оружия проходила тонкая белая полоса напыления яда. Мин просто захлебнулся серенадой на тему, что всё это предназначалось для короля. И какой он, Мин, молодец, что раскрыл колдовство!

— Достаточно! — Имре встал.: — Так тому и быть. Спросил совет:

— Ваше решение?

— Смерть!

— Будет так!

Имре вышел.

Как только Имре отдал распоряжение заточить Машу в темницу, стража тут же подхватила её.

Пока Машу тащили вдоль коридора, Мин победоносно попевал рядом, ехидно бурча:
— Зря! Зря вы высунулись, Беатрис. Послушались бы меня, я бы спас вам жизнь, как и обещал.

Мин обежал стражников, двигался спиной вперёд, глядя на Машу, продолжил:
— Остались бы жить. В монастыре, конечно, не особо приятно, но это жизнь. А теперь что? Вас не будет послезавтра.

— Может и так... — Маше нечего было возразить.

Её, как дикого зверя, втиснули в клетку и повезли по улицам. Телега двигалась вдоль грязных, зловонных улиц. Стая человеческих отбросов, с лицами цвета серой плесени, измождённые, грязные бежала за ней следом.

Редкий по своей мерзости сброд, то и дело рыщущий в поисках поживы и развлечений, улюлюкал, свистел, плевал в след телеге.

Чтоб не сойти с ума, Маша убеждала себя, что это кино. Она попала в Голливуд и переезжает из одного павильона в другой. Всё вокруг это массовка и у неё такая придурковатая роль.

Маша ни раз смотрела фильмы с попаданцами. Там всегда всё хорошо заканчивалось. И у неё тоже всё будет хорошо. Наверное...

Телега дёрнулась и остановилась. Клеть открыли, Машу стянули за капюшон и втокнули в дверной проём каменного здания.

Спёртая вонь сырого помещения, крутая лестница с острыми каменными ступенями к уюту не располагали. Впереди шёл стражник с факелом, за ним двое других гулко топали здоровенными ножищами, бряцали оружием, тычками поторапливали несчастную девушку.

Все трое ржали, отпуская гадости в Машину сторону. Вскоре они оказались в тупике. Тот, с факелом звенел ключами. Толкнул дверь, она тяжело поддалась, как бы провалилась внутрь чёрной норы.

Машу втокнули, собираясь захлопнуть камеру, она закричала:

— Стойте! Принесите мне воды!

— Сама наколдуешь! — гогот шутников разнёсся по коридору.

— Наколдую щас чтоб твой перчик отсох, вспомнишь меня! — Маша рассвирепела по настоящему, — Так то вы, уроды, королевскую колдунью встречаете?

Улыбка, освещённая факелом на страшной роже охранника мгновенно слетела.

— И факел оставь.

Смешно было смотреть, как рослый детина судорожно вставляет факел в закреп на стене, оглядываясь на Машу мчится по коридору за водой. Двое других спрятались за дверью.

Воду факельщик принес в глиняном горшке. Аккуратно поставил на пол.

— Принеси мне свечей, да одеяло. Я заговор сделаю, чтоб смерть тебя не нашла до ста лет.

Через полчаса Маша куталась в баранью шкуру. Ох и вонючая она была.

Теперь Маша разжилась свежим матрасом и у неё было несколько свечек.

Уходя, стража замкнула кандалы на ногах девушки и молча удалилась. Маша, оставшись одна, осмотрелась.

Черные тени бралась ниоткуда, прыгая по стенам в неровном пламени тусклой свечи. Стена слева вся была исцарапана неизвестно чем. Маша поднялась с соломенного тюфяка, кандалы злобно щёлкнули. Острая боль пронзила ноги. На щиколотках от ребристой поверхности выступила кровь.

Низкая тяжёлая дверь схвачена железными скобами. Зарешётчатое окно под потолком вовсе не пропускало свет. В другом конце крохотной норы отверстие в полу. Вот и все удобства.

Маша села на выдавший виды соломенный тюфяк, поставила свечу, поплотнее укуталась в шкуру. Как не пыталась уложить ноги, всё было неудобно и больно.

"Итак, что мы имеем?" спросила сама себя. "Я непонятно в каких времена оказалась пешкой в чужих интригах. Дважды лишилась мужчин защитников. Оба меня предали. Что ж я такая удачливая то?"

Маша вздохнула. Офонаревшие от наглости крысы шныряли по полу, правда к огню не приближались. Одна, смелая на всю голову, пыталась ухватить запасную свечку. Крыса была так близко, девушке удалось рассмотреть её красные глазки.

В конюшне на спорте крысы в стойлах были не редкость, Маша их не боялась. Хоть и шикала на них, они не реагировали на неё, и тоже ничего не боялись.

Девушка, устала. Впечатления от злого дня не укладывались в голове. Маша откинулась головой к холодной, влажной стене и задремала. Ей снился сон.

Её прадед, опраясь на костыль, шёл по деревне от колодца со стороны леса. Как всегда пьяненький, кандыля на одной ноге, размашисто рисуя полукруг костылём, орал непотребные куплеты на всю деревню.

Мужиков в деревне после войны было всего два. Поэтому сольные выступления в полуобморочном от пьянки виде приветствовались.

Снилось ей, будто сворачивает прадед (она его "деда" называла) не к дому, а к сеновалу, где корову и кур держали. Маша маленькая бежит, кричит:

— Не ходи, деда! Ты там помрёшь.

Прадед исчез за углом, Маша бежит его спасать. Заглядывает, а за углом лежит не прадед, а мёртвая Эльза с перерезанным горлом.

Маша от ужаса проснулась. Приснится же такое. Прадед и вправду помер давно. Как раз за тем самым сеновалом. Его собственная корова забодала. Ударила рогом в грудную клетку и не стало прадеда. Но при чём тут Эльза...

Маша слышала приближающиеся шаги. Уверенные, широкие. Они всё приближались. Девушка от страха вся подобралась, между лопатками стало липко, холодно: " Неужели идут к ней. Зачем?"

Стражники не так ходят, они топают размеренно, медленно. Маша к их шагам уже привыкла.

Дверь со скрипом, тяжело отворилась. На пороге стоял Имре, кто то рядом держал факел, топтался позади него.

Маша осталась сидеть на полу, только сжалась ещё больше. Для Короля поставили подобие табурета, прикрепили факел у стены напротив. Имре еле поместился в камерке. Он махнул рукой. Стражник исчез, дверь прикрыли.

В бликах коптящего пламени его лицо было чужим и зловещим.

— Зачем ты здесь? — голос его звучал ровно, спокойно.

— Я здесь по вашей милости, добрый человек, — Маше доставало сил на сарказм.

— Зачем ты в моём королевстве?

— Мир становится тесным. Бежала от проблем и вот оказалась тут. А что?

У Маши перед глазами кадрами киноплёнки отщёлкались моменты: авария, мост, скорая, она на дороге.

— И всё же, почему ты хочешь отобрать мой замок?

— Мне не нужны ваши замки, земли и вся остальная фигня. Больше скажу: и не были нужны.

— Разве мне не надо тебя опасаться?

В это время кто-то поскребся в дверь. Она немного приотворилась и внутрь скользнул Мин.

— О! Вы вероятно, только закончили писать завещание, плешивенький вы наш? — Маша почувствовала, как Мин боится оставить её наедине с Королём.

Мин попытался приблизиться к Королю,

— Разрешите вам доложить, сир?

Маша не дала ему договорить:

— Ваше Величество, он хочет сказать, что сезон отстрела дебилов открыт. Первый пришёл, стреляйте!

Мин попытался заслонить Машу собою. В камерке было тесно, Маша со всей силой дёрнула его сзади за плащ:

— Ваше Величество. — Маша не дала перехватить у себя инициативу, — послушайте. Вы только что спросили кого вам бояться.

Вот например: вспомните, какая обманчивая, подлая гладь воды вдоль стен. Она такая затаившаяся, готовая сомкнуться, пожрать любого, кто полезет в ров. Её главная задача оберегать стены от подкопов.

Вопрос: зачем спустили воду в западной части. Ключевое слово "подкоп".

Имре повернулся к Мину. Тот замахал головой, руками:

— Нет, нет! Не слушайте, она стравливает нас.

Маша хотела встать, забыла о кандалах, они зубьями впились в кожу, ей пришлось сидеть:

— Мой сир, я не могу сделать реверанс, выразив почтение. Молю вас, узнайте во мне ту, что была вам верна так, как никто прежде.

Король поднялся.

— С чего вы взяли, что я колдунья? — Маша всё взывала к голосу разума.

— Почему вас две? И ты каждым словом доказываешь, что колдунья ты! Любая другая валялась бы в ногах, смертельно боясь казни.

— Я боюсь. Я так боюсь. Я молю вас, пожалейте, помилуйте меня!

— Ты не настоящая!

Маша замолчала. Наступила гнетущая тишина. Имре хлопнул в ладоши. Вошёл служка, с поклоном, чуть не задев головой Мина в тесноте, вручил Имре предмет, укрытый плотной тканью.

Не поворачивая головы, Король коротко сказал:

— Вон!

Все вышли, за ними закрыли тяжёлую дверь. Пламя факела качнулось, выхватив

непримиримое, жёсткое лицо Короля:

— Твоё?

Он откинул бархатную тряпицу. На серебряном подносе лежал кинжал, который Тилль через Эльзу передал Маше. Машу ошпарило ужасом. Она лихорадочно соображала, что ответить. Скажи она "Нет", они схватят Эльзу. Будут пытаться. Ужас какой!

Маша вспомнила, что давно не видела свою верную фрейлину. Может быть они уже схватили её? От Мина можно всего ожидать.

Маша кивнула:

— Да.

Король молчал. Маша опустила голову.

Имре решительно вышел. Надежда ушла вместе с ним. Паника запустила когти в сердце Маши.

Палач выглянул в окно. На небе ни облачка. Лёгкий ветерок с севера, значит денёк будет не жарким. Раннее утро предвещало отличную погоду. Он зевнув, вышел из дома потягиваясь, разминая могучие плечи.

В те времена дом палача всегда красили в красный цвет и находился он на окраине поселения. Люди по известным причинам с семьёй палача не общались. Однако, встретив его самого, замирали в ужасе, опускали голову и старались побыстрее убраться с дороги.

Морщины на его опалённом, безбровом лице хранили много тайн и не было вокруг никого, кто хотел бы знать хотя бы часть из них.

Семья палача не бедствовала. За работу ему принято было платить. Сама работа стоила монету. Серьёзнейшая по тем временам деньга. А ещё за плату палач оказывал услугу.

В его возможностях было отправить жертву к праотцам без мучений. Вложить в рот горошину яда перед тем, как. А горошина та была силы волшебной. Быка в минуту могла убить. Стоила такая горошинка ещё монету.

Тёмная братия также пользовалась услугами: покупала позже кое что после казни. Опять же деньга немалая.

У палача была своя философия: не его дело решать кто виноват, кто нет. Если найдут денег для жертвы— хорошо, а нет— значит на то воля провидения.

Палач подошёл к условному месту. В щели стены он нашёл три монеты. Это много. Чтож, цену своему делу он знает. Сделает, как оплачено. Спрятав деньги, он, поглаживая кисет на груди, оглянулся.

Отрава, предназначенная за плату всегда висела у него на груди. Палач оберегал её как зеницу ока. Задумался.

Сегодня костёр. Ох-хо-хо...Надо всё сделать так, чтоб толпа ничего не заметила. А то было как-то. По неопытности вложил яд в рот несчастной жертве раньше времени. Та и повисла на верёвках, а костёр к тому времени не разгорелся.

Пришлось ему тогда взбешённую толпу горящими поленьями разгонять. Им же зрелище подавай. Ну, ничего. Он теперь лучший палач в королевстве. Сдюжит. Не в первый раз.

Палач деловито спустился в подвал. Пока возился, перебирая нехитрые приспособления людской жестокости, подбежал малец.

— Папа, возьми меня с собой.

— Не сегодня.

— Ты обещал. Я топор держать буду.

— Успеешь. Я говорил тебе, что сын палача может быть только палачом?

— Ну пап...

Мальчишка ныл, крутился, зацепил горшок с обтирочным маслом. Тот грохнулся и разлетелся вдребезги.

— Брысь отсюда! — Палач озадаченно смотрел на черепки:

— Плохая примета. Что-то сегодня пойдёт не так...

Он вышел пораньше, захватив верёвку и надев свой длинный красный колпак с прорезями для глаз. Помост и столб соорудил ещё вчера. Дрова, солому заготовил. К делу он подходил тщательно, профессионально.

Был ярмарочный день, казнь всегда назначалась на максимальное скопление людей.

Глашатаи собирали народ вдоль городской стены. К полудню ворота закроют и до конца казни никто в город не войдёт и из города не выйдет.

Народ всё прибывал. Разношёрстная толпа с утра томилась ожиданием интереснейшего события — будут жечь ведьму!

Маша сидела на своём тюфячке и настроение у неё было не айс. Она держалась из последних сил, не позволяя мыслям рисовать картины ужаса. К ни го ед . нет

За ней пришли. Сняли колодки. Надели плащ, накинули капюшон. Повели по заполненным людьми улицам. Стража шла по бокам, близко не подпуская к Маше улюлюкающий сброд.

На деревянном постаменте палач, здоровенный амбал ловко перехватил её тело верёвками крест накрест, привязав к столбу. Посмотрел на неё сквозь узкие прорези кроваво-красного колпака, внятно сказал на ухо:

— Я помогу. Больно не будет. Уснёшь мгновенно.

— Спасибо, — еле слышно пролепетала бедная девушка.

Удивительно, Маше не было страшно, может быть от шока, в котором она находилась. Девушка осмотрелась. В башне напротив на уровне второго этажа, на балконе сидел Имре и ЛжеБеатрис.

Сбоку от Маши суетился Мин. Между ним и Машей стоял палач с зажжённым факелом в руке. Напротив них народ нетерпеливо потел, переминался с ноги на ногу, ожидая, когда же всё начнётся. В их глазах Маша видела только любопытство. Ни ненависти, ни сострадания. Правда, две старые кликуши пытались ударить девушку палкой, но палач только повернул голову в их сторону, они попятились.

Мин захлёбывался красноречием, поясняя толпе суть наказания. Маша не слушала его. Смотрела на Имре и думала, как сильно она ошиблась, обознавшись. Если бы это был Иван он бы обязательно узнал её. А так... просто очень похожий на него человек.

Маша перевела взгляд на толпу и увидела мальчика, выглядывающего из-за штанины зрителя в первом ряду. Соловейко! Она сразу узнала его, хоть и видела один раз.

Пацанёнок протягивал ей что-то в кулачке. Он разжал пальчики — кольцо! Её "Машкамышка".

— Стойте! — голос Маши был таким сильным и звонким, что Мин поперхнулся.

— Стойте! — Маша смело смотрела на Имре, — У меня есть последнее желание. У всех есть право на последнее желание.

— Да! Да! — скандировала толпа, обрадовавшись продолжению зрительского банкета.

— Не слушайте её! — завизжала ЛжеБиатрис, — Она вас всех сейчас заколдует!

Имре поднял руку. Все замолкли.

— Говори!

— Развяжите меня.

Имре кивнул. Палач поставил факел в специальное ведро, ловко распустил узел.

Маша протянула руки. Малыш шустро взобрался на помост. Протянул ей кольцо, зачарованно глядя на девушку. Маша показала колечко Имре.

— Это моё кольцо, — кричала ЛжеПринцесса.

— Спросите у своей подружки, что тут написано? Помните, я вам говорила?

Мин оббежал вокруг палача, пытаясь отобрать кольцо у Маши. Палач резко перехватил его тщедушную фигурку за шиворот, вернул на место.

Эстер истерила. Имре спокойно созерцал беснующуюся возле себя женщину. Она

пыталась бить его. Он блокировал левым бицепсом её заячью барабанную дробь по своему плечу.

Наконец оттолкнул её, она полетела назад, свалив трон и вместе с ним покатила по ступенькам.

Он всматривался в девушку на помосте, на ту, которую он сам отправил туда. Прозрение, как ледяной душ, окатило его. Он узнал в ней Беатрис.

Имре перескочил через балкон, легко спружинив. Расталкивая плотно сбившуюся толпу продирался к Маше.

— Ну, что, малыш? Ты нашёл свою маму? — Маша присела перед мальчиком: — Хочешь, я буду твоей мамой?

Он обнял её обеими руками, горячо зашептал на ухо:

— Мама! — он со всех сил уцепился за машину шеи, горячо, скороговоркой шептал:

— Я знал, что найду тебя! Мама. Mamochka, ты ведь не бросишь меня?

— Нет, дорогой. Я с тобой.

Маша подхватила его на руки. Прижала к себе всего, со всеми кудряшками и веснушками.

Мин, отчаянно пытаясь спасти ситуацию, выхватил факел из подставки и бросил его в солому. Языки пламени лизнули её. Скользнули змей, опоясывая её всю, вспыхнув оранжевым заревом, разливаясь полыхающими лужами.

Маша слышала голос Имре:

— Беатрис!

— Я не Беатрис. Я Маша. — тихо, одними губами ответила девушка.

Между ними выросла стена огня, Имре уже не видел её.

Палач с силой вытолкнул Машу из полыхающего круга. Падал вместе с ней с помоста, охваченного огнём, пытаясь уберечься от пламени.

Маша, прижимая голову ребёнка, пряча его от огня, шептала ему на ушко: — Я с тобой...

Проваливаясь в чёрный тоннель, слышала теряющийся голос вдали:

— Беатриис...

Свет становился всё нестерпимее. Яркий, пронизывающий до позвоночника, до покалывания в кончиках пальцев. Маше пришлось зажмуриться изо всех сил. Издалека, сквозь густой кисель нарастающего шума к ней прорывался вопрос:

— Как вас зовут?

"Ага, так я и сказала — Маша всё раскачивалась на странных качелях. Проваливалась и всплывала в серо-чёрных бликах, — это зависит от того, кто спрашивает. Если Имре — Беатрис. Если Иван — Маша. Вот щас скажу невпопад и пожалте, Машенька, или в дурку или на костёр."

Девушка попыталась открыть глаза. Яркий свет резал глаза, пришлось проморгаться, сощуриться. Перед её взором расплывались изображения мужчин в белом. Вроде без крыльев. И лица плохо выбритые, вполне земные, человеческие. Один даже в очках. Ангелы бывают в очках?

Маша глазами ощупывала пространство. Неоновый, космический свет отражался от всех блестящих поверхностей. Кожей чувствовалось много металла вокруг, пахло чем-то нежилым. Больница!

До Маши дошло, что она там, где ангелы сражаются за жизнь людей. Они одеваются в белые халаты и называются врачами. Больница это такое место, где все остальные люди, которые не в белых халатах, на один манер.

Нет мужчин, нет женщин. Здесь не понять где красивый мужик или секси девчонка. Никто не поправляет волосы, не хочет смотреться в зеркало. Никому не надо стесняться раздвинутых ног под тонкой простынёй и утки под кроватью.

До Маши донеслось:

— Она просыпается. Всё хорошо.

"Интересно, кто просыпается и почему это хорошо?" Мысли путались в голове, наезжали друг на друга. Хотелось встряхнуться, разобраться где она.

Маше было прохладно. Каждой клеточкой своего тела чувствовала шершавость простыней, неприятный привкус пластика во рту. Чем-то коряболо в носу, воздух, которым дышала, был невкусный.

Гул нарастающих голосов заполнял пространство, мотался бесхозным пуделем в голове, не давал Маше сосредоточиться.

Глаза смотрели, но мало чего видели. Как то всё урывками. Выцепили стоящую у стены немолодую женщину. Она, испуганно прижимала платок к губам и так смотрела на нее... Это мама... Мама!

Внезапно Маша вспомнила всё. Её тряхонуло.

— Мой ребёнок! — она попыталась вскочить, оглянуться, трогала руками живот. Оглядывалась искала глазами Соловейко. Она только что держала его на руках. Где он?

Со стороны выглядело, будто Маша еле шевельнулась, но её вопрос услышали.

— С вашим ребёнком всё хорошо.

— Мама, со мной был мальчик! Где он? — Она говорила немного растянуто. Язык заплетался. Маша с надеждой вглядывалась в лицо матери, у неё выпрыгивало сердце. Ей нужен был ответ. Немедленно.

Она поймала пронизательный взгляд врача.

— Успокаиваемся. Маша! Всё хорошо. Вы беременны, ваш ребёнок с вами. Он здоров, у него всё хорошо.

— Нет, нет, со мной ещё был мальчик. Кудрявый, маленький. — Маша пыталась подняться, оглядеться.

— Это был сон. Вы проснулись.

У Маши перехватывало дыхание, глаза расширились, частил пульс. Выступили слёзы, она не могла отделаться от ощущения, что должна защитить ребёнка. Она вдруг явственно почувствовала, как горячо стало у неё на сердце. Ещё не понимала как это, но чувствовала, что мальчик, которого ищет, теперь у неё в сердце.

— Посмотрите вот сюда, — врач указал на стену вдоль кровати:

— Это мониторы. Они следят за вашим состоянием.

— Приказываю! Позовите врача! — разум Маши продолжал играть с недоверием.

— Мы здесь, мадам! — терпеливо врач возвращал девушку в реальность,

— Куды бечь, командирша Маша Кошкина? — врач с улыбкой держал Машину руку.

— Умоляю вас, послушайте сердечко. — Маша, чувствуя, как от тревоги потеют её ладошки, заглядывала в глаза божеству в белом халате.:

— Не моё, его — она указала на живот.

Врач послушно стянул фонендоскоп с шеи, приложил его холодный круг к животу обеспокоенной девушки. Тепло похлопал Машу по руке:

— Всё хорошо. Передаёт вам привет.

— С ним всё хорошо?

— Отлично. С такой мамой у него всё отлично.

Краем глаза Маша видела остальных, стоящих поодаль людей в белом. Их набилась полная палата. Все внимательно смотрели на Машу. Где-то за ними раздались всхлипы.

— Мама?

Люди расступились. У стены мама Маши рыдала.

— Ну, ты чего? — Маша улыбнулась.

— Дарья Петровна, вот, выпейте.

Медсестра протянула успокоительное в пластиковом стаканчике.

— Вот, Мария, смотрите, что вы натворили. Мы не спим, мама ваша не спит, за дверями целые делегации несут дозор.

— Врач делано погрозил Маше пальцем.:

— Больше не пугайте нас. У вас было сотрясение. Остановка сердца. Вас вводили в искусственную кому. Сейчас всё хорошо. Отдыхайте.

Он собрался уходить.

— Скажите, доктор. Мне постоянно слышится чирикающий звук птицы, как будто она где то рядом. Это галлюцинации?

— Я вам больше скажу. Мы тоже его слышим и даже видим.

Все расступились, в палату внесли клетку с серой птичкой.

— Вот он ваш соловей. Иван Алексеевич велел, чтоб возле вас был. Но, Иван хоть и главный, а мы главнее. Этот пернатый подарок не может находиться в больничной палате. Отдыхайте!

Все вышли.

Мама Маши сидела рядом с сооружением, напоминающем космическую гавань, в простонародье "медицинская кровать для лежачих больных", не могла насмотреться на

дочку.

Бледное, осунувшееся лицо дочки изменилось. Оно стало взрослым, полностью утратило наивность. И мама Маши тоже изменилась. Морщины, появившиеся на её заплаканном лице ничто по сравнению с теми бороздами, что пропахали её сердце.

Она чуть дочери вместе с внучком не лишилась.

— Я слышу столько голосов, мама... — Маша никак не могла вырваться из своего путешествия, — И со мной был мальчик. Он теперь у меня тут — Маша положила руку на сердце.

— Ванечка уже едет. — мать будто бы не слышала слов дочери.

Ванечка... У Маши защемило в груди. Она прожила целую жизнь, где хранила ему верность, где не позволила обстоятельствам сломить свою любовь. А теперь ей надо будет учиться жить без Ивана.

Его измена... Опять каменная плита обиды вдавила Машу в кровать.

— Доча, там столько народу за дверями. Лена, подружки с твоей работы. Игнат вот с птичкой носится. За каждое пёрышко Соловейки отвечает.

— Как ты сказала птицу зовут?

— Соловейка.

— Кто её так назвал?

— Да не знаю. Само как-то.

Так вот, все хотят тебя видеть. Ванечка же охрану выставил, никто кроме меня и врачей входить не может.

У нас с ним тайна есть. Медсестра как войдёт, так колечко с тебя снимает, говорит — не положено. Ванечка как придёт, надевает.

— Мама, не говори мне про него.

— Маша..

— Не начинай, — Маша остановила мать, — ты ничего не знаешь.

— Чего же я не знаю такого, что знаешь ты, доченька.

Вот, послушай историю.

За два месяца до победы у моей бабушки родилась двойня. Моя мать и мой дядька Коля. Кругом разруха, март, холод, голод жуткий. К тому времени дед мой, которого потом корова забодала, с войны уже вернулся.

Комиссованным, без ноги, с костылём. Хоть и калека, а всё мужик. Так вот, на селе тогда лазарет на втором этаже единственного сохранившегося здания был. Там двойня и родилась у деда с бабушкой.

Ждёт баб Таня когда дед придёт, порадует, поддержит её. А его всё нет и нет. Подумала баб Таня, что он про двойню узнал и бросил её. Как в разруху то двоих младенцев поднимать.

Решила бабушка Таня с окна выброситься, боялась, что сама не сможет. Как детей кормить, сама то последний месяц вместо еды всё махорку курила. Нянечки еле оттащили от окна, истерика у неё была жуткая.

А дед, между прочим, в соседней палате лежал. Он когда от радости скакал к ней на одной ноге на второй этаж, упал и вторую ногу сломал. Бабушке сказать боялись, чтоб молоко не пропало.

За неё переживали: вроде мужик был полуинвалид, а теперь совсем обездвиженный. Да ещё двойня на руках.

Мама Маши молчала.

— Ну, и зачем мне эта история? — Маша злилась. Она вообще терпеть не могла все эти сельские побасенки:

— Меньше бы пил, глядишь, не свалился бы с лестницы, — добавило зло, непримиримо.

— Деда не суди. Откуда знаешь, чего он там на войне насмотрелся.—

Мама Маши уже не плакала.

— Людям надо верить Маша. Дай шанс своей судьбе.

— Что это значит?

Мать встала, открыла дверь. В дверном проёме спиной к Маше стояла фигура в чёрном костюме. Охранник застыл каменной глыбой, глядя прямо перед собой. Он как будто рассматривал стену напротив, по которой размажет любого, кто попытается переступить порог палаты.

Из-за его плеча высунулось лицо Зинаиды Петровны...

— Маша, простите меня. — её голос звучал ровно, без эмоций. Слова, которые она сказала после были как гром среди ясного неба. Маша от неожиданности даже попробовала приподняться, не ослышалась ли.

— То, что вы увидели в кабинете у сына, это я устроила. Наняла девушку артистку, чтоб она развела вас на ревность. Это была провокация. Я хотела чтоб вы исчезли из жизни сына. Простите.

— Засунь себе свой "сорян" в ж.. — это первое, что хотелось Маше крикнуть ей в ответ. Странно, она нашла в себе силы сказать вслух:

— Прощаю. Но никогда не забуду. И, сделайте одолжение, исчезните с глаз моих.

Лицо женщины исчезло. Охранник, красивый мужик, рослый, мощный как танк, повернулся влоборота, закрыл дверь в палату, оставив Машу с мамой в тишине.

Маша сцепила пальцы. Ей захотелось рычать, биться, грызть подушку. Та тварь только что выдавила из себя "простите" и всё?!

Маша перенесла такой кошмар, она чуть не умерла. Мог пострадать её ребёнок. Машу бесило всепрощенчество её собственной матери. Почему её мать не перегрызла за свою дочку горло обидчице!

С Машей случилась истерика. Девушка кричала, рвалась куда-то. Закашлялась, её просто сотрясало. Прибежали медсёстры, что-то вкололи. Примчался врач.

Маша издалека всё слышала, понимала, что ей говорят. Отвечала. Постепенно голоса уходили, она проваливалась в мягкую полудрёму. Уснула.

Проснулась через час в отличном настроении.

"Нифигашечки! Я успела побывать на своей смерти, на своей казни и получить "прости" от главного врага. Сюр какой то. Интересно, какая ещё фигня до меня не долетела" — Маша тихонько хмыкнула.

Мать прижалась губами к ладонке Маши.

— Что болит, доченька?

— Нет, ничего. Только спать хочется. Я спать боюсь, мама. Вдруг снова провалюсь туда, откуда еле выкарабкалась.

Туда, где ей приходилось сражаться за счастье увидеть Ивана вновь...

А Иван с утра нацеловав свою красавицу, выехал из больницы по делам. Хоть штурвал его бизнеса был в надёжных руках заместителей, но без капитана на корабле никак.

Позвонил Алексеич. Предупредил, что мать Ивана в больнице. Чтоб Иван не волновался, все на своих местах.

Иван знал, что мать следит за каждым его шагом. Но и он не оставлял наблюдения за ней. Знал, что вчера она долго беседовала с тётёй Дашей. Сегодня-то чего ей понадобилось.

Наверняка уже прознала, что Иван меняет фамилию на отцовскую. В своё время, в шестнадцать, он получал паспорт на фамилию матери.

Давно уже надо было сделать этот шаг, стать Трофимовым. Скоро свадьба, малыш родится, всё как раз успеет. Его семья будет Трофимовы.

Да, юристам предстоит немало возни с документами.

Иван знал, что сегодня Маша проснётся, торопился встретиться с ней.

Позвонил Игнат.

— Ваша мать просит прощения.

— У кого, у тебя? — Иван даже не понял, что происходит.

— Маша проснулась. Она у Маши просит.

— Кто пустил? — зарычал Иван.

— Никто не пустил. Она из коридора кричит. Нам слышно, поэтому Вам звоню.

— Как Маша?

— Не видел, но голос слышал. Разговаривает. Про птичку спрашивала.

— Да ты что!

Сказать, что Иван спешил — ничего не сказать.

Мчался от стоянки, не дожидаясь лифта скакал зайцем по ступенькам. Краем глаза видел мать. Она поднялась было ему на встречу. Увидев его лицо отступила.

Он на цыпочках подошёл к закрытой двери палаты.

— Как она?

— Спит, устала, наверное. — Лена пожалала локоть Ивана.

Давай уже, пусти нас, мы тоже скучаем, хотим увидеть красотку.

Иван аккуратно приоткрыл дверь.

Увидел Машу. Утром она была совсем другая. Бледная, неживая. А сейчас порозовела.

Поза другая. Теперь она просто спит.

Маша плавно то провалилась в сладкую дрёму, то так же выплывала. Ей было удобно лежать. Она, наконец, была спокойна за будущее своего ребёнка.

Её затопило волнение, нежность к тому мальчику из её путешествия по другому миру. В ней зрела уверенность, что с ним, с Соловейкой, всё хорошо. Теперь он там, где ему самое место, у неё под сердцем. А когда родится, никто на свете не будет любить его больше, чем она, его мама. По телу разливалось тепло, оно обволакивало, успокаивало.

Упругий щелчок двери выплеснул её из убаюкивающих волн.

Она увидела всё сразу: его классический пиджак, белую футболку, джинсы, бритый квадратный подбородок, глаза с прищуром. Маша не выдержала этого счастья. Закрыла лицо ладошками, слёзы текли рекой, она рыдала. Иван. Её Ваня.

Он лёг рядом с ней, обнял её так нежно, крепко. Как будто заслонял её от пули, от взрыва, от любой беды. Зарылся, ушёл лицом в её волосы. Перестал дышать. Маша трепетала от счастья, чувствовала его дыхание на шее, знала, что нет более мощной защиты, понимала, что ей больше ничего не угрожает.

— Я успела целую жизнь прожить без тебя. Сердилась. Скучала.

— Мы оба в курсе, что ты неадекватная, — со смешинкой шептал на ухо любимый голос:

— Наверное ты знаешь. Но я скажу ещё раз. Так, на всякий случай, чтоб ты вспомнила. Я люблю тебя, Маша.

Он ещё крепче обнял её, боясь потерять ещё раз:

— Маша, не оставляй меня. Никогда.

Они лежали молча на медицинской кровати, в окружении плачущих приборов, неоновых ламп. Два сердца, две души. Между ними пульсировала точка подрастающего сердечка, связавшая их навсегда.

НАШЕ ВРЕМЯ

Из веранды был виден скальный массив. Далеко внизу волны разбивались о берег. Всё исчерчено береговыми тропами и обалденными пейзажами.

Маша сидела на берегу, задумчиво смотрела как лениво перекатываются волны, нехотя шуршат пляжным песком, рассыпают прозрачную пену по берегу. Перед ней лежала куча рекламных проспектов, фотографий с замками.

Иван всерьёз решил приобрести замок, это была его мечта с детства. Сделать там музей и отель. Разбить виноградник. Раз муж решил купить, значит купит. Надо не спорить, а думать, что с этим делать.

К Маше подбежал Серёжа, вихрастый, славный мальчуган, тыкнул пальчиком в картинку, спросил: — это что?

— Это замок, сынок.

— А это бассейн?

— Это ров вокруг замка.

— Мам, что такое ров?

Подбежал старший, Тимофей:

— Балбес, это река вокруг забора!

— Сынок, не называй брата балбесом.

— Хорошо, мама. А как называют бестолковых детей?

— Их никак не называют. Им объясняют.

— Иди сюда, бестолковый ребёнок! Я буду тебе объяснять.

— Мама, он меня тянет за руку!

— Сынок, отпусти брата. Он не хочет с тобой идти.

— Он должен. Мы пойдём рыть ров!

— Я хочу с мамой!

— Мамсик!

— Мама!

Маша краем глаза наблюдала за расшалившимися детьми.

Мальши весело тормошили друг друга. Мальчишки шести и трёх лет вели себя как котята: то напрыгивали друг на дружку. То, набесившись, засыпали рядышком.

Иван очень серьёзно относился к воспитанию сыновей. Считал, что воспитывать мальчиков должен только мужчина, их отец. Мать может любить, а все остальные следить, чтоб эти двое не поубивались в своей вольнице.

Сегодня был особенный день. Собиралось очень много гостей на шикарное празднование дня рождения Тимофея.

Пацанёнок с утра чувствовал себя звездой, сиял как новая монета. Младший, хвостиком следовавший всюду за братом радовался по соучастию. Подошла их няня, сообщила, что всё готово.

Шатры установили, гирлянды из шаров и флажков развесили. Аниматоры на месте. Спрашивают разрешение включить музыку.

Уже прибыли первые гости.

Мальши вприпрыжку помчались на большую лужайку перед домом открывать

праздник. Приглашённых было столько, казалось придут все дети острова.

День клонился к закату. Маша надела легкое белое платье в синий горошек. Тонкая текстура, воздушная драпировка. Шляпку с голубой лентой, в тон ей балетки. В ушах сверкали сапфиры. Она чувствовала себя великолепно.

Иван уехал лично встречать тещу в аэропорту. Эти двое давно стали не разлей вода друзьями. Один мог слушать другую часами, а та, другая, лепить тонны пельменей и вареников для "Ванечки".

Маша спустилась к гостям. Играла музыка. Дети перебежали от шатра к шатру.

Под их пёстрыми тентами таились несусветные детские радости, шоколадные фонтаны, разноцветные горы мороженого и карамельные развалы.

Маша выглядывала, ждала Ивана, ей надо было сказать ему кое-что. Что ж так долго. Наконец, с террасы издалека она заметила хищные изгибы его машины. Через пять минут он приехал.

Из машины выкатилась коломбом Машина мама. Иван, подхватив её под локоток повёл к дому. Маша обнимала родную душу, она так скучала по мамочке. Счастливая теща, бабушка по своему обычаю плакала, смеялась, одновременно спрашивая про здоровье и рассказывая про впечатления от дороги..

Она уже знала, что Зинаида Петровна где то в Сингапуре, по делам. Прислала внуку поздравления, подарок на личный счёт ребёнка со множеством нулей. Впрочем, независимо от места нахождения, подарков и запоздалых раскаяний, внуков ей было не увидеть, как собственных ушей. Иван не забыл и не простил.

Не отдохнув с дороги, машина мама отправилась искать внуков в ватаге резвящихся детей.

Маша пыталась перехватить Ивана, но его со всех сторон осаждали гости.

Маша решила предъявить на него свои права, разыскала мужа в толпе, схватила за руку, потащила за собой:

— Иди за мной! — приложила палец к губам.

Он продолжал кивать кому-то. Наконец повернулся к Маше:

— Случилось что-то?

— Случилось. Мне надо признаться.

— Солнце моё, помни, я уже всё заранее простил, всё оплачу, на любую просьбу скажу да. Кроме покупки розового платья и кошки в доме. Про кошку — неточно.

Маша молча смотрела ему в глаза, собираясь с духом.

— Постой!

Теперь он ухватил её за руку и потащил. Она догадывалась куда.

— Нас могут искать.

— Прикинь, если найдут? — он уже стягивал с неё платье.

— Подожди. У меня есть тайна.

Он прижимал её всё требовательнее. Горячо, с хрипотцой шептал на ухо:

— Ну, скажи мне, маленькая интриганка, что ещё ты скрыла от меня? Ты утопила нашу яхту? Ты подарила голодающим в Африке моего "Ягуара"?

— Я беременна. Девочкой.

Он замер. Не дышал. Его брови смешно съехались домиком, губы растянулись в улыбку.

— Девочка... — прошептал Иван, хлопая глазами. Аккуратно, как на хрустальную вазу натянул на Машу свалившееся платье.

— Ты выбрала замок?

Маша растерялась. Она, конечно, привыкла, что не поспевает за его логикой, но такая реакция её удивила. Улыбнулся, и всё? Только она решила расстроиться, он с горящими глазами ухватил её за плечи.

— Назовём его Изабелла! Да? У меня будет дочь хозяйка замка. Маленькая, кудрявая Белла!

Иван уже пришёл в себя, размахивал руками.

— Наконец-то у меня будет то, что я должен защищать испокон века — моя дочь! Моя маленькая звёздочка!

Маша наблюдала за мужем, медленно сходящим от радости с ума.

— И что же мы будем делать? — она готовилась задать самый сложный вопрос, который ей не давал покоя.

— Э...А что надо сделать? Командуй, царица, мать моей дочери. Отныне я слушаюсь и повинуюсь тебе, хозяйка девичьего царства.

— Точно повинуюсь?

— Да! Даю слово счастливого папы.

— Как нам быть с розовым цветом? Девочке, чтоб чувствовать себя принцессой необходим розовый. К тому же все подружки, коляски, бантики, всё это будет в клубах розовых облаков. А твоя дочь, ещё не родившись, уже будет хуже других? И будет рыдать, что ей нельзя надеть розовое платьице?

— Да хоть розовый, хоть в пятнышко, хоть в полосочку. Это же моя доченька. У неё будет всё, что только пожелает.

Маша ушам своим не верила. Таким счастливым она не видела Ивана со времени рождения сыновей.

Стемнело. На площадке зажгли фонарики. Они жёлтыми нарядными бусами висели над поляной. Неугомонные стайки детей продолжали носиться, отовсюду слышен был праздничный гул, играла музыка.

В небе бабахнуло, Маша вздрогнула от неожиданности. Каскады рвущихся фейерверков заполнили небо.

В считанные мгновенья небо заполнялось россыпями искр сказочных букетов. Снопамися распустившихся небесных хризантем. Фигуры сменяли друг друга. Возникали. Гасли. Тут же другие мириады огней ссыпались с неба золочённой парчой. Невероятной красоты сполохи расцветили ночное небо.

Все, кому довелось видеть чудесный калейдоскоп в небе, наполнялись радостью, счастьем.

В такие минуты каждый понимал, что жизнь — это праздник.

Надо только ей довериться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net